

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

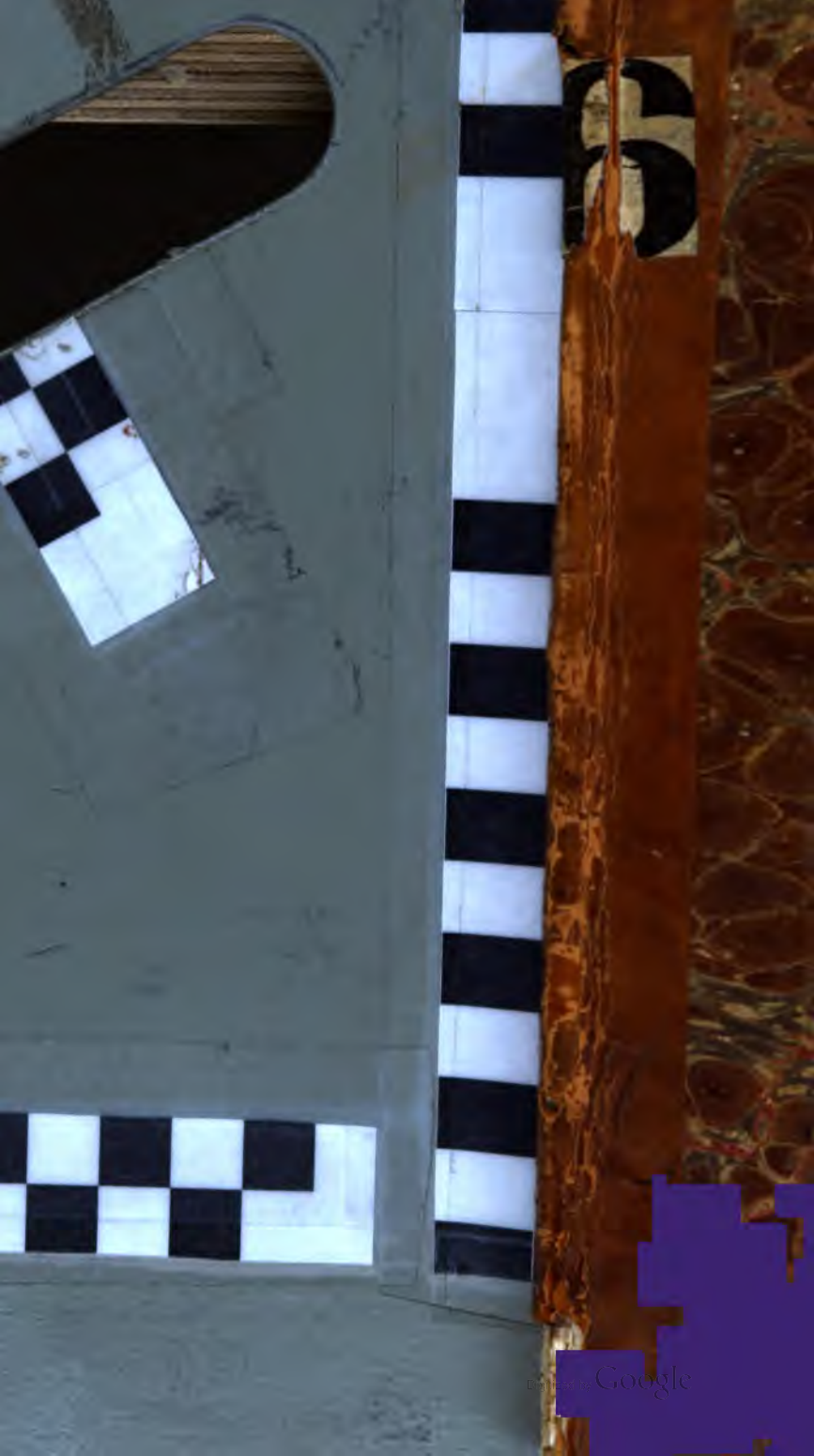
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

5

3777

wb7

Radozhitskiy, I. T.

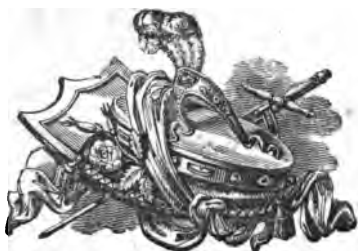
ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА,

СЪ 1812 ПО 1816 ГОДЪ.

АРТИЛЛЕРИИ ПОДПОЛКОВНИКА

И..... Р.....

МОСКВА,

**ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.**

1835.

PK

DK53
R3
v.1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ , чтобы по оппечашаніи представленные
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва, Марта 15 дня, 1835 года.**

Ценсоръ М. Каченовскій.

~~Р50~~

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ,

ГОСПОДИНУ СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ

И ОРДЕНОВЪ

СВ. АННЫ 2-Й И СВ. ВЛАДИМИРА 3-Й СТЕПЕНИ

КАВАЛЕРУ,

ИВАНУ ОСИПОВИЧУ

ХОЛОДОВИЧУ.

СЪ УСЕРДИЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

Сотинитель.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ
0
АРТИЛЛЕРИСТА.

Ч А С Т Ъ I.

1812-Й ГОДЪ.

ВОЙНА ВЪ РОССІИ.

**Tout homme doit au public le tribut
de son activité, et devrait s'efforcer de
laisser quelque trace honorable de son
existence.**

W E I S S.

Владычество Наполеона во Франціи, особенно послѣдніе годы его жизни, сколько знамениты, что влекутъ за собою въ нѣкоторую извѣстность даже тѣхъ людей, которые, болѣе или менѣе, участвовали во всеобщей борьбѣ народовъ цѣлой Европы противъ его единовластія. Много издано Записокъ, Писемъ, Испорій о современныхъ происшествіяхъ, и однако еще не все сказано. Еще довольно есть такихъ обстоятельствъ въ прошедшемъ, которые сокрыты для насъ, и будучи обнаружены, могли бы быть полезнымъ матеріаломъ для историка и философа. Частно, по видимому ничтожныя обстоятельства, обнаруживая характеръ дѣйствователей, служатъ къ поясненію происшествій. Сверхъ того, воспоминанія о прошедшихъ ужасахъ войны, эпоей избытка народнаго благосостоянія, даютъ важныя уроки для будущаго. Ужасаясь прошедшаго, мы бываемъ осторожны въ на-

II

споящемъ; вникая въ причины бѣдспвій, мы предусматриваемъ средства для опроверженія ихъ на будущее время. Но только очевидцы могутъ излагать дословно всякія событія; и такъ, извѣстія очевидцевъ и участниковъ минувшей войны, болѣе или менѣе, приносятъ пользу для Исторіи.

Не мало писали о войнѣ Наполеона въ продолженіе послѣднихъ четырехъ годовъ его политическаго бытія въ Европѣ; но есть ли хотя одна Исторія непристрастная, чуждая лести важнымъ современникамъ, и безъ желчи врагамъ опечесыва? Ни Россіянинъ, ни Германецъ еще не могутъ воздать должной справедливости воинственному генію Наполеона, потому что зацѣленные недавно раны еще напоминаютъ о сраженіяхъ. Самимъ Французамъ не лѣзя вѣришь; они увлекаются призрасіемъ, такъ-же какъ и Рускіе; а потому истинной Исторіи шѣхъ событій, кажется, еще не пришло время явиться, доколѣ не изглядятся съ лица земли важные современники, заграждающіе уста

испинѣ, и только въ кабинетахъ ихъ
оспаешя пайна Испоріи. Между пѣмъ
пусшъ, въ счасливый часъ, являющя
Записки учасшниковъ. Каждый изъ насъ
смошрѣлъ на происшешвія своими гла-
зами, и могъ замѣшшъ шо, чшд другой
упусшилъ изъ вида. Послѣдующіе сочи-
ншпели извлечушъ изъ сшхъ маперіаловъ
лучшее для сосшавленія цѣлаго, болѣе
испиннаго нежели всѣ свѣжія Испоріи
недавнихъ собышій. По мѣрѣ опдаленія
времени возвышаешя цѣна минувшему.
Кло знаешъ, можешъ бышъ археологи
попомсшва нашего спанушъ съ любо-
пышсшвомъ рышъся въ исплѣвшихъ ки-
пахъ нынѣшнихъ библіопекъ, и соби-
рашъ вешіе маперіалы о пѣхъ обспоя-
шельсшвахъ, кошорыми нынѣ вовсе мы
не занимаемя. Не подробносш-ли ча-
спной жизни людей всякаго званія объ-
ясняюшъ характеръ, образъ мыслей, спе-
пень просвѣщенія и нравсшвенносшь цѣ-
лаго народа? не онѣ-ли опкрываюшъ
чершы, драгоцѣнныя для Испоріи?

Ншшо изъ насъ не ожидалъ пѣхъ
чрезвычайныхъ происшешвій, какихъ

IV

мы были свидѣтелями и учаспниками со времени доспопаяшнаго 1812 года; ннкло не пригопоялялъ шепрадей, чпобы записывашь все чрезвычайное на походѣ; но сдѣлавши привычку опъ ранннхъ лѣпъ писашь все замѣчашельное, встрѣчающееся въ жизни, я обязанъ шпѣмъ маперіаламъ, копорые нынѣ послужили мнѣ для начерпанія чешырехъ доспопаяшннхъ годовъ моей жизни.

Долго я воздерживался издавашь свои *Походныя Записки*, не повѣривъ доспашочно шого, чшд замѣчалъ въ походѣ наскоро, и не довольно осмошрѣвшисъ въ кругу общаго дѣйсшвія. Часпному офицеру не лзя распроспраняшья далѣе своего горизонша; а пошому и я касался шолько предметовъ смежныхъ съ дѣйсшвіемъ шого сильнаго вихря, въ копоромъ самъ соспавлялъ хопя малѣйшую пылинку, но шакже содѣйсшвовалъ общему усилию для сокрушенія спрашнаго врага Европы; можешь бышь, направленное мною ядро сломило шею не одному исполнишелю замысловъ великаго завоевашеля.

Записки свои раздѣляю на чешыре ча-
спи: 1-я, о войнѣ въ Россіи, 2-я, о войнѣ
въ Германіи, 3-я, о войнѣ во Франціи, и
4-я, походъ во Францію.

Опрывки изъ сихъ Записокъ, помѣ-
щенные въ книжкахъ Журнала Отече-
ственныя Записки, 1823, 1824 и 1826 го-
довъ, и въ Московскомъ Телеграфѣ 1834
года, могли познакомить читателей съ
моимъ слогомъ и рассказомъ.

ГЛАВА I.

ДО ОТКРЫТІЯ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Нѣчто о Наполеонѣ. — Предвѣщатель. — Шпіоны. — Несвижъ. — Начало движенія войскъ. — Балъ въ Слонимѣ. — Смотръ и походъ. — Способъ фуражированія. — Провѣздъ ИМПЕРАТОРА. — Смотры. — Командировка въ Бобрыйскъ. — Нѣчто о Фигнерѣ. — Движеніе къ границѣ.

Наполеонъ, съ высоты престола своей воинственной монархіи, разсѣвалъ ужасъ по всей Европѣ. Имя его приводило въ трепетъ, не только Нѣмецкую чернь, но и Русскую, копорая не иначе о немъ разумѣла, какъ объ Антихристѣ, по сходству имени его съ апокалипсическимъ Аполліономъ. Оно было камнемъ прешкновения для Русскихъ мудрецовъ.

Въ офицерскихъ бесѣдахъ о Наполеонѣ, часто сожалѣли мы, что судьба не свела его съ Суворовымъ — не нашла коса на камень. Можешь бышь Русскій Аннибалъ не допустилъ-бы великаго Корсиканца возсѣсть на пронъ династїи Бурбоновъ. Но

законы судьбы неизмѣнны : Наполеонъ, послѣ Египетскаго вояжа своего, шпыками заставилъ признашь себя главою Республики. Послѣдующіе подвиги превосходнѣе и рѣшительнѣе первыхъ утвердили его владычество, и съ новымъ спользіемъ явился новый Императоръ Французовъ въ Европѣ.

Каковъ былъ Наполеонъ, о томъ всѣ знаютъ, и много писали. Большая часть черни-писателей бранили его безъ милосердія, и даяли, какъ Крылова моська на слона; между шѣмъ полководцы, миниспры, и законодатели перенимали ошъ него систему войны, полишники и даже форму государственнаго правленія. Онъ былъ врагомъ всѣхъ націй Европы, спремясь порабощишь ихъ своему самодержавію, но онъ былъ гениій войны и полишники : гению подражали, а врага ненавидѣли.

Слава подвиговъ Наполеоновыхъ заставила забыть о Корсиканцѣ. Успращенная Европа взирала съ шрепешомъ на великаго Императора Французовъ, ожидая ошъ него окончательнаго удара. Сразивъ послѣднія усилія Германіи, онъ могъ-бы, казалось, сперѣшь съ лица Европы прешолы нѣкопорыхъ державъ; но побѣдитель предпочелъ лучше облагородишь свое племя вспупленіемъ въ родство съ древнѣйшею дина-

спією Императоровъ Германіи. Завоевать у сильнаго царя дочь, было всегда цѣлю героевъ въ романахъ и сказкахъ. Наполеонъ исполнилъ эпо, и къ своему роману прибавилъ новую спашью: посадилъ младенца на пресполь Римскихъ Цезарей, и назначилъ ему въ наслѣдство — мечшу обладанія міромъ. Если еще одна держава дышала, и спрашнй завоевашель пощадилъ ея сущестшованіе, шо, можешъ бышь, эшимъ она обязана смежности своей съ могущественною Россією. Наполеонъ уважалъ великую соперницу, но онъ и ей гошовилъ гидру, близъ самага сердца возродивъ изъ пепла разрушенной Сармашіи полишическаго феникса. Только еще Россія и Англія не ужасались гиганша; одна по могуществу на сушѣ, другая по владычеству на моряхъ. Онѣ осприли мечи свои для сокрушенія его величія.

Не буду распрощраняшья о необычайномъ чловѣкѣ, положившемъ начало полишическимъ переворошамъ для будущихъ поколѣнй; не буду говоришь о разрывѣ союза сильныхъ монарховъ, о пріугошоменіяхъ къ войнѣ, о числѣ войскъ и проч.; все эпо извѣсно, и не принадлежишь къ моему объему. Приспуаю къ ближайшимъ обспояшельсшвамъ.

До начашія войны 1812 года, II-й Ар-

пиллерейской бригады 3-я легкая роша, въ кошорой я служилъ Поручикомъ, была расположена каншонирь - кварширами въ городъ Несвижъ, Минской губерніи. Бригада наша входила въ соспавъ войскъ 6-го Корпуса, подъ командою Генераль-Лейпена-ша Эссена 2-го.

Мы жили въ Несвижъ довольно весело, и не думали о Французахъ; немногіе изъ нашихъ офицеровъ, между службою, занимались полишикою. По газетамъ доходили и до насъ кой-какія новоспи; но мы, въ шумъ своей беззабопливоспи, скоро о нихъ забывали. Одинъ только N (*), какъ чело-вѣкъ грамопный, занимавшійся чпеніемъ Священнаго Писанія и Московскихъ Вѣдомостей, болѣе всѣхъ ужасался Наполеона. Терзаемый призраками своего воображенія, онъ спалъ проповѣдывашъ намъ, что эпопъ Анпихриспъ, сирѣчь Аполліонъ или Наполеонъ, собралъ великія, нечиспныя силы около Варшавы, не для чего инаго, какъ именно для шого, чшобы разгромить машушку-Россію; чшо при помощи Сапаны Вельзевула, невидимо ему содѣйспвующаго, врагъ непременно полонитъ Москву, покоритъ весь Русскій народъ, а за шѣмъ вскорѣ послѣдуешъ — свѣпопреспавленіе и

(*) Одинъ изъ неспроевѣхъ офицеровъ.

спрашный судъ. Мы смѣялись шакимъ нелѣпосшямъ, въ досаду N, кошорый называлъ насъ безбожниками ; онъ, не шуша, былъ внушренно убѣжденъ въ своемъ пророчесствѣ, и безпреспанно нюхая шабакъ, уговаривалъ насъ вѣришь ему по совѣсти, причемъ ссылался на девяшую главу Апокалипсиса, гдѣ именно сказано о Наполеонѣ, какъ о предводителѣ спрашнаго воинспва со львиными зубами, въ желѣзныхъ лапахъ, и съ хвосшами, подобными скорпионовымъ. Разумъ несчастнаго граомшѣя споль сильно поколебался, чшо, когда командировали его по дѣламъ службы въ Москву, онъ на пуши всѣмъ и каждому предсказывалъ объ Аншихриспѣ Наполеонѣ (*).

Можесть бышь не одинъ N** нашъ находился тогда въ подобномъ помраченіи ума;

(*) Мы сами послѣ удивлялись событію, когда Французы дѣйствительно впоргнулись въ Россію и заняли Москву. N**, выпущенный изъ своего заповѣнія въ день ихъ вшеспвія, явился къ намъ въ лагерь при Красной-Пахрѣ. Спраданія измѣнили черны лица его ; блѣдность, впалые, помупившіеся глаза, и спраспъ къ шавлиночному шабаку показывали человѣка, совершенно въ умѣ разспроеннаго. Прощаясь, онъ спращалъ насъ скорымъ свѣшпопреспавленіемъ.

всѣ чипашели Апокалипсиса подвергались той-же участи : однимъ грезилась предвѣщательные сны , другимъ мерещился Аншихристъ на яву.

Такіе феномены рѣдки , хотя не представляющъ ничего особеннаго , кромѣ послѣдствій опъ сильнаго пошрясенія въ мозгъ. Люди , занимающіеся болѣе другихъ современными событіями въ политическомъ мѣрѣ , чрезъ сравненіе прошедшаго съ настоящимъ могутъ довольно вѣроятно заключать о будущемъ , ибо опъ одинаковыхъ причинъ происходятъ одинаковыя дѣйствія. Франція при Наполеонѣ была сильнѣе Россіи ; безчисленныя воинства его спояли у самыхъ границъ нашихъ. Умы большей части народовъ были предубѣждены въ непобѣдимости Наполеона ; настоящимъ ходъ происшествій обнаруживалъ его враждебные замыслы. Какой сынъ Россіи не ужасался видя громаду силъ непобѣдимаго , гошовую со всѣми бѣдствіями ринуться на любезную родину? Чье сердце не содрогалось при одной мысли о чужомъ порабощеніи? Опъ шакого пошрясенія въ умахъ могли происходить прорицательныя видѣнія и мнимыя опкровенія , копоры опчаспи оправдывались событіями. Такъ глубокіе политики , по ходу современныхъ происшествій , обнимая проницатель-

нымъ взоромъ прошедшее и соображаясь съ будущимъ, могушь видѣшь судьбу государспивъ впередъ на нѣсколько лѣтъ.

Вскорѣ послѣ пророчесва нашего Н*** спсали ловишь въ Несвижѣ шпіоновъ , явившихся подѣ видомъ комедіаншовъ , фокусниковъ, спранспвующихъ монаховъ, и шому подобныхъ. Кажелся , въ правилахъ великаго Наполеона было , предѣ начашіемъ войны съ какимъ-либо государспвомъ, впускашь въ него сперва легіоны шпіоновъ и зажигашелей , копорые приугопвляли и расчищали пушь для его побѣдоноснаго воинспва.

Наиболѣе эшихъ шпіоновъ являлось погда подѣ видомъ землемѣровъ, или по-Польски коморниковъ, копорые, попеременно съ нашими офицерами Кварширмейсперской часши, снимали ситуацию окреспностей Несвижа инспруменшально. Я эпо замѣшилъ особенно по одному случаю. Мнѣ назначили въ городѣ для перемѣны другую кварширу. Со всшупленіемъ моимъ за порогъ въ новое жилище предспавился мнѣ коморникъ , окруженный машемашическими инспруменшами и планами. Я предложилъ ему, чшобы онѣ очисшилъ кварширу, опредѣленную мнѣ по власпи Жидовскаго кагала, и въ удосповѣреніе предспавилъ на лицо Десяшника Еврея. Коморникъ опвѣ-

чалъ мнѣ по-Польски, неловкимъ нарѣчіемъ, что онъ квартируетъ шупъ съ позволенія Князя Р**, и не позволилъ себя согнашь съ мѣста никому. Разговоръ у насъ сдѣлался живѣе; успрашенный Десятникъ Еврей убѣжалъ, а Польскій коморникъ превратился во Француза.... Догадавшись, каковъ былъ госпъ, я поспѣшилъ къ своему командиру; но покуда опыскали Городничаго, коморникъ исчезъ, не оставивъ лоскуша бумаги на мѣстѣ.

Между тѣмъ какъ шпионы разгуливали въ пограничныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, и поджигали въ городахъ лучшія зданія, Кабинеты союзныхъ Державъ находились въ чрезвычайной дѣятельности, исполняя всю понкоспъ Дипломатики для утверженія политическихъ правъ своихъ Государей, и два могущественные Государя-соперника грозно сближали свои воинства къ предѣламъ подвластныхъ имъ земель.

Въ частномъ кругу своемъ мы ограничивались однимъ Несвижемъ, и первые два мѣсяца сего года провели въ увеселеніяхъ. Сверхъ обыкновенныхъ панцовальныхъ собраний по Воскреснымъ днямъ, называемыхъ въ Польшѣ *редутами*, на коихъ являющіяся милыя *паненки* съ свѣжими прелестями, командиры наши давали не рѣдко

бальные вечера. Новый годъ встрѣтили мы шапками, всю масляницу проплясали, и въ пріятномъ угарѣ предавались сладкой сантиментальности. Пожилые Офицеры спрашивали Наполеона, видя въ немъ ужаснаго завоевателя, новаго Ашшилу, а мы, юные, дружно рѣзвились съ Амуромъ, вздыхали, и охали опть ранъ его.... какъ вдругъ раздался громовый ударъ войны, и намъ оказанъ походъ. Увы! прощайше милыя паненки!

Не легки были сборы къ походу. 28 Февраля наша рота съ бригаднымъ штабомъ выступила изъ Несвижа.

Два года спояли мы на непрѣмныхъ квартирахъ, но жипели, при вышупленіи, насъ не провожали, какъ бываешъ послѣ хорошаго квартированія. Причиною сему, кажешся, было то, что Поляки думали тогда болѣе о Наполеонѣ, и о возрожденіи своей опчизны, а Жидаы, соспавлявшіе большую часпъ жипелей въ Несвижѣ, были довольны, что избавились опть лихихъ Москалей. Напрошивъ того мы съ сожалѣніемъ оспавляли мѣсто, гдѣ жили пріятно и весело, гдѣ плѣняли насъ милыя красавицы. Каждый шелъ въ походъ не безъ зазубушки въ молодецкой груди своей. Сколько спрашпныхъ вздоховъ перелешло въ городъ и за городъ до первой

спанціи ! Сколько прощальныхъ слёзокъ омочило бѣлые плапочки красавиць и скапилось на усы вздыхапелей ! Сколько кляшвенныхъ записочекъ, съ поцѣлуями вѣрности, съ памяшными ленточками, волосками и спишками, перенеслось изъ ридикульей въ бумажники, и вскорѣ упошребилось на напильопки, или на раскуриваніе шрубокъ!— О юности! милы швыи запѣи!

Еще рухлыя глыбы шаявшато снѣга покрывали дорогу. Въ первой корчмѣ, въ семи вершахъ опъ города, нашъ рошный командиръ далъ прощальный завшракъ немногимъ изъ своихъ прѣшелей, или шоварищамъ боспона, насъ провожавшимъ. Тушъ явилась картина смѣшенія скудосши съ изобиліемъ, нищепы съ богатшвомъ : серебре, фаянсъ и прозрачный хрушаль въ закопшѣломъ Жидовскомъ жилищѣ блесшѣли съ лакомымъ кушаньемъ и напишками. Тамъ, гдѣ кромѣ водяниспато полушара ничего прежде не разливалось, пѣшилось шеперь Шампанское : прощальные бокалы чокались усердно и опоражшивались шворно.

Опъ корчмы продолжали мы пушъ свой къ Слошиму, и пришли шуда 4 Марша. Дорогою не сполько занимались предметомъ шхода, какъ восшоминаніями о Нешвижѣ ; въ счасшливой безпечности распѣ-

вали пісенки, а для ночлеговъ оспанавливались въ закопшѣлыхъ, смрадныхъ хижинахъ, въ кошорыхъ душную ашмосферу прочищали шабачнымъ дымомъ.

Въ Слонимѣ, богатый помѣщикъ Маршалъ П^о*, въ знакъ своей пріязни къ Рускимъ, задалъ балъ, на кошорый пригласилъ и нашихъ Офицеровъ. Тупъ увидѣли мы опяшь миленькихъ паненокъ; но мысли наши, не измѣняя первому впечатлѣнію, были заняты Несвижскими. Наспоющія обшпояшельсхва не позволяли веселишсь опшккровенно: лица у всѣхъ были пасмурныя, недовѣрчивыя, и госпи, казалось, собрались не для удовольсхва, а въ угодноспъ хозяину. Самъ Маршалъ (*) важно расхаживалъ въ блестящихъ опъ освѣщенія комнапахъ, среди многочисленнаго собранія, и рѣдко кого удоспчивалъ немногими словами. Тупъ увидѣли мы своего начальника, Аршиллерія Генерала Л^ооо.

На другой день рано по ушпру объявили намъ приказъ опъ Генерала Л^ооо, чшо при выспупленіи Аршиллерія онъ будетъ насъ инспекшировашь въ полномъ парадѣ. Вошъ

(*) Въ Польшѣ Предводисхели Дворянсхва назывались Маршалами, Губернскими и Повѣповыми, или Уѣздными. Эшо званіе присвоиваешся въ шипуляціи дворянами и по сложеніи обязанности.

кешани , думали мы , послѣ одного бала другой. Къ несчастію нашему, по ушпру, во время смошра, поднялась спрашная вьюга: мокрый снѣгъ съ вѣтромъ зашмѣвалъ всю чистоту нашу и заслѣпалъ намъ глаза. Не смошра на эпо, въ полной формѣ, кошенья ошъ холода, мы за городомъ выжидали Генерала , кошорый шакже явился къ намъ въ одномъ мундирѣ. По олгѣздѣ его мы передѣлись по походному , и пошли къ мѣшечку Ружаны. 6 Марша пришли въ Сальцо, на рѣчкѣ Яселдѣ, пошомъ въ гор. Пружаны ; ошсюда 8 Марша пришли въ Великое-Село.

Здѣсь мы проспояли съ недѣлю, и пошомъ всею бригадою двинулись чрезъ гор. Волковискъ по направленію къ Вильнѣ. Наша Аршиллерійская бригада изъ 6 Корпуса войскъ посшунила въ 4-й, подѣ команду Генераль-Адъюшанша Графа Шувалова.

Ошъ Великаго Села поручено мнѣ бышъ походнымъ Кварширмейшперомъ ; моя обязанность сосшояла въ пошъ , чшобы уѣзжая наканунѣ впередъ , всегда пригошовавшъ кварширы для ночлеговъ ролѣ , ушсшривашъ переправы черезъ рѣки для аршиллерин, и принскивашъ фуражъ для продовольствія лошадей. Послѣдняя спашья была очень зашруднишельна. По нашему пуши не было учреждено эшанныхъ мага-

зновѣ. Правительство, можетъ быть изъ бережливости, не выпускало денегъ въ пошль край, въ кошоромъ гошовилась вспрѣча не-пріятелю; а пошому на мѣстахъ ночлеговъ было позволено брашь фуражъ подь квишанціи.

На пуши изъ гор. Волковиска, для переправы артиллеріи чрезъ р. Зельву и Нѣмань, при мѣспечкахъ Пяски и Моспы, я собралъ поромы; но въ пріисканіи фуража вспрѣшилъ большое затрудненіе. Польскіе паны добровольно нигдѣ не давали сѣна за бумагу, чуждой для нихъ грамошы (большая часть Русскихъ Поляковъ не умѣють чишашъ по-Русски), а пошому надлежало брашь, гдѣ чшо найдешся, почши насильно. Такимъ образомъ на одной мызѣ пана Графа С***, въ оппускѣ сѣна подь квишанцію, мнѣ было опказано; я пошелъ самъ осмашривашъ дворъ, и подь крышею конюшни замѣшивъ сѣно, позвалъ свою команду. Графъ увидѣлъ изъ окна великолѣпнаго дома въ своемъ дворѣ человекъ десяшь солдашь, гошовыхъ, по его мнѣнію, грабишь, вышелъ ко мнѣ, и ашакоевалъ меня угрозами, чшо онъ сей часъ ѣдешъ къ пріятелю своему Генералу Б***, жаловашся на насиліе, кошорое я намѣренъ дѣлашь въ его дворѣ; чшо если въ минушу не оспавлю его, шо онъ соберешъ подьласшныхъ своихъ и

велишь меня выгнашь. Графъ задыхался
 опъ гнѣва, но можешъ бышь въ жизнь
 свою онъ не встрѣчалъ подобнаго мнѣ гру-
 біана. Довольно равнодушно и почтитель-
 но я ошвѣчалъ Его Сіашельству, что у-
 угрозы его для меня не спрашны, ибо испол-
 няю волю Начальства, которое позволяешъ
 брашь фуражъ своею рукою шамъ, гдѣ не
 даюшь его добровольно; что инаго сред-
 ства нѣшъ для продовольствія казенныхъ
 лошадей. Я повпорилъ ему покорнѣйшую
 просьбу приказашъ выдашь мнѣ сѣна, сколь-
 ко надобно, подъ квишанцію; въ прошив-
 номъ случаѣ, сказалъ, буду брашь самъ
 вооруженною рукою, и ежели встрѣчу не-
 пріязненное сопрошивленіе опъ дворовыхъ
 людей его, то велю привезти пушку и
 спану дѣйшвовашъ какъ прошивъ бун-
 цовщиковъ, прошивящихся назначенію
 Правительства; о посшупкахъ-же моихъ
 предоспаваю ему доносить кому угодно.
 Графъ, видя предъ собою рѣшительнаго
 аршиллериста, спасовалъ, и пылая опъ
 гнѣва приказашъ оппустишь моею командъ
 фуража, но самъ, переодѣвшись, пошчасъ по-
 ѣхалъ съ жалобою на меня къ пріятелю
 своему Генералу Б***. — Въ то время велъ
 рошу старшій Поручикъ Г**, по приказа-
 нію котораго я шакъ смѣло вездѣ распо-
 ряжался, а пошому онъ и получилъ за

меня выговоръ опъ Начальства въ утѣше-
ніе обезпокоенному Графу, у котораго бо-
лѣе крови испоршилось, нежели сколько
спонло взяшее мною сѣно. Дальнѣйшихъ
непріятностей намъ не было попому, что
соблюдая на маршѣ строгій порядокъ, мы
за собственное продовольствіе вездѣ пла-
тили деньги, и ни одна курица опъ насъ
не погибла даромъ.

Съ приближеніемъ къ Вильнѣ оказыва-
лось болѣе недоспашка въ фуражѣ, и для
меня увеличивалось запрудненіе въ его при-
исканіи. Всѣ запасы обывашелями были
упошреблены на зимнее продовольствіе
собственнаго скоша; подножный кормъ еще
не показывался, хоща снѣгъ съ полей уже
спаялъ; а попому небольшіе оспашки сѣ-
на или соломы жигтели берегли въ сокро-
венныхъ мѣскахъ, какъ драгоценность.
За мѣспечкомъ Лидою, въ сел. Беняконяхъ,
одинъ спарый и больной панъ Хорунжіи
вздумалъ было пакже не давашь мнѣ фу-
ража; но какъ онъ не казался Графомъ,
шо я обходиленъ съ нимъ рѣшительнѣе.
Бѣдняжка шопчасъ велѣлъ принести яич-
ницу и бушылку вина, спалъ меня уго-
щашъ, а самъ, охая опъ подагры, безпре-
спанно приговаривалъ: *ой! беда биду го-
нитъ!* — Я, занявшись своимъ дѣломъ, не
внималъ словамъ его, но онъ, конечно, хо-

рошо разумѣль ихъ. Можеть бышь ему приказано было секретно имѣшь запасъ всего для заграничныхъ госпей , а шущъ еще надобно было давашь своимъ Москалямъ! Да когда еще подагра ломить ноги, такъ по неволѣ запоешь: *бида биду гонить*.

Въ началѣ Апрѣля дошли мы до временныхъ кварширь своихъ подѣ гор. Вильну. Двѣ роты аршиллерин нашей бригады расположились въ сел. Большихъ и Малыхъ Солешникахъ , а 3-я легкая рота , въ которой я служилъ, спала въ дер. Яшунахъ, 25-шь верстъ отъ города.

40-го Апрѣля Государь Императоръ нашъ изволилъ проѣхашъ въ Вильну чрезъ м. Лиды, и на пуши осмашпривалъ войска. Въ Большихъ Солешникахъ, Бригадный Командиръ нашъ, Полковникъ Копляровъ, предопавляялъ Его Величеству ординарцевъ, которые обрашили на себя вниманіе Императора, и удоспонились получишь денежное награжденіе.

Между шѣмъ какъ производились окончательные переговоры дипломатовъ , и Наполеонъ сближалъ свои войска къ нашимъ границамъ, весь Апрѣль мы проспо-яли на мѣспѣ.

Въ Маѣ , по приказу Главногокомандующаго, догадывались мы, что дѣло идееть о войнѣ съ Французами. Три роты аршил-

леріи 11-й бригады собрались при Больших Солешикахъ, для инспекторскаго смопра опть начальника всей Аршиллеріи Графа Кушайсова, а попомъ, чрезъ нѣсколь-ко дней послѣ, пріѣзжалъ смопръшь насъ Корпусный Командиръ Графъ Шуваловъ.

Инспекторскіе смопры во всей арміи непрерывно продолжались. Въ это время опть бригады командировали меня въ Бобруйскъ и въ Слонимъ, выписывашъ изъ гошпиталей на службу выздоравливающихъ аршиллерисповъ. Я проѣзжалъ чрезъ Несвижъ. Тутъ воспоминаніе о прошедшихъ радостяхъ пронуло мою саншмен-тальность. Я не могъ опказать себѣ въ удовольствіи, чшобы не погуляшъ уединенно въ пусынной Альбѣ, прекрасномъ звѣринцѣ Князя Радзивила, за городомъ. При входѣ въ эту очаровашельную рощу, воображеніе предспавило мнѣ карпины минувшаго; шупъ подъ шѣнію березъ собирались мы любовашъ природою, валялись на свѣжей муравѣ, и вдыхали въ себя аромашъ благоухающихъ цвѣшовъ; шамъ въ густоптѣ лицъ внимали шрелямъ соловья, и опголосоки нѣжныхъ шоновъ его провожали спрасшными вздохами; а шамъ, подъ сводами вѣшвисшыхъ дубовъ, въ прохладные вечера, пивали душисшый чай, и, покуда еще кипѣло въ самоварѣ, играли на

полянѣ въ горѣлки и въ веревочку. Здѣсь румяная бронеюпка подарила своему обожаемелю лешочку; а шамъ спыдливая блондинка шакъ мило улыбалась другому, чшо заспавила его нѣсколько дней сряду въздыхашъ и видѣшъ ее во снѣ. Иногда, на лодочкѣ, по озеру опшваживались онѣ съ нами пускашъся въ чащу камыша, гдѣ мы гонялись за гордыми лебедями. . . . Правду сказалъ одинъ умный человекъ, чшо мы живемъ воспоминаніями! Такъ воспоминаніе въ пуспынной Альбѣ о минувшихъ радоспяхъ усладило на нѣсколько минушъ мою печальную сущеспвенность.

Въ самомъ Несвижѣ все приняло какой-то чуждый видъ: люди, чѣмъ-шо озабоченные, являли угрюмыя, пасмурныя лица. Гимназисты и школьники, большими паршіями, подѣ предводисельствомъ Доминиканскихъ монаховъ, гуляли по городу съ барабаннымъ боемъ и воинспвеннымъ крикомъ, неся на шеспяхъ песпрые плашки въ видѣ знаменъ. Эшо меня изумило. Я подошелъ къ полуобриштому ихъ предводиселю, и спросилъ, чшд эшо значитъ? — *Муштра* (ученье) опшвчалъ онъ. — Для чего? — Такъ, для *пшиклада* — (для примѣра). Опшвшъ показался мнѣ подозрительнымъ; я опшыскалъ Городничаго, и замѣшилъ ему, чшо при насшоящихъ обшо-

яшельствахъ, кажется, неумѣсна такая мушпра школьниковъ.— Да они шалашъ!— опивчалъ Городничій, разумѣя самъ къ чему клонилась эта шалость. Онъ былъ изъ правдивыхъ Поляковъ.

Въ Минскѣ не встрѣшилось мнѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ унылой пустоши, и я скоро пріѣхалъ въ Бобруйскъ, гдѣ по порученію прожилъ три дня. Тутъ увидѣлъ большую дѣшельность между Инженерами, копорые занимались поспроеніемъ недавно начатой крѣпости. Они поправляли главный парапетъ, копорый опъ слабости песчанаго грунта земли часто обваливался. При всей дѣшельности Инженеровъ, наружныя присройки еще не были кончены.

На обратномъ пути опъ Бобруйска, я встрѣчалъ на почшовыхъ спанціяхъ вездѣ оспановки и запрудненія въ полученіи лошадей. Порядокъ, казалось, разрушался, и все выходило изъ повиновенія. Содержашели почшъ были чѣмъ-шо озабочены, ямщики пьянспвовали, буянили; никшо не хошѣлъ смосрѣшь на мою подорожную; шолько угрозами, или добавкою прогонъ я могъ себѣ выхлопашывать лошадей; а на спанцію Пяски принужденъ былъ послашъ формальную жалобу въ Липовскій Почшамшъ.

3-я легкая рота аршиллеріи, въ копорой я служилъ, долго оставалась безъ командира послѣ того, какъ Полковникъ Копляровъ назначенъ былъ командиромъ бригады и 1-й бапарейной роты, на мѣсто Полковника Гине, переведеннаго въ другую бригаду. Уже въ концѣ Мая приѣхалъ къ намъ въ роту, въ дер. Яшуны, новый командиръ, Подполковникъ М***, и за нимъ Шпабсъ-Капишанъ Фигнеръ, сдѣлавшійся послѣ извѣстнымъ партизаномъ.

Въ первыхъ числахъ Іюня Корпусъ нашъ двинулся къ границѣ; корпусная шпабъ-квартира находилась въ Олькеникахъ, а наша бригадная въ Ойшишкахъ. Авангардъ Корпуса, подъ командою Генерала Дорохова, стоялъ въ Оранахъ. Войска, сблизившись, расположились въ шѣсныхъ квартирахъ. Легкую аршиллерію раздѣлили по бригадамъ армейскихъ полковъ. Нашей ротѣ досталось бытъ въ 1-й бригадѣ 11-й дивизіи, между опличными полками Перновскимъ и Кексгольмскимъ, подъ командою Генерала Чоглокова. — Мы отбыли еще нѣсколько смошровъ отъ Бригадныхъ и Дивизионныхъ командировъ.

Войска вообще были хорошо одѣшны и выучены; солдаты рослые, спройные, добрые, ожидали съ нешерпѣніемъ похода за

границу, чтобы ударить на Француза по старой привычкѣ.

Въ Олькеникахъ мы спояли около недѣли, ожидая со дня на день похода впередъ, но вдругъ получили приказъ, 12 Іюня, идши поспѣшно назадъ въ Яшуны. Причиною споль внезапнаго движенія были Французы, копорые предупредили насъ, и сего числа до разсвѣша перешли границу чрезъ р. Нѣманъ. Въ Меричѣ они захватили всѣ команды нашей дивизіи, посланныя шуда для принятія изъ магазина провіанша.

Опгь Олькеникъ въ Яшуны, 40 верспгь разспоянія, мы прошли въ одинъ переходъ; кажешся, не одни мы шакъ попоренились: война началась не на шушку.

ГЛАВА II.

ОТЪ ВИЛЬНЫ ДО ДВИНЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ. — РАЗСУЖДЕНІЕ О КАНПАНИИ. — ЛАГЕРЬ ПРЯДЪ ВИЛЬНОЮ. — НАЧАЛО РЕТРАДЕТЪ — ВСТРЕЧА СЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ. — ОТКРЫТІЕ СООБЩЕНІЯ МЕЖДУ КОРПУСАМИ. — ЛАГЕРЬ ПРИ ДВИНЪ. — МОЛЕНСТВИЯ О ПОВѢДАХЪ. — СОСТОЯНІЕ ВОЙСКЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКИХЪ И НАШИХЪ.

4½ Іюня, 44-я артиллерійская бригада выступила къ Вильнѣ, и не доходя вершны при до города, спала на большой дорогѣ у корчмы, въ ожиданіи приказаній. Окрестности Вильны принимали видъ воинственный; со всѣхъ сторонъ сходились войски; дороги были заспавлены обозами. Это новое и необычайное для насъ, молодыхъ воиновъ, зрѣлище возбуждало общее любопытство. Тушъ бригадный командиръ получилъ пакетъ съ Высочайшимъ манифестомъ о войнѣ съ Французами. Самъ Полковникъ въ кругу офицеровъ прочиталъ вслухъ незабвенныя спроки Царскаго слова, положившія въ сердца Русскихъ сѣмя мщенія врагу Россіи, и начало со-

крушенія его могущества. Особенно послѣднія слова одушевили всѣхъ , и глубоко вѣзались въ память каждаго. Сказано было: «Громкая побѣдами кровь Славянъ течетъ въ васъ. — Воины ! — вы защищаете вѣру, опечесство, независимоспъ ; — Я съ вами ! на начинающаго Богъ ! » — « Война ! » вскричали офицеры , весьма шѣмъ довольные , и воинспвенная искра пробѣжала элекспрически по жиламъ присущспвующихъ .

Если-бъ зналъ тогда Наполеонъ сколько было духа и охопы въ Рускихъ подрашпся съ его войсками , не спрашалъ ихъ множеспва ; если-бъ могъ онъ проникнуть въ смыслъ Царскаго изрѣченія , объявленнаго народу : « Я не положу оружія , доколѣ ни единаго непріапельскаго война не оспанешся въ Царствѣ моемъ ! » — если-бъ , говорю , Наполеонъ зналъ рѣшипельноспъ нашего Императора , и пвердоспъ Русскаго народа , готоваго бороспся съ нимъ до послѣдней крайноспи , шо не имѣлъ - бы суешной надежды , заняпшемъ Москвы покоришъ Россію . Но онъ увлеченъ былъ неизбѣжныиъ рокомъ : судьба его долженствовала совершиться (*).

(*) Извѣстное изрѣченіе Наполеона о Россіи предъ начатіемъ войны.

Мы думали, что непременно пойдѣмъ на встрѣчу Французамъ, сразимся съ ними на границѣ и погонимъ ихъ далѣе. Но кто зналъ политическія обстоятельства, тотъ иначе разсуждалъ: собственно первое наше нападеніе было-бы дерзко и несчастливо; судя по превосходству силъ непріятельскихъ передъ нашими, даже безразсудно-бъ было при встрѣчѣ давать рѣшительное сраженіе. Французскихъ войскъ, привыкшихъ къ побѣдамъ, собралось тогда вдвое противъ нашихъ; о самомъ предвидѣніи ихъ должно сказать, что Испорія новѣйшихъ временъ не представляла ему подобнаго ни въ счастіи, ни въ искуствѣ побѣждать. Кто-бы осмѣлился соспязаться съ нимъ? кто-бы превозмогъ его смрашегію и понкую полишкику? — Наполеона спали побѣждать только собственнымъ его оружіемъ: принявъ шу-же систему полишкики, и тотъ-же образъ войны. И такъ слабѣйшему надлежало прибѣгнуть къ военной хитрости: уступашъ шагъ за шагомъ сильному непріятелю, заводилъ его далѣе и далѣе, въ лѣса и болота, гдѣ недоставокъ продовольствія, изнеможеніе отъ продолжительныхъ маршей, и суровость климата сполько-бы испортили его, чтобы, наконецъ, слабѣйшій осмѣлился напасть на обезсиленнаго врага

своего. Примѣръ гибели Карла XII освѣтился въ памяти Рускихъ. Наполеонъ, пушководимый судьбою, хотѣлъ быть безпримѣрнымъ.

Рускіе до сего времени не умѣли ходить назадъ, и слово *ретирада*, въ ихъ понятіи, заключало въ себѣ нѣчто предосудительное, несвойственное достоинству храбрыхъ воиновъ, пріученныхъ Румянцовымъ и Суворовымъ ходить всегда впередъ, и побѣждать. Иной полководецъ, можетъ быть, никогда-бы не рѣшился на продолжительную ретираду; онъ скорѣе-бы легъ, какъ Леонидъ, со всѣми воинами у рубежа границы, а не повелъ-бы за собою непріятелей въ сердце опечесства. Но какъ-бы хорошо ни былъ составленъ планъ нашей кампаніи, только едва-ли возможно было заставить непріятеля дѣйствовать по предположенію, особенно Наполеона, который умѣлъ пользоваться чужими ошибками. Избалованный форшурою, онъ хотѣлъ однимъ полешомъ пронестись до Москвы, чтобы шакъ-же скоро и славно кончить въ ней Русскую кампанію, какъ удалось ему совершить Австрійскую и Прусскую взятіемъ Вѣны и Берлина. Но, кажется, Россію онъ худо зналъ, и впоследствии времени, думая воспоржеешво-

вашъ силою своего генія надъ всеми бѣдспвіями , былъ жестоко наказанъ.

14 Іюня, пѣхотные корпусы Генераловъ Тучкова и Графа Шувалова, соединившись, спали въ боевомъ порядкѣ передъ Вильною; нашъ 4-й Корпусъ занялъ лѣвый флангъ позиціи, на мѣстѣ, называемомъ *Погулляки*, и примыкалъ къ большой дорогѣ, идущей отъ Новыхъ-Трокъ въ Вильну. Здѣсь увидѣли мы большое собраніе войскъ и услышали разные вѣспи о вшорженіи Французовъ ; говорили , что многіе Поляки намъ измѣнили, перебѣжавъ къ Наполеому, и что отъ всѣхъ нихъ ожидается возмущеніе. Такія новоспи были непріятны , однако при видѣ собранныхъ войскъ мы не спрашились непріятелей. Изъ окрестныхъ селеній , впереди насъ находившихся, Казаки сгоняли въ лагерь множество рогатого скота , кошорый раздавали въ полки на порцію. Все принимало военный видъ : спранныя смѣсь разнаго рода войскъ , обоза , аршилдерин , съ лошадьми и скопомъ , всеобщее движеніе взадъ и впередъ , звукъ оружія , мычаніе воловъ , ржаніе коней и говоръ солдатъ , предспавляли любопытное зрѣлище для шѣхъ , кшо въ первый разъ всшупалъ на военное поприще. Окрестности дымились отъ бивачнаго огня. Къ вечеру, передъ лагеремъ, загорѣлась корчма ; пылающій

огонь среди зеленого кустарника и съ послѣднимъ лучемъ заходящаго солнца увеличивалъ красочну воинственнѣй карпинны. Вооры мои развлекались многими предметами, которые своею занимательностью погружали меня пошомъ на нѣсколько минутъ въ мрачную думу. . . . Въ сумерки, нашу артиллерию повели на лѣвый флангъ, въ первую линію.

Слѣдующаго дня (15 Іюня) восходящее солнце освѣщило Россійское неуспрашнное воинство въ боевомъ порядкѣ передъ Вильною. Съ первымъ лучемъ дневнаго свѣтла, во всѣхъ полкахъ музыка съ барабанами возвѣспида зорю. У каждаго воина кипѣлъ духъ брани за родину. Упреній колѣдъ освѣжалъ мужеспвенныя лица солдатъ. Важная пицина и спокойствіе въ лагерь скрывали въ себѣ нѣчто спрашное. Съ пробужденіемъ всѣхъ началась воинская дѣятельность: разводы по карауламъ, дежурство, и проч.; команды съ арпельными кошлами гремѣли къ рѣчкѣ за водою, задымилась кухня, и заварилась солдатская кашница.

Наша рота артиллеріи опала въ боевомъ порядкѣ на самомъ концѣ лѣваго фланга первой линіи, на возвышеніи, съ кошаго открывалось вдоль все расположеніе войскъ обѣихъ корпусовъ. Впереди опъ ли-

ни, на дальнее разстояние простирался час-
 пый кустарникъ ; назади оставался го-
 родъ. Упренный звонъ колоколовъ возвѣ-
 щалъ печальную молитву жившихъ, ожи-
 давшихъ своей участи. Спрашный гулъ
 носился по всей окрестности. Мы спояли,
 головы къ бою , въ какомъ-то ожиданіи ,
 и помышляли о непріятелѣ, который яв-
 лся передъ нами; казалось, онъ, пробира-
 ясь въ шипшичъ чрезъ кустарникъ, скоро
 ожидаетъ нападеніе ; какъ вдругъ изъ-за
 кустовъ выскочилъ — заяцъ, и бросился къ
 фронту пѣхоты. Въ испревожились, спа-
 ли кричать , махать руками , и гонять
 дезертера ; испрашенный звѣрь, прижавъ
 уши, обратился на нашу батарею: шупъ,
 и по чьей пенало, бросалъ въ него, и заяцъ
 попалъ подъ кононера , который, упавши
 нарочно, придавилъ несчастнаго. Старые
 бомбардиры замѣтили въ этомъ зайцѣ сча-
 стливое для себя предзнаменованіе ; нѣко-
 торые говорили : « Бѣда была-бы немину-
 чая , если-бы косою перебѣжалъ черезъ ба-
 тарею ; шакъ случилось подъ Фридлан-
 домъ. » — Мы зайца велѣли изжарить , и
 шупъ говорили за обѣдомъ, что вѣдимъ ка-
 кого нибудь знашнаго непріятеля, превра-
 щеннаго вѣдьмою въ живошное , эмблему
 прусосни.

Цѣлый день простирали мы благополучно

на мѣстѣ. Слышно было, что Французы въ 20 верстахъ отъ насъ, при Новыхъ Трокахъ, спягиваютъ войски, а попому ожидали мы, что непременно завтра у насъ будетъ сраженіе; но ввечеру получили приказъ — решироваться.

16 Іюня, съ разсвѣтомъ дня войски пронудились въ репирату. Нашъ 4-й Корпусъ выступилъ съ мѣста послѣдній, часу въ десятомъ до полудни, и проходилъ чрезъ Виленское предмѣстіе Оспробраму. Въ продолженіе перехода войскъ не было никакой суемливости; все шло въ должномъ порядкѣ; только съ нѣкоторою унылостію. Артиллеріи шесть орудій нашей роты шли послѣднія за егерями 33-го полка; насъ прикрывали спс Черноморскихъ Лейбъ-Казакъ. Но только что мы перешли за городъ чрезъ р. Вилію, какъ увидѣли позади себя пожаръ: Казаки зажгли мостъ и городскіе магазины, чтобы оспановить на нѣкоторое время Французовъ, которые близко за нами слѣдовали, и безъ выпрыла заняли городъ.

Пройдя верстъ 12-ть мы оспановились. Нашъ арріергардъ состоялъ изъ чепырехъ батальоновъ пѣхоты, сотни Казакъ, и полуроты артиллеріи, всѣ подъ командою Полковника Биспрома, которому приказано было прикрывать отступленіе прешней

колонны ; направленіе дано ярезь дер. Вар-
 жовку къ Копунжъ. Проселочная дорога
 веда насъ по неровнымъ возвышеніямъ, че-
 резъ кустарникъ. Оспановившись на по-
 лянѣ, въ виду города , артиллерія заняла
 высопы, спрѣлки разсыпались впереди по
 опушкѣ лѣса ; прочіе спали въ боевой по-
 рядокъ. Штабсъ-Капитанъ Фигнеръ пере-
 двигалъ свои пушки съ одного бугорка на
 другой, и съ карандашемъ въ рукѣ снималъ
 на бумажку положеніе мѣста; онъ велѣлъ
 зарядить пушки ядрами , и приготоовить
 картечь. Мимо насъ по дорогѣ шаянулись
 изъ города обозы; Казаки безпреспанно де-
 шали съ извѣстіями къ Полковнику Бис-
 прому, полкомъ спали погоняють обозныхъ,
 которые и пуспились рысью; но выспрѣда
 еще не было слышно и воое не видно
 Французовъ. Я выходилъ изъ шерпѣнія
 опть любопышспива, желая увидѣть спраш-
 ныхъ непріятелей , опть которыхъ всѣ
 шакъ поспѣшно уходили.

Здѣсь узнали мы , что нашей бригады
 весь походный лазаретъ, съ больными , съ
 лекаремъ, фельдшеромъ и коноваломъ , ко-
 торые не успѣли за нами изъ Олькеникъ
 въ Яшуны, попались въ руки Французамъ.
 Это обыкновенная учась репирующихся,
 гдѣ, при всемъ возможномъ порядкѣ, всегда
 что нибудь перяешся безъ драки.

17 Іюня войски прешней колонны перешли еще разъ р. Вилію въ сел. Брижахъ , а мы съ арріергардомъ оспались не перехода рѣчки. Я съ двумя пушками шелъ всегда послѣдній, подъ прикрытіемъ батальона егерей. Черноморскіе Казаки оспались за полверсты назадъ ; они изрѣдка переспрыгивались съ непріятельскими фланжерами. Дорога вела насъ большею частію чрезъ неровныя, покрытыя кустарникомъ мѣста.

Будучи первый разъ въ жизни употребленъ для дѣйствія съ артиллеріею, я въ продолженіе всей рехирады , по неопытности своей, день и ночь безпокоился, покуда не увидѣлъ непріятелей ; воображеніе пугало меня какими-то призраками. На привалѣ, или для ночлега, батальонъ егерей съ моими двумя пушками спановился отдѣльно, позади всѣхъ войскъ; егери спростили себѣ биваки , варили кашицу , и ошдыхали , а я на аванпостѣ, въ цѣни со спрылками и Казаками , находясь въ безпреспанномъ ожиданіи нападенія опть непріятелей, не смѣлъ дать свободы канонерамъ распрятъ лошадей , ни самъ ошдохнушь. Часпо , упомленный переходомъ , я прислонялся къ лафету и засыпалъ; волненіе крови и безпокойство мыслей воспламеняли мое воображеніе. Однажды, по-

грузившись въ сладкую дремолу, я мечталъ видѣшь предъ собою выбѣгающихъ изъ кустарника Французовъ, которые съ саблями въ рукахъ бросались на меня — и вдругъ вскрикнулъ: »Спрѣляй!« — Но очнувшись, видѣлъ только своихъ коннеровъ, которые во всей гошповности спокойно лежали при пушкахъ. Сердншый Маіоръ, баталіонный командиръ, не позволялъ мнѣ артиллеристамъ варить кашицы; они нѣсколько дней ѣли одни сухари.

18 Іюня арріергардъ перешелъ р. Вилію по новому мосту, и расположился на возвышенномъ берегу, надъ самою рѣчкою. Здѣсь къ нашему арріергарду присоединили еще двѣнадцать башарейныхъ орудій, весь 33-й Егерскій полкъ, и два полка линейныхъ, Перновскій и Кексгольмскій. Казалось, мы намѣрены были выждать шупъ непріятеля, который передъ нами шаялся, не смотря на наше добровольное опшшупленіе. Казаки по шю спорону рѣчки мелькали въ кустарникахъ, и кой-гдѣ пускали пшшолешный дымокъ. Къ вечеру, на деревянный мостъ нанесли соломы и смолы. Среди шшнштвенной шшшшны мы чего-то ожидали; но съ насшупленіемъ ночи мостъ запылалъ и предшавилъ намъ пріятную каршину.

На другой день по ушпру шель сильный

дождь, опгь чего мы всь очень перемокли и передрогли. Войски арриергарда полько что оплошли вершы при къ пусшому селенію, какъ получили приказаніе опяшь воропнишься на прежнее мѣспо, и ожидашь неприяшеля. Но щещно; онъ скрывался передъ нами, или, лучше сказашь, въ общемъ движеніи главныя силы Французовъ были обращены прошивъ средней колонны, а мы, какъ споронніе, осшавлены были ими почши безъ вниманія. — Пополудни мы пошли далѣе.

20 Іюня, подходя къ Свенціанамъ, мы увидѣли съ нѣсколькихъ споронъ сходящіяся войски; эшо значило соединеніе арриергардовъ 3-го и 4-го корпусовъ, кошо-рые сами вчера пришли сюда. Здѣсь находилась главная кваршира Государа Императора. Эшо извѣстіе для войскъ было весьма радосшно: присущствіе Царя оживляло ихъ. — Изъ городскихъ магазиновъ всь полки запаслись провіаншомъ. Нашъ арриергардъ смѣнили, и я имѣлъ удовольствіе присоединишься къ ролѣ, послѣ чепырехдневнаго безпокойства и шрудовъ. Главнoкомандующій осмошрѣлъ насъ, и благодарилъ Полковника Биспрома за благоразумное опспупленіе съ сбереженіемъ людей.

Въ слѣдующій день, на маршѣ опгь Свенціанъ всею колонною, мы услышали позади

себя ружейную переспрѣлку. Французская кавалерія, занимая городъ, сполкнулась съ нашею.

Отъ сел. Медиснѣ спокойно продолжалось наше опсспуленіе къ Тверечу. Войски шли по правъ, смоченной дождями. Полная, возвращенная повсюду зелень хлѣба предспавляла пучный кормъ для нашихъ лошадей. Воздухъ, освѣженный дождями, подкрывлялъ успалыхъ. Въ пищѣ не было недоспашна, и даже прихощи роскоши удомлеспворялись маркипаншами. Только часшо вспрѣчались по дорогѣ упалыя обозныя лошади; въ топкихъ мѣспахъ валалось ихъ по нѣскольку вмѣспѣ, чѣмъ не мало запруднялом перевѣдъ нашей аршиллеріи.

23 Іюня, съ самаго ушра слышали мы поади себя и влѣво ружейную переспрѣлку, кошорая беспреспанно усиливалась. Генералы распоряжались, Адъюпаншы беспреспанно лешали взадъ и впередъ съ извѣспіями и приказаніями; но въ лѣсу намъ нвгдѣ было развернупись, а переспрѣлка все ближе и ближе прещала почши надъ ушами. Мы, закрышые съ обвухъ споронъ шѣсвой дороги лѣсомъ, не могли ничего видѣшь; но прибавляя беспреспанно шагу, выплелись благополучно изъ общей завязки. Дѣло, по рассказамъ, вышло горячее. При

селеніи Давгелишкахъ непріятельскій авангардъ нагналъ нашъ арріергардъ подъ командою Генераля Корфа, котораго успѣлъ перейдши р. Дясну и разрушивъ мосты. Французы, подъ прикрытіемъ своей башарен въ 30 орудій, снова навели мосты и перешли; нашъ арріергардъ расположился на ближайшихъ высокахъ, и храбро отражалъ преслѣдователей. Виртембергскіе егеріи лѣзли, какъ бѣшеные. Это обстоятельство произвело сильную переспрѣлку съ обѣихъ сторонъ, весьма близко отъ пуши нашей колонны. Французы усиливали нашъ пискъ, а Рускіе, упорно защищаясь, отступали. При семъ случаѣ, Казачій Полковникъ въ ашакѣ ранилъ и взялъ въ плѣнъ Виртембергскаго Принца Гогенлоге. Покуда продолжалась переспрѣлка, мимо насъ, изъ лѣса на дорогу, провезли въ плѣнѣ шлемомалиноваго гусара: высокій киверъ, длинныя височныя плешешки, и шолспый пучекъ на запылѣ являли въ немъ война съ чужеземными для насъ признаками. Это былъ первый непріятель, котораго я увидѣлъ, и разсматривалъ съ особеннымъ любопытствомъ. Фигура его обнаруживала спройнаго мужчину; онъ сидѣлъ на шлѣжкѣ склонивъ голову и пошупя взоры; онъ не хотѣлъ взглянуть на идущихъ мимо его Русскихъ солдатъ, и,

казалось , спыдился своего плѣна — эшо былъ дремяющій драконъ.

Причиною сильнаго написка Французовъ было шо , что они хотѣли опрѣзать 3-й Корпусъ. Правѣ нашего, 6-й Корпусъ Генерала Дохшурова , опомедшій опъ 2-й арміи, почиался уже пропащимъ. Проходя лѣсомъ, ежечасно и мы ожидали , что съ какой нибудь спороны выскочать на насъ Французы. Для Рускихъ, не привыкшихъ ходишь назадъ безъ драки, непріятно было видѣшь , что вездѣ при ночлегахъ являлись имъ укрѣпленные лагерныя мѣша , гдѣ войски спрорились въ боевой порядокъ , почти не выходили изъ фронша , и, переночевавши съ опасеніемъ опъ внезапнаго нападенія , при наспупленіи дна опяшь уходили. Солдашы говорили : видно Французы очень сильны, что бросая укрѣпленія , мы по неводѣ должны убѣгати опъ нихъ. Такъ реширада всегда ослабляетъ духъ въ войскѣ.

Въ слѣдующій день мы вышли изъ лѣсовъ на опкрышыя мѣша , пересѣкаемыя рощами и заселенныя деревеньками, копорыя , однако , были пусты ; креспьяне оставляли свои жилища на произволь пріятелей и непріятелей. Команды , посылаемыя изъ лагерей за дровами и соломой , по ненависпи къ Полякамъ , копорыхъ

почишали измѣнниками, пащили изъ пус-
 пыхъ фольварковъ и деревень все, что по-
 падалось имъ въ руки ; въ бивакахъ явля-
 лись спулья, сполы, перины, одѣяла, за-
 навѣсы, посуда , и всякая живность . . . .
 Главнoкомандующій, въ опшращеніе худыхъ
 послѣдствій для нравственности солдатъ,
 издавъ по арміи строгій приказъ , кошо-
 рымъ угрожалъ разспрѣляшь каждаго , у
 кого въ лагерь найдутся незаконно при-
 своиенныя вещи.

Графъ Осперманъ-Толстой , по болѣзни
 Графа Шувалова, принялъ начальство надъ
 4 пѣхошнымъ Корпусомъ. Онъ потребовалъ
 къ себѣ одного артиллерійскаго офицера
 для порученій, и меня пошчасъ къ нему
 командировали. Я заспалъ Графа на при-
 валѣ съ пѣхопою. Онъ лежалъ, подъ сос-
 ною, укушанный въ бурку; около него спю-
 яли Генераль Корфъ и Кварширмейстер-
 ской части шпабъ-офицеръ. Узнавъ обо
 мнѣ, Графъ спросилъ: «Есть-ли у тебя ло-
 шадь?» — Никакой, Ваше Сіятельство,
 кромѣ эпои — указывал на кличу. — «Ну,
 шакъ поди, возьми шамъ на дворъ—сказалъ
 онъ показывая на высопу, гдѣ спюяло нѣ-
 сколько домиковъ — дайше ему уншеръ-
 офицера!» — Я пошелъ въ фольваркъ, и
 прямо на конюшню; шущъ увидѣлъ шрой-
 ку добрыхъ коней , выбралъ себѣ вороного

жеребца и велѣлъ унтеръ-офицеру вести его за собою. Вдругъ выскочили изъ дома три красавицы, и Полячекъ, какъ Амурсъ Граціями; онѣ со слезами спали упрасивашь меня, чпобѣ я освавилъ имъ жеребца, на котораго полагали всю свою надежду для спасенія опъ Французовъ. Въ такомъ случаѣ не лзя было не размѣяться, видя, какъ неравнодушно красавицы распавались съ своимъ жеребцомъ; однако я былъ неумолимъ къ ихъ просьбѣ, и съ добычею спалъ уходишь; вопли красавиць меня преслѣдовали, добрый жеребець опвѣчалъ имъ ржаніемъ, а Полячекъ бѣжалъ вслѣдъ за мною со слезами. Не допуская къ Графу, меня встрѣшилъ Генераль Корфъ, который внимая опчаянію Полячка, умоляваго объ освобожденіи жеребца, и видя на горкѣ женщинъ въ опчаяніи, съ плащами въ рукахъ, сказалъ мнѣ: « Опдай, брапець, имъ; пуспъ опвяжущся. Выпроси у Командира своего опъ имени Графа аршиллерійскую лошадь, и повзжай, куда прикажущъ. » — Повинуясь Генералу, я нехотя уступилъ красиваго жеребчика, который къ общей радости панночекъ запрыгалъ съ Полячкомъ домой. Досадно мнѣ было, чпо я по пуспому спудился, и не понималъ, почему красавицы не хотѣли уступитъ мнѣ одной лошади, между шѣмъ

какъ Французы возьмутъ всѣхъ прехъ, да и съ хозяевами конечно поспулятъ по праву побѣдителей, если заспануть ихъ на мѣстѣ.

Шшабъ - офицеръ Кварширмейстерской части показалъ мнѣ каршу, разныя по ней дороги, и вручивъ пакеты, сказалъ, чшобъ я ѣхалъ.

Предметъ даннаго мнѣ порученія оосполя въ томъ, чшобы опкрытъ сообще- ние съ 6-мъ Корпусомъ Генерала Дохшурова, копорый въ началѣ рширады будучи оп- дѣленъ Французами опъ 2-й Арміи, хоща и успѣлъ сблизиться съ нашими корпусами, но Графъ Ошерманъ желалъ удостовѣ- риться, въ какомъ опдаленіи и гдѣ под- линно находился опъ.

Я выпросилъ себѣ изъ ропы артилле- рійскую лошадь, и вооруженный инпатою, безъ всякаго конвоя, взялъ въ сопушники одну нагайку, и поскапалъ по данному мнѣ направленію. Я выѣхалъ пополудни, и ска- калъ во весь галопъ до вечера. На пуши не встрѣчалъ ни души; опдалаясь прямо опъ направленія своей волонны, ѣхалъ про- селочными дорогами, черезъ поля и рощи, болѣе наугадъ, и не безъ опасенія попалъ въ руки Французамъ. Въечеру пріѣхалъ я къ одному фольварку, гдѣ, по счастью, нашелъ добраго эконома, копорый накормилъ меня,

и по невѣрью моего шума, скавалъ, что я нѣсколько сбился; при чемъ означилъ обшественную дорогу, по которой мнѣ должно было ѣхать ночью, и совѣтовалъ быть осторожнѣе, чтобы не попался къ Французамъ, которые находились близко. Она даже перемѣнила мою успалую лошадь, съ пѣмъ, чтобы по возвращеніи опадать ее обратно. Само счастье навело меня на мысль добраго человека; не знаю, успѣлъ ли бы я возвратиться безъ его помощи. Подкрѣпивши себя ужиномъ, и на свѣжей лошади, я снова пустился въ скачку.

Ночь сначала была темная; потомъ появилась луна, которая блѣдно освѣщая предметы, казалась какъ въ обмѣнчивомъ видѣ и болѣе спрашала призраками, нежели присутствіемъ освѣщеніемъ. Я възнулъ въ одну пущину деревни, и въ концѣ длинной улицы замѣтилъ движущіяся двѣ конныя фигуры. Это заставило меня основательно повернуть лошадь въ спрону, къ ближайшему двору; вступивъ, не слѣзая съ лошади, я принялся къ спѣху, подъ нѣтъ дела, нѣтъ, что меня не могли замѣнить. Вскорѣ премакну шагомъ два драгуна; только при слабомъ свѣтѣ луны я не могъ рассмотреть, непріятельскіе они, или наши. По удаленіи напрула я нѣсколько вытѣкала на улицу, пробираясь около спрое-

-ній; наконецъ, прибавя рыси, пустился скакать въ сторону оцъ дороги съ большою осмозрительностію. Проѣхавши верстим три, я увидѣлъ вдаль огни; но какъ удостовериться чьи они, наши, или непріятельскіе? Для этого надлежало мнѣ сверситься еще къ куспарникамъ; я сѣлъ пребираясь по-маленьку, минуя вышпы, все ближе и ближе къ огнямъ; наконецъ, самонахъ въ десяти, по длиннымъ ннкамъ и говору, узналъ своихъ Казаковъ. Удовольствіе мое было неизяснимо. Я въехалъ къ нимъ шакъ тихо, что они меня не замѣтили, и иномчасть спросилъ, не Дохшурова-ли Корпуса? — Получивъ подтвердительный отвѣтъ, велѣлъ провести себя къ Генералу. Была глухая полночь, и луна спрятавшая въ облака. Войска, казалось, недавно прошли, и Генераль спалъ въ сараѣ. Меня испугавъ его адьювантъ, которому я подаль пакеть, и пробовалъ, чибобъ онъ разбудилъ Генерала. Дохшуровъ проснулся при мнѣ, велѣлъ подать свѣчу, и прочитавъ бумагу сказалъ: »Экъ они вспривожились! скажи, бращецъ: я цѣль и здоровъ. Дубельтъ! напиши отвѣтъ!» — Дубельтъ, адьювантъ, пошелъ въ свой сарай и принялся писать. Тутъ узналъ я, что въ послѣдней спибитъ арріергарда этого Корпуса на р. Сквиръ, Маріупольскіе гуса-

ры; прикрывая обозъ, рублились съ Французами на поромахъ, пошерпили уронъ, и часнь нашего обоза была опхвачена неприятелемъ. — Успалость одолъвала мною. Прѣжавши около пятидесяти верстъ, вочпи все вскачь, и первый разъ въ жизни шакъ много веркомъ, я чувствовалъ изнеможеніе; голова моя горѣла, сонъ сразилъ меня. Пока адъютантъ написалъ опъшь, снесъ его для подписи, и запечаталъ, я, прислонившись къ сполу, спалъ, какъ убитый; но по первому слову его: Эй! гошво! — вскочилъ, взялъ бумагу за пазуху, сѣлъ на лошадь, и поскакалъ прежнимъ пушемъ, шолько гораздо надежнѣе. Передъ сѣшпомъ прѣхалъ я въ фольваркъ къ доброму эконому, взялъ свою лошадь, поблагодарилъ его, и опсправился далѣе.

25 Іюня, въ 8 часовъ ушра, я вспрѣпилъ М-й Коршусъ на походѣ изъ Гайдуковщины, и слѣзъ съ лошади передъ Графомъ въ шо самое время, когда онъ вышелъ изъ избы, чшобы садиться на подведенную ему лошадь. Шашаясь опгъ успалости и бессонницы, я подаль ему пакетъ. Графъ, всегда суровый, явилъ шогда мнѣ прѣшное лицо, и взглянулъ на меня благосклонно. Прочитавъ бумагу, съ довольною миною сказалъ: « Слушай, опдохни, и о-

спанься при мнѣ.» — Куда мнѣ было идти опдыхашь? все на походѣ. Изъ нуждъ физическихъ наиболѣе одолѣвалъ меня сонъ. Съ ушомленнымъ конемъ своимъ, и самъ весь какъ разбитый, пошелъ я спиороною въ лѣсокъ, повалился на мягкой лужайкѣ, обвершѣлъ поводъ около руки и легъ спать погда, какъ всѣ давно уже выспались. Конь мой съ жадносцію рвалъ около моей головы траву, и эшимъ шумомъ усаждалъ, вмѣсто журчанія ручейка, давно желанный сонъ.

Часа два я спалъ какъ убитый; солнце припекло мнѣ голову, и заспавило пробудисься; оно ярко блесшѣло въ голубомъ небѣ, и лучами позлащало вершины высокихъ березъ около меня. Мой конь споялъ повѣся голову, и дрѣмалъ въ свою очередь — вокругъ унылая шишина.

Подкрѣпленный сномъ, я освѣжился, и какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ на вѣрнаго поварища, кошорый маленькой рысцою понесъ меня впередъ. По дорогѣ обгонялъ я успалыхъ; они опдыхали на пенькахъ около лужиць. Проѣхавши вершъ пашнадашь, я догналъ пѣхошу 4-го Корпуса, проходившую чрезъ селеніе, гдѣ передъ господскимъ дворомъ спояли лошади свишы Графской. Туть, исполняя приказаніе Графа, мнѣ должно было оспановишь-

ея; я привязалъ свою лошадь къ рѣшетчатому забору дома, между другими лошадьми, и вошелъ въ горницу. По срединѣ стоялъ большой, накрытый столъ, и на немъ опущенный завтракъ. Для меня оспались только опрокинутые стаканы, пустыя бушмыки, разлитый по смальерни соусъ, просыпанная соль, и корки хлѣба; еще стояло блюда два съ кускомъ бѣшка и съ спинкою жареной курицы. У большихъ оконъ сидѣли три порядочно одѣшныя дамы, съ заплаканными глазами и съ платочками въ рукахъ, смотрѣвшія печально на гостей, копорые безпрестанно приходили, уходили, и не спрашиваясь ихъ хозяйничали въ домѣ. Молодежь, гусары и адъютанты Графской свиты, расправляя ушки свои и побрякивая щпорами, спарались любезничать для развлеченія грустныя улыбокъ дамъ, и невольно вымакивали у нихъ — горестныя улыбки.

Въ горницѣ я одѣдалъ легкій поклонъ присуществующимъ и, послѣ шрудной поправки весьма проголодавшись, съ удовольствіемъ прислуцилъ къ любезному бѣшку и закусилъ имъ. Обпаривая бушмыки, я нашелъ въ одной нѣсколько жидко-сиди, и выпилъ чего-то кислаго, похожаго на вино. — Попомъ всѣ мы сѣли на коней, просидѣлись съ гостеприимными хозяйками,

и оспавя ихъ на произволь судьбы и Французовъ, поѣхали догонять Графа, который ѣхалъ впереди войскъ, погруженный въ думу.

Ввечеру, въ лагерь при Новоселкахъ, я увидѣлся съ поварищами своей роты, разсказалъ имъ о чудномъ спранспви своемъ, и переночевалъ въ бивачномъ шалашѣ шакъ пріятно, какъ у родныхъ на лежанкѣ.

Въ слѣдующій день мнѣ перемѣнили лошадей и велѣли присоединиться опять къ Графской свитѣ. Тупы адъютанты, ординарцы и прочіе щеголи, въ красивыхъ, узорчатыхъ мундирахъ, на рѣзвыхъ коняхъ, смопрѣли изъ-за плеча на меня, съ чернымъ борошникомъ, ѣдущаго на подъемной клячѣ съ казачьимъ сѣломъ. Я видѣлъ, что мнѣ шупъ не ловко, и поварищи не по рукѣ, а пошому очень скучалъ; наконецъ, когда Графъ цѣлый день меня не спрашивалъ, то я, не сказавшись никому, шихонько ушелся къ своимъ, разсудивъ, что если буду нуженъ, шакъ меня позовушъ — эшимъ и балъ кончился.

27 Іюня, ввечеру, войски вшупили въ укрѣпленный лагерь на Двинѣ. Нашей артиллеріи доспалось мѣсто въ концѣ лѣваго фланга, по ошлогосни берега, шакъ, что мы съ пушками спрашавшись въ высокую, зеленую рожь, не могли ничего ви-

дѣшь предъ собою. 4-й Корпусъ съ 2-мъ Кавалерійскимъ расположились на лѣвомъ флангѣ, позади послѣднихъ редушвъ.

Укрѣпленный лагерь на Двинѣ изгошовлялся еще до открытія кампаніи, а попому намѣреніе наше: решировахься, должно-бъ бышь извѣспно Наполеону, кошорый могъ предприняшь заранѣ мѣрь, для раздѣленія нашихъ силъ. Положеніе этого лагерьа во многомъ уподоблялось лагерью Петра I-го подъ Полшавою. Тамъ, позади лагерьа, находились рѣка и крушые овраги, чпобы для Рускихъ не оспавалось ничего инаго, кромѣ смерти или побѣды; здѣсь шакже позади была большая рѣка и крушой берегъ, но для спасенія войскъ, въ случаѣ неудачи, пригошовлено было при большихъ моспа подъ прикрышіемъ окоповъ. Тамъ впереди находились закрышыя лѣсомъ мѣспа, и успроенные редушы; здѣсь шакже былъ лѣсъ, и очень близко къ лѣвому флангу, гдѣ подѣлали засѣки; передъ фронтомъ-же всего лагерьа было десять редушвъ. Наконецъ, опъ участи сраженія шакже и здѣсь зависѣло спасеніе или гибель одной арміи изъ двухъ враждующихъ силъ. Судя по великимъ шрудамъ и издержкамъ, для успройспва укрѣпленій обширнаго Двинскаго лагерьа, надлежало предполагашъ, чшо Главнокомандующій намѣревался здѣсь дашь

генеральное сраженіе ; однако намѣреніе его не исполнилось. Можеть бытъ Наполеонъ избѣгалъ съ нами встрѣчи въ Двинскомъ лагерѣ, опасаясь участи, постигшей героя Швеціи , или вовсе не намѣренъ былъ пробиваться чрезъ безплодныя губерніи къ северной столицѣ нашей ; однимъ словомъ, онъ не хотѣлъ прешагнуть къ Двинскому лагерю и оснѣвилъ насъ въ покоѣ.

Скрывшись за редушы, мы имѣли цю выгоду, что нѣсколько дней отдыхали спокойно. Главнѣйшій ожидалъ здѣсь прибытія вѣрой арміи, которая по назначенію должна была слѣдовать чрезъ Вилейку и Минскъ ; но пущь ея былъ въ одно время продолжительнѣе пущи первой арміи ; сверхъ того, въ началѣ репиреды Наполеонъ употребилъ стратегическое средство для разобщенія двухъ армій нашихъ, пославъ изъ Вильны Маршала Даву съ войсками въ разрѣзъ между нами. Мы не безъ причины безпокоились объ участи Князя Баграціона, и солдаты называли его армію *второю западною*.

День вступленія войскъ въ Двинской лагерь былъ знаменитымъ днемъ Полтавской битвы ; по этому случаю объявленъ Высочайшій приказъ, которымъ поддерживали нѣсколько въ Рускихъ солдатахъ духъ, колебавшійся уже отъ начала не-

обыкновенной респираторы. Сказано было : « что до соединенія армій, временнымъ и нужнымъ опшпупленіемъ, удерживаемо было кипящее мужество вонновъ оспановишь дерзкій шагъ непріятеля; но теперь предспюишь новый случай оказашъ известную храбрость и пріобрѣсть награду за понесенные труды. » — Въ силу этого приказа всѣ полагали рѣшительно выждать здѣсь непріятеля. Мужество снова закипѣло въ сердцахъ Русскихъ солдатъ; другъ другу напоминали преданіе о Полтавской битвѣ, и всѣ гошовой были на Двнѣ послѣдовашь доспохвальному примѣру предковъ.

Слухи носились, что на аванпосты непріятельскіе была подкинуша съ нашей ешороны прокламація къ Французскимъ и Нѣмецкимъ войскамъ. Первымъ предспавляли, что они сущъ слѣшья орудіа неограниченнаго и ненасытнаго честолюбца, а вшорымъ объясняли униженіе, кошорому они подвергались служба ушѣспишело ихъ опечесства. Если подлинно была вышущена опъ насъ никакая прокламація, какъ одно изъ оредспвъ, вредящихъ непріятелю развращеніемъ нравспвенности солдатъ, то едва-ли она могла бышь шогда дѣйспвительскою. Французы были ослѣплены славою Наполеона, доколь орлы его влекли за

собого побѣду; Нѣмцы-же споль были увѣрены въ неизмѣнності его могущества, и такъ сильно спрашили мщенія, что не могли прельститься никакими предложеніями.

Между пѣмъ въ лагерь у насъ вездѣ служили благодарственные молебны о побѣдахъ Ашамана Плашова подъ гор. Миромъ, гдѣ онъ разбилъ Польскую кавалерію. Кто могъ проникнуть въ будущее, и предугнать тайны судьбы? Продолжительная рещирада, споль необычайная для Русскихъ, и воспоминаніе о непрерывныхъ побѣдахъ Французовъ въ послѣднія кампаніи, неволью колебали твердость духа нашихъ солдатъ. Въ опкровенныхъ бесѣдахъ ихъ часпо вызывались незабвенныя имена Румянцева, Суворова. Во время службы церковной и молебствія, Русскіе солдаты, дополь увѣренные въ своемъ мужествѣ, епояли въ уныломъ наклоненіи съ опущенными взорами, какъ будшо признаваясь въ своемъ безсиліи, и въ упованіи единственно на помощь небесную, на силу сверхъестественную для защиты любезной родины. Среди печальной тишины и благоговѣйнаго служенія церковнаго, каждый молился съ усердіемъ; у многихъ наверхывались въ глазахъ слезы.

Побѣды Машвѣя Ивановича Плашова не

нѣсколько радовали солдатъ, но и оживляли въ нихъ надежду на будущіе успѣхи. Они говорили между собою: Вошь одинъ молодецъ, кошорый еще бѣшъ Французовъ по-Русски! — Надобно замѣнить, что солдаты, въ знакъ особеннаго уваженія къ Апаману Казаковъ, называли его не по фамиліи, а всегда по имени и опчешиву.

Въ Двинскомъ лагерѣ доходили до насъ вѣсти, что Французская армія уже пернишь во всемъ большой недоспашокъ. Точно, идучи слѣдомъ за нами, она долженшествовала нуждаться въ продовольствіи. Спрана, оспавляемая нами, была нарочно опустошаема, чшобы затруднить существованіе непріятелей: густую, высокую зелень разнаго рода яроваго и озимаго хлѣба, наливавшася въ пучные колосья, мы пощадли безъ всякой жалости. Пѣхопа наша, идучи всегда по обѣ стороны дороги въ дивизионныхъ колоннахъ, оспавляла по себѣ широкій слѣдъ помятой, мершвой зелени: за войскомъ проспирались полосы ея, какъ-бы выжженные ужаснымъ бѣгомъ молніи. Земля опъ дождей и росы была всегда влажна и вредна для здоровья непривычныхъ еще къ бивачной жизни солдатъ; изъ пусныхъ селеній солома съ крышъ была разносима въ лагеря; заборы, двери, спавни разбирались на дрова; оспаль-

ное, по выходѣ войскъ, сожигали Казаки, и непріятель по слѣдамъ нашимъ вездѣ находилъ опустошеніе. Дороги и плошины были повреждаемы; болошныя, низкія мѣшпа наводнялись дождями. Все эшо много препятствовало движенію непріятельскихъ войскъ, особенно артиллеріи и обозамъ. Однимъ словомъ, природа, въ лучшее время года безпорядкомъ спихій, благопріятствовала намъ ко вреду непріятелей.

Въ такихъ обстоятельствахъ, наши люди и лошади переносили болѣе, родившись въ свойственномъ климатѣ, и привыкнувъ къ грубой жизни. Напротивъ того нѣжные Французы, Нѣмцы, Итальянцы должны были чувствовать, что зашли въ справу своей гибели. Для нашихъ солдатъ несносенъ былъ только лѣтній зной. Въ продолженіе большихъ переходовъ, подъ тяжестію ранцевъ и киверовъ, въ суконной полспой одеждѣ, молодые солдаты скоро успавали; при всякой лужицѣ они съ манерками бросались черпать теплую, грязную воду, копорую пили съ жадностію, никогда не ушолая жажды; наконецъ, изнеможенные, опшавали опть полковъ своихъ, заходили въ спорону, и гдѣ нибудь завалившись для опдыха, попадались въ руки непріятелю. Хопя арріергардъ обязанъ былъ всегда подбирать успалыхъ, но въ

разныхъ обстоятельствъ , по невозможности исполнить это , въ продолженіе рещирады шаквая поперя должна бытъ не малозначуща въ нашей арміи.

Съ 27 Іюня по 2 Іюля мы благополучно опдыхали въ Двинскомъ лагерѣ. О движеніи непріятеля не было никакихъ слуховъ , и войски ободримсь , полагая , что Французы , испощенные переходами , уже поравнялись съ нами въ силахъ , и не смѣюшъ нападать на насъ въ укрѣпленіяхъ. Благодаря попеченіямъ Правительства , мы не шерпѣли никакого недоспашка : войски получали мясную и винную порцію , лошади овесъ , маркишаншы снабжали офицеровъ чаемъ , сахаромъ и винами. Вечернія зори всегда опходили парадно съ музыкою. Солдашы выспроили себѣ хорошіе балаганы , въ кошорыхъ и офицеры имѣли довольно простора. Веселое шоварищество сослуживцевъ развлекало предспоящее горе объ опасности опечеству. Дни опдыха были ясны , ночи прохладныя. Валяясь подѣ бурками и любуясь звѣздами вечерняго неба , мы засыпали въ спокойной безпечности ; шолько часовые вокругъ лагеря пропьяжными опзывами на разныхъ голосахъ иногда будили насъ , и этой дикою гармонією напоминали — о войнѣ бѣдспвенной.

ГЛАВА III.

ОТЪ ДВИНЫ ДО СМОЛЕНСКА.

Переправа черезъ Двину. — Переходъ черезъ Полоцкъ. — Ночлеги въ корчмѣ. — Армія при Витебскѣ. — Сраженіе при Островно. — Операція надъ ранеными. — Отступленіе отъ Витебска. — Биваки у Поречья. — Армія у Смоленска. — Размыя извѣстія. — Военное замѣчаніе.

Тщешно ожидали мы Наполеона. Казалось, онъ съ своими войсками шакже покоился; но если-бы продолжалъ непрерывно движеніе внушрняго разобщенія къ Вишербску, шо могъ-бы успѣшь прежде насъ заняшь эпошь городъ, и заспавишь первую армію описывашь дальнѣйшій кругъ пуши, для соединенія со впорою. — Въ ожиданіи Наполеона, мы узнали, что колонны его взяли направленіе мимо насъ къ Полоцку; шогда и намъ надлежало оспавишь укрѣпленія Двинскаго лагеря, чтообы поспѣшишь для соединенія со впорою армією въ Вишербскъ, куда, полагали, она прибудешь непременно.

2 Іюля, войски первой арміи спали переправляясь чрезъ Двину: пѣхоша по двумъ понтоннымъ мостамъ, артиллерія по плашкозамъ. Всѣ при мостѣ находились подъ защищою большаго тѣпъ-де-понъ. Переправа произведена съ надлежащимъ порядкомъ; только на противномъ берегу, ошъ скопившакся во множествѣ обозовъ, тѣсно было пробираться; сверхъ того глубокій песокъ, между сосновымъ лѣсомъ, не мало затруднялъ движеніе. Подъ выстрѣлами и въ виду непріятеля на такой переправѣ не обошлось-бы безъ потерь; но мы перешли благополучно.

4-й Пѣхошній Корпусъ, вмѣстѣ съ своимъ спущникомъ, 3-мъ Корпусомъ, въ день переправы чрезъ Двину, перешелъ по шу сторону чрезъ лѣсъ, песчаною дорогою, только до деревни Юспиновой.

На другой день первая армія, исключая Корпуса Графа Випгенштейна, оставленнаго для защищы С. Пешербургской дороги, двинулась вверхъ по Двинѣ двумя колоннами: лѣвая соспоила изъ 2-го и 5-го Пѣхошнихъ Корпусовъ, а наша правая изъ 3-го и 4-го. Ошъ непріятелей мы отдѣлялись Двиною, и сего числа близъ сел. Прудники бивакировали въ боевомъ порядкѣ.

6 Іюля, въ полдень переходили мы По-

лоцкъ: Большия каменные спроектія обра-
щали на себя вниманіе проходящихъ. Жи-
телей не было видно; рѣдко гдѣ кто по-
казывался; повсюду унылая пустыша.
Только слышенъ былъ спукъ отъ прохо-
дящей артиллеріи; ржаніе коней, и воин-
ственный говоръ солдатъ; шедшихъ въ
гусиныхъ колоннахъ. Идучи при своихъ
пушкахъ; я вслушался въ разговоръ между
кононерами. Одинъ говорилъ: — Видно у не-
го большая сила; прокляпато; смолри; по-
жалуй; сколько ондали даромъ; почти всю
опарую Польшу; воптъ и эмпотъ городъ
ему - же достанется. — «Еще увидимъ,
сказалъ другой, можешъ, его нарочно такъ
далеко заводяшь.» — «Нарочно; или нѣтъ,
а все это чшо-шо небывалое. Слыжанос-
ли дѣло, чшобы безъ драки уходяшь такъ
далеко, и ондавашъ шо чшо наше, даромъ!
Вѣдь Поляки шеперь всѣ соберушся за на-
ми, и приспанушъ къ нему; анъ войска-
на у него впрое прибавится....» — «Тол-
куй!» отвѣчалъ старый бомбардиръ. «Видно
тебя не спросили, чшо пошли!»... —
Прочіе засмѣялись. Между тѣмъ, по шу
сторону пушекъ я замѣшилъ подошедшаго
къ зарядному ящичку гражданина въ синемъ
сюршукъ, который въ полголоса спраши-
валъ у вдоваго: «Послушай, сколько въ
ящичкѣ зарядовъ?» — Тебѣ на чшо?» отвѣ-

чалъ зноить грубо. — «Эпо шміонъ! вскричалъ я, держи! лови его!» — Кашомери бросилсь за нимъ, но онъ шмыгнулъ въ переулокъ, и пропалъ.

За городомъ, пройдя версшы при, мы оспаневились на биваки въ боевомъ порядкѣ: пѣхота въ двѣ линіи, артиллерія на флангахъ и между полками. Съ нашею колонною слѣдовала вваршира Главмекемандующаго.

Въ слѣдующій день мы расположились биваками за сел. Оспровлянами, надъ Двиною. Земная природа являлась тогда во всей полнотѣ своихъ прелестей. Заходящее солнце золотило пригорки и деревья; свѣтлая вода Двины, отражала въ себѣ лазурь небесную, спокойно прошекали между возвышенными берегами, и свѣжестію прохлады привлекали къ струямъ своимъ; деревья съ густою, яркою зеленью, отъ тяжесты листьевъ нагибались въпьями къ водѣ и, казалось, пили живительную влагу; носившеся въ воздухѣ благоуханіе цвѣтущихъ пріятно услаждало обоняніе. Опдалившись отъ лагеря, уединенно для прогулки, я зашелъ на берегъ, развалился на зеленіи, и надъ водою, въ тишинѣ любовался природою. Самшменшальность моя распрогалась; я устремилъ взоры на опдаленный берегъ и погрузился въ романтическую меч-

пашельность. Видя шпичекъ, кошорыя, гоняясь однѣ за другими, прыпались въ нусшарникъ, говорилъ я самъ себѣ : Природа дышишь любовью и рассыпаешь свои дары для наслажденія чловѣку , а онъ къ чему спремился ? къ испребленію себѣ подобныхъ , къ разрушенію общеспвеннаго благососновія . . . . Незвѣстная грусть давила мое сердце, мой духъ опдѣлился онъ враждебнаго міра людей, и носился въ прелестной обласпи фаншазін; воображеніе рисовало мнѣ очаровашельный садъ; я слышалъ звукъ арфы и нѣжный голось пѣвицы; вдали на берегу видѣлъ рѣзвыхъ Нимфъ, играющихъ цвѣтами . . . . и веселый хохотъ ихъ разносился эхомъ . . . . Но что эпо ? — Увы ! эпо арпельщики съ гремящими кошлами, шедшіе черпашъ воду для своей кашицы ! — Проспните милые призраки фаншазін ; я вспомнилъ о своей печальной сущеспвенности , вздохнулъ — и пошелъ на биваки.

10 Іюля перепли мы за Спарое Село. Нашей арпиллеріи доспалось сповашъ близъ корчмы. Пошелъ сильный дождь , и мы , не имѣя палашокъ, побѣжали подъ зашщину Жидовскаго жилища ; но оно было запершо. Принесли шопоры — и внушрешность храма опшверзлась передъ нами. Радуюсь приспанищу, мы расположились въ пущой

корчмъ , какъ не лзя лучше. Каждый занялъ себъ уголокъ , кшо на лавкѣ , кшо на печкѣ , кшо въ Жидовской спальнѣ. Принесли стна , разосшлали ковры — шакой доброй мваршары у насъ не было ошь самой Вильны , а биваки уже надовли. Принесли самоварь ; стли въ кружкѣ , закурили пабачекъ , напились чаю , обсушались , развеселились. Тушь кшо во что гораадъ : одинъ забавникъ гдѣ-що оцкрылъ спарый гардеробъ Жидовскій , нарядился , и предшавилъ намъ Еврея на молитвъ ; другой нарядился Жидовкой — и прелеспичаль. Мы хохопали. Но эша площадная фарса скоро наекучила важнымъ командирамъ ; они разочаровали Жида и Жидовку. Явилась другая , милѣйшая сцена. Передъ походомъ посшупилъ къ намъ въ бригаду молодой лекаръ , копорый для услажденія сердца везъ съ собою молодую , прекрасную супругу , саншменпальную Нѣмочку. Видѣшь на походѣ красавицу , есть что-що особенно привлекательное для холостыхъ и женатыхъ , ибо одинъ взглядъ ея возжигаетъ — живошный магнетизмъ. Бѣдный лекаръ въ дождливую погоду не зналъ куда дѣваться съ милою подругою ; кромѣ брички онъ ничего не имѣлъ , но вѣчно жишь въ бричкѣ — въ шакой шѣснопѣ — хопъ кому наскучиптъ. Мы вспомнили о

красавицѣ, и, для сохраненія ея здоровья, предложили лекарю на время укрыться отъ непогоды съ нами, въ собраніи честныхъ кавалеровъ. Скромность и спыдливость колебали даму принять предложеніе; однако необходимостъ опдохновенія подъ какимъ-либо сухимъ кровомъ, превозмогла ея робостъ: супруги перешептались между собою, взяли за руки, и, казалось, условились не разлучаться, разумѣя у насъ какую-то для себя опасностъ. Они вошли, и сѣли вмѣстѣ. Ей поднесли чаю, а лекарю пушву — спаканъ за спаканомъ; начались вопросы, ошвѣты, шушки — лекаря ошперли отъ подруги и усыпили. Тушъ (однакожъ не то, что вы думаете, любезный чипашель) вся молодежь спала увиваться около улыбающейся, румяной Нѣмочки, какъ шмели около розы... иные вздыхали, иные были внѣ себя отъ какого-то магнетическаго или гальваническаго дѣйсвія взоровъ красавицы.... Развязка была-бы любопытна, но вдругъ принесли каспрюлю съ кашницею, и сковороды съ бишкомъ. Тогда отъ идеальнаго перешли къ матеріальному; сѣли обѣдать — при захожденіи солнца. Сунный ароматъ защекопалъ обоняніе спящаго лекаря, звонъ жесшяныхъ шарелокъ и ложекъ коснулъ его слуха; онъ проснулся, вспомнилъ.

49 верстахъ отъ Виттебока. Наши авангарды были уже въ дѣйстви. Лейбъ-Гусары у корчмы сняли пикетъ Французовъ, и сколько ободрились успѣхомъ, что бросились съ 6-ю конными орудіями преслѣдовать бѣгущихъ; но Французы этого ожидали; они въ превосходныхъ силахъ напали на Гусаровъ, порубили, погнали ихъ и опшили всѣ 6 пушекъ. Нѣжинскій Драгунскій полкъ подоспѣлъ на помощь Гусарамъ, а Сумской и 1-й Егерскій полкъ удержали дальнѣйшій напикъ непріятеля.

Мы приближались къ мѣсту сраженія, и видѣли возвращавшихся Лейбъ Гусаровъ въ красивыхъ мундирахъ, подъ киверами съ Императорскимъ гербомъ, на спальныхъ сѣрыхъ лошадяхъ; они ѣхали шагомъ, съ опущенными поводями, покрытые пылью, иной съ перевязанною рукою, другой съ окровавленнымъ лицомъ. Сколько эти раненые возбуждали въ насъ состраданія, сколько, напропивъ, утѣшительно было видѣть раненыхъ Французовъ, которыхъ пусть-же, человекъ шесть, гнали въ плѣнъ Нѣжинскаго полка Драгуны. Я съ любопытствомъ разсматривалъ спрашанныхъ враговъ: въ синихъ и красныхъ панталонахъ, они шли безъ мундировъ; на запястьяхъ у нихъ висѣли толстые пучки съ плещетками подъ саломъ; люди были

рослые, здоровые — драгуны. Шапкая походка ихъ обнаруживала усшалосинь; понтъ, мѣшаясь съ пылью, обезобразивалъ лица. У иныхъ щеки были порублены и покрышы запекшеюся кровію; у другихъ расъечены руки; однако всѣ они смотрѣли бодро и безъ унынія.

Чѣмъ ближе подходили мы къ мѣсту сраженія, по аллеѣ большой дороги, тѣмъ сильнѣе были слышны пушечные выстрѣлы. Не доходя до мѣста съ версту, оспановились: велѣно приготоовишься. Пѣхотинцы спали заряжашъ ружья и зазвѣли шомполами; артиллеристы наполнили сумы зарядами, офицеры обнажили шпаги. Уже по дорогѣ валялись каски нашихъ драгуновъ, изломанные палаши и мундирные лоскушы; уже мимо насъ часто спали проходивъ раненые, окровавленные и хромающіе егери — но убищыхъ еще не было видно. Явленіе близкаго сраженія, первый разъ въ жизни, меня очень занимало. Я не могъ еще соспавить себѣ яснаго понятія о биввахъ; мнѣ казалось, что всѣ сходящіеся должны непременно погибнуть, что каждое ядро или каждая пуля убьетъ или ранитъ человека, а потому полагалъ навѣрное, что врядъ-ли и мнѣ уцѣлѣть. По крайней мѣрѣ, видя какъ всѣ идущъ отважно умирають, мнѣ ничего

ниго не оспавалось, какъ слѣдовашь ихъ примѣру. Въ такомъ раздумь сидѣлъ я на лафетѣ своей пушки и разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ все происходящее. Бригадный командиръ нашей артиллеріи, проходя мимо, увидѣлъ меня спокойно сидящимъ на лафетѣ, и сказалъ: « Оздыхай, братъ, скоро начнешься работа. » — Это были послѣднія слова его, ибо едва онъ появился на мѣсто сраженія, какъ вдругъ ядро непріятельское ударило его въ грудь, и, пролетѣвши насквозь, распоршило вмѣстѣ съ сердцемъ червонцы, копорые находились у него въ боковомъ карманѣ.

Солдаты приготовились къ бою и смѣло пошли на встрѣчу смерти, копорой, казалось, съ нешерпѣніемъ ожидали. Наша рота артиллеріи шла между Кексгольмскимъ и Перновскимъ полками 11-й дивизіи; начальникъ оной, Генералъ Бахметьевъ 1-й, и Бригадный Генералъ Чоглоковъ, ѣхали впереди; за нами шла вторая бригада той-же дивизіи, Елецкій и Полоцкій полки; потомъ 23-я дивизія Генерала Бахметьева 2-го; пѣхода въ сомкнушыхъ дивизионныхъ колоннахъ шла впереди довольно скоро. — Уже начали визжать надъ нашими головами убійственныя ядра и вырывать ряды; пѣхода побѣжала впереди, артиллерія рысью; снѣжки разсыпались по кустар-

никакъ, бапарен поспронушеъ — и нача-
лась пошъка.

Десять орудій 3-й легкой роты нашей повернули на мѣстѣ сраженія вправо съ дороги, и шущъ же выспронушисъ, начали дѣйствовать; непріятельскія бапарен съ шрехъ споронъ сбивали наши орудія: ядра прыгали всюду, какъ зайцы. На дорогѣ лежали убитые солдаты: у одного голова опорвана, у другаго вырванъ живощъ, шрешій лежалъ безъ ногъ.... Сердце содрогалось ошъ такихъ предметовъ. Непрѣшное чувство овладѣло мною, глаза помрачались, колѣна сгибались.... Я оспавался еще съ двумя пушками на дорогѣ безъ дѣйствія, но вошъ Свинскій Полковникъ подѣхалъ ко мнѣ и велѣлъ ошанъ по лѣвую сторону аллеи, указавши памъ на небольшое возвышеніе. Тогда я очнулся ошъ ошмѣнія, въ кошоромъ нѣсколько минуць находился. Между шѣмъ Кексгольмскій и Перновскій полки пошли съ дороги, одинъ вправо, другой влѣво; оба развились фронтномъ по опушкѣ лѣса, для подкрѣпленія находившихся впереди шрѣлковъ и для прикрышія артиллеріи; къ Перновскому полку на лѣвомъ флангѣ приспрудся въ линію Елецкій полкъ.—Смершосная канонада съ обѣихъ споронъ усилилась.

Старые воины замѣчаютъ, что страхъ превозишь сердце молодого солдата только до вснуплена въ сраженіе, когда еще вниманіе его на свободу занимается окружающими ужасами смерти, копорые производяшь въ немъ непріятное впечатлѣніе; но когда онъ вснуплъ въ битву, страхъ заглушается ожесточеніемъ. Солдатъ, жершвуя погда себю, дѣлается самъ дѣйствующимъ лицомъ; и смерть переспасеши пугаеши его; сердце заливается кровію, онъ презираеши опасность, и дѣлается какъ будто безчувственнымъ. Тушь человекъ выходитъ изъ сферы обыкновеннаго существова своего: физическій организмъ его раздражается, и всѣ способности души дѣлаются напряженными. — Я находилъ въ шакомъ положеніи, когда началъ съ пушками высприванься на показанномъ мѣстѣ. Вдругъ засвищали мимо меня ядра: одно ударило въ коннаго артиллериста, а другое опорвало ноги у кононера съ зарядною сумою; онъ упалъ передо мною, и жалобно вскричалъ: «Ваме Благородіе! спасише!» При видѣ убитыхъ передъ эшимъ я содрогался, но шеперь былъ безжалостенъ, и велѣлъ только опшадити его въ спорону, чшобы не мѣшалъ спрѣдъ намъ.

Двѣ пушки мои спали прошивъ шрехъ

непріятельскихъ, и объ, наведенныя мною на одну прошивную, съ первыхъ выстрѣловъ рикошетомъ подбили ее; солдаты увидѣвши что Французы свозятъ подбитую пушку, отъ радости крикнули: Ура! Поравнявшись въ числѣ орудій, мы начали подбивать другъ друга съ равнымъ успѣхомъ. Ядра непріятельскія, ударяя вблизи моихъ пушекъ, засыпали насъ землею, а гранаты разрывались на воздухъ съ адскимъ визгомъ. Замѣшивъ, что Французы стрѣляютъ по моимъ пушкамъ довольно цѣльно, и убили еще одного кононера, я подвинулся шаговъ на десять впередъ; тогда большая часть смертоносныхъ ядеръ спали перелетавъ черезъ меня; но за то они вырывали ряды изъ спящей позади пѣхоты. Въмѣсто одного подбитаго орудія, Французы прошивъ моихъ двухъ выправили еще два, и спали крѣпко жарить по мнѣ изъ четырехъ. Между оглушительнымъ шумомъ пушечныхъ выстрѣловъ, и пороховымъ дымомъ, вниманіе мое развлеклось. Непріятельскія ядра жестоко били спящую позади меня пѣхоту; тогда я самъ вздумалъ обратишь свои выстрѣлы на непріятельскія колонны, когорыя въ это время спали двигались впередъ по большой дорогѣ. Кононеры, повернувъ пушки вправо, пустили рикошетомъ шаръ

удачно, что содѣйствіемъ своихъ выстрѣловъ съ среднею башареею произвели замѣшательство въ непріятельской пѣхотѣ, кошорая не пошла далѣе. Генераль Чоглоковъ, споявшій шупъ-же передъ линією, замѣнилъ это, и подозвавъ меня, благодарилъ за удачное дѣйствіе артиллеріи. Ободренный, я усерднѣе приступилъ къ пушкамъ, какъ вдругъ канонеры закричали: «Ваше Благородіе! Кавалерія! — смонрише, въ кустахъ близко!» Точно, я увидѣлъ впереди линію красныхъ Гусаровъ, приближавшихся рысью, и до половины видныхъ изъ-за кустовъ; шопчасъ велѣлъ зарядишь каршечью, но вдругъ непріятельское ядро ударило въ колесо моей пушки, и она съла на бокъ; ее пошацили назадъ. Между шѣмъ подскакалъ ко мнѣ Елецкаго полка Маіоръ Тишинъ, и просилъ, чшобы я поспѣнилъ съ осшавшеюся пушкою на лѣвый флангъ линіи, гдѣ ничего не было для подкрѣпленія прошивъ кавалеріи. Это случилось въ шо самое время, какъ Французскій Генераль Орнано съ легкой кавалерією повелъ ашаку по обѣимъ шпоронамъ дороги на нашу линію. Я съ пушкою побѣжалъ за Маіоромъ. Впереді по кустарникамъ засѣвшіе спрѣлки наши спарались удержалъсь, но красные Гусары ихъ окружали; егери ошспрѣлива-

ясь во всё споронь, сбѣгались въ кучку. Только успѣлъ я съ пушкою въѣхать въ линію пѣхопы, какъ вижу, эскадронъ храбрыхъ Французскихъ гусаровъ завернулъ правое плечо впередъ, и съ саблями бросился на спрѣлковъ нашихъ; вдругъ пѣхоша изъ линіи пустила бапальный огонь, я ударилъ карпечью, и весь эпошь эскадронъ разсыпался: многіе попадали съ лошадей, другіе бросились назадъ, и спрѣлки наши были спасены. Такимъ образомъ первая ашака Французовъ была неудачна.

Между тѣмъ мои арпиллериспы проспрѣлялись зарядами. Я взялъ опть ящика лошадь и поскакалъ черезъ дорогу ошыскивать ропнаго командира, чшобы попросишь у него пушку и зарядовъ. Но въ какомъ положеніи представилась мнѣ наша арпиллерія по правую спорону дороги! Нѣсколько пушекъ лежало подбишыхъ или опрокинушыхъ; между ними валялись убитые канонеры и лошади. Соспавляя центральную бапарею, наша ротша была пронзаема непріательскими выспрѣлами съ шрехъ споронъ, пошдѣмъ Французская кавалерія пролешла сквозь карпечъ всей бапарей, ворвалась между орудіями, порубила канонеровъ, схватила въ плѣнь офицера, и чупь не увезла двухъ пушекъ; но Кексгольмскій полкъ шакъ-же хорошо оп-

билъ опсюда Французовъ, какъ Елецкій и Перновскій на лѣвомъ флангѣ. — Подполковника своего я нашелъ въ большихъ суетахъ. Увидѣвши меня, онъ спросилъ: «Ты еще живъ?» — Какъ видишь, только дайше мнѣ пушку и зарядовъ. — «Чего, брашецъ!» продолжалъ онъ: «у меня вся рота разбила; Горяинова взяли въ плѣнъ, Шлиппенбаху и Брайко опбили ноги (*) . . . .» Подполковникъ подѣхалъ тогда къ Графу Осперману, и спалъ докладывать ему, что на его батареѣ много убитыхъ канонеровъ, и есть поврежденныя пушки, которыя не могутъ дѣйствовать. «Какъ прикажете, Ваше Сіятельство?» — Графъ, нюхая табакъ, отвѣчалъ опривиспо: *Стрѣлятъ изъ тѣхъ, какія остались.* — Съ другой стороны что-то докладывалъ Графу, что въ пѣхотѣ много бьютъ ядрами людей, не прикажутъ-ли оподвинуться? — «*Стоять и умирать!*» отвѣчалъ Графъ рѣшишельно. Еще прещій Адъютантъ подѣхалъ и хопѣлъ Графу что-то говорить, какъ вдругъ ядро опорвало у него руку и пролетѣло мимо Графа. Офицеръ свалился на лошадь, которая замаясь. «*Возьмите его!*» сказалъ Графъ, и повернулъ свою лошадь. Такое непоколеби-

---

(*) Три рогатые оенцера.

мое присущіе духа въ начальникѣ , въ то время какъ всѣхъ бьютъ вокругъ него , было истинно по характеру Рускаго , ожесточеннаго бѣдствіемъ опечесства . Смотри на него , всѣ скрѣпились сердцемъ и разѣхались по мѣстамъ , умирашь .

Я опыскалъ зарядный ящикъ , привезъ его къ своей пушкѣ , и опять принялся за работу . Въ помощь мнѣ прислали съ однимъ Прапорщикомъ два бапарейныя орудія , и мы спали смѣло огрызашься опъ усиленной непріятельской башарен .

Канонада возобновилась по всей линіи съ большимъ ожесточеніемъ . По нашей упорности , Французы , конечно , думали , что мы подкрѣпляемы были значительными силами , скрывавшимися за лѣсомъ , передъ копорымъ спояли войски по обѣимъ споронамъ дороги . Генералы ихъ , чтообъ лучше высмотрѣшь насъ , выѣхали съ дороги впередъ , прошивъ лѣваго фланга . Я пошчасъ велѣлъ повернуть на нихъ пушку , при чемъ аршиллерисшы шакъ удачно навели , что ядро ударило прямо въ кучу генераловъ и рассыпало ихъ ; тогда нѣсколько нашихъ шшабъ-офицеровъ подъѣхали къ пушкѣ и похвалили канонеровъ . Мнѣ пріятно было видѣшь вредъ , наносимый непріятелю моими пушками : конечно , шолько въ одномъ эпомъ случаѣ

позволиительно радоваться злу, причиняемому людям, сделавшимся волею или неволею нашими врагами. Я еще навелъ съ усердіемъ, и ошошелъ, чптобы видѣшь удачу прицѣла, какъ вдругъ изъ непріятельской пушки, среди густаго дыма, показалось прошивъ меня ядро, въ видѣ черной почки. Это былъ ударъ смерти, но внушительнее чувство спасенія или испинякъшъ толкнулъ меня опять къ пушкѣ; однако я упалъ: ядро меня сшибло. Солдаты подбѣжали и, положивъ меня на ружья, ошнесли за линію. Я думалъ, чпто мнѣ ошорвало ноги, и не смѣлъ взглянуть на нихъ. Едва мои носильщики вошли въ лѣсъ, какъ вдругъ ошкрылась по линіи еще разъ ужасная ружейная сшрѣльба прошивъ непріятельской кавалеріи; несшіе меня солдаты, полагая видѣшь близко Французовъ, ошпавили меня въ лѣсу, и сами возвратились на свое мѣсто.

Я чувствовалъ, чпто правая нога у меня была въ спупени разбиша, а на лѣвую могъ спупиншь. Поднявши полстиый сукъ для подпоры себѣ, я, кой-какъ, вышелъ на дорогу. Туть увидѣлъ ошрашную сумашошу: пьяные уланы непріятельскіе прошвались по дорогѣ даже до обоза нашего, и надѣлавъ шамъ куперьмы, сами большею частію ошпались жершвою своей дерзостіи,

не напедъ себѣ выхода. Мнѣ вспрѣшила-
 ся ползущій и раненый въ ногу спарый
 фейерверкеръ Осиповъ, копорый, увидѣвъ
 меня чужь передвигающагося изъ лѣса,
 воскричалъ почти со слезами : « Ахъ! Ваше
 Благородіе ! вы еще живы ; а у насъ про-
 клятые Радзивилловскіе уланы всѣхъ по-
 рубили ! » Оптъ этого добраго солдаша
 узналъ я, какъ пьяные уланы впорично
 перелешѣли черезъ карпечъ нашей баша-
 реи, ворвались и рубили безъ разбора все,
 что попадалось : людей, лошадей, колеса,
 лафеты, даже царапали саблями пушки.
 « Они — говорилъ эшошь солдашь — шакъ
 безъ шолку махали, что фейерверкеръ Мак-
 симовъ сшибъ одного съ лошади прибой-
 никомъ, ударивъ его по запылку. » Кекс-
 голмскій и Перновскій полки впорично
 опбили Французовъ и спасли нашу баша-
 рею. Фейерверкеру моему попала нисполеш-
 ная пуля въ ляшку, въ самую кость. Я,
 опершись на свою дубину, помогъ ему, кой
 какъ, подняшся, и подалъ другой сукъ
 для подпоры ; погда вмѣстѣ, ковыляя и
 охая, мы дошацились до своего обоза.
 Сраженіе продолжалось. Во время пуши я
 не смѣлъ взглянушь на свою правую но-
 гу, и съ шрудомъ могъ волочипъ ее ; боль
 усиливалась и ломоша распроспранялась
 по всей ногѣ; я весь горѣлъ, какъ въ огнѣ.

Въ обозѣ случился нашъ бригадный казначей ; онъ совѣщивалъ мнѣ скорѣе садиться на артиллерійскія дроги, кошорыя везушъ раненаго Тушолмина , Дивизионнаго Адъютанта. У этого несчастнаго была опорвана правая рука выше локтя. Возмощившись на дроги, я рѣшился взглянуть на свою ногу , и съ удовольствіемъ увидѣлъ , что только задняя часть сапога у пятки была разбита , и прогорѣла, какъ опъ огни : ядро лепѣло ошорвашъ мнѣ ноги, но внутренній инстинктъ спасъ меня и ударъ коснулся только пятки правой ноги, прорвавши весь сапогъ. Ударъ былъ очень силенъ ; я не могъ пошевелить ногою и держалъ ее согнувши. Тушолминъ, безъ руки, шажеле меня раненый, лежалъ какъ полумертвый. Казначей рассказывалъ мнѣ , что Шлиппенбахъ и Брайко ранены въ ноги гранатными черепками , а старшій Поручикъ Горяиновъ взятъ въ плѣнъ.

Наша рота въ этомъ сраженіи поперѣла значительный уронъ : канонеровъ было перебито человекъ до 60., и выброшено до 30 лошадей ; у четырехъ пушекъ подбиты лафеты и колеса ; одинъ офицеръ взятъ въ плѣнъ и прое ранено ; она выдержала двѣ кавалерійскія атаки и непріятельскій перекрестный огонь изъ нѣсколькихъ батарей. Польскіе уланы, сфор-

мированные Княземъ Радзивиломъ ; нанесли много вреда намъ ; за шо и самъ Князь во время атаки раненъ карпечью въ ногу. — Когда еще до ошкрытія кампаніи мы квартировали въ Несвижъ , шо Князь часпо бывалъ у насъ , въ лагерь на пракнической сирѣльбѣ , при разбишіи городка , или на пирушкахъ у ропныхъ командировъ ; даже передъ походомъ мы были у него два раза на великолѣпныхъ балахъ. Кшо - бы подумалъ , чшо обсподшельсшва сведущъ насъ , сдѣлающъ врагами , и заспавяшъ нанесши другъ другу шакой вредъ ?

За эшо сраженіе , по предспавленію Графа Оспермана , Главнокомандующій наградилъ насъ , шрехъ раненыхъ офицеровъ , первымъ военнымъ орденомъ Св. Анны 4-й шепеніи на шпагу , а командира роты шого-же ордена 2-й шепеніи на шею .

Какъ думали , шакъ и случилось . Первое сраженіе вышло горячее и упорное . Графъ Осперманъ-Толстой опразилъ мужеспвенно неприяшелей , и вознаградилъ шѣмъ первую неудачу своего авангарда ; къ вечеру онъ отшшупилъ за лѣсъ .

Такимъ образомъ случилось , въ первой встрѣчѣ двухъ враждующихъ силъ , гвардейской кавалеріи нашего Императора рубишья съ шакою-же кавалерією Наполе-

она, 4-му Корпусу Русскихъ войскъ спрѣ-
лившись съ шаковымъ-же Корпусомъ Фран-
цузовъ, и Князю Радзивилу съ своими ула-
нами бросаешься на карпечи наней артил-
леріи, копорая госпила у него въ Несви-
жѣ. Спранная встрѣча!

Дроги, на копорыхъ я лежалъ съ Ту-
шполминимъ, проѣхали мимо колоннъ 3-й
пѣхотной дивизіи, споявшей по споро-
намъ дороги для подкрѣпленія Корпуса
войскъ Графа Оспермана. Изъ одного дома
передъ городомъ выскочилъ слуга и спро-
силъ у меня: « Не прикажете-ли, оударъ,
вина? » — « Кшо послалъ шебя? » — « Ба-
ринъ. » — « Благодари его; вѣкогда намъ
пишь вино шеперь. » — Это угощеніе пред-
лагаемо было всѣмъ раненымъ оиъ добраго
дворянина, копорый изъ соспранданія же-
лалъ оказашъ послѣднюю услугу своимъ
соошечеспвенникамъ. Насъ привезли въ
городъ, и положили въ одной комнашѣ, въ
домъ мѣщанина. У Тушполмина опкрылась
горячка. Ввечеру пришли къ намъ городо-
вые хирурги. У меня разрѣзали сапогъ и
скинули его; пашка правой ноги моей ока-
залась вздушою, посинѣвшею и сворочен-
ною на спорону. Она горѣла, какъ въ ог-
нѣ, и прикосновение къ ней причиняло не-
сперпимую боль; однако прохладительный
примочки ушолали воспаление. Насъ обо-

ихъ перевязали. Бѣдный Тушолминъ, изнуренный испеченіемъ крови и жизненныхъ соковъ, долженъ былъ приготоовиться къ спрашной операціи: рука у него, опорванная выше лопля, и перевязка, сдѣланная въ полѣ наскоро, представляли хирургамъ необходимость сравнять косы, подобрасть въ одинъ узелокъ желки, однимъ словомъ—рѣзать. Они обнадѣжили насъ своимъ зашпашнимъ посвѣщеніемъ, и шѣмъ навели безсонницу.

14 Іюля, между шѣмъ какъ Генераль Коновницынъ опражалъ Французовъ на своей позиціи при корчмѣ Песчанкѣ, гаспода городовые хирурги, по обѣщанію, не замедлили явиться къ намъ — съ инструменшами. Тогда показались они мнѣ спрашнѣе Французской кавалеріи. Синій фракъ и пудренный парикъ главнѣйшаго Операшора съ длиннымъ носомъ, нѣсколь-ко ночей сряду снились мнѣ ужасными привидѣніями. Хирурги обратились сперва къ Тушолмину, ободрили его, обласкали, дали какихъ-то капель, попомъ посадили на стулъ, и спали развязывашь руку. Я съ поспели своей успремилъ внимашельные взоры на происходящее. Рѣзашели обмыли рану, изъ которой клочьями висѣло мясо и видѣнъ былъ оспрыый кусокъ косши. Операшоръ въ пудреномъ па-

рикѣ вынулъ изъ ящичка кривой ножъ, засучилъ рукава по локоть, попомъ шпихонько приблизился къ поврежденной рукѣ, схватилъ ее, и шакъ ловко повернулъ ножомъ выше ключевъ, что они мигомъ ошпали. Туполминъ вскрикнулъ и спалъ охашъ; хирурги заговорили, чтобы шумомъ своимъ заглушить его, и съ крючками въ рукахъ бросились ловить жилки изъ свѣжаго мяса руки; они ихъ вышпунули и держали; между шѣмъ пудренный Операторъ спалъ пилишь коспъ. Еще причиняло, видно, ужадную боль: Туполминъ вздрагивалъ, споналъ, и, шерпя мученіе, казался изнеможеннымъ до обморока; его часто вспрыскивали холодною водою, и давали ему нюхашъ спиртъ. Оппиливши коспъ, они подобрали жилки въ одинъ узелокъ, и зашпунули. опрѣзанное мѣсто напудральной кожей, которая для этого была ошпавлена и ошворочена; попомъ зашили ее шелкомъ, приложили компрессъ, увязали руку бинтами — и шѣмъ кончилась операція. Туполминъ легъ въ постель, какъ полумертвый.

Спрашннй Операторъ въ пудреномъ парикѣ, съ засученными рукавами, не ошпавляя криваго ножа, обратился ко мнѣ, и, видно, разохотившись рѣзашъ, спросилъ: «Ну, какъ у васъ?» Я испугался, и за-

крывая ногу рукою, отвѣчалъ: — У меня хорошо-съ, мнѣ не надобно рѣзать. — «По-смотримъ, покажи!» Я не смѣлъ сопротивляясь: моя скривленная пяпка, раздувшись, была вся синяя и казалась охваченною Анпоновымъ огнемъ. Хирурги въ очкахъ разсматривали ее со вниманіемъ, прикасались къ ней, заговорили между собою по-Лашыни, и пудренный дарикъ былъ въ нерѣшимости, рѣзать-ли ему мою ногу, или нѣтъ. Можетъ быть онъ думалъ, что у меня повреждена въ цѣпкѣ Ахиллесова жила. Признаюсь, въ такомъ положеніи, почтенный Операторъ, съ кривымъ ножомъ предъ мими глазами, былъ ужаснѣе Наполеона съ Французами. Въ его наморщенномъ челѣ я читалъ себѣ приговоръ жизни или смерти, потому что, по слабости своего здоровья, не надѣялся выдержать операціи. Къ счастью моему, приговоромъ общей Лашыни кривой ножъ былъ опложенъ, и вынулъ маленькій перочинный — однако все не обошлось безъ рѣзанья. Меня повернули навзничъ, схватили крѣпко мою ногу, и по распухшей пяпкѣ вдругъ черкнули ножомъ. Я вскрикнулъ, и вмѣстѣ съ болью почувствовалъ облегченіе: изъ раны пошла густая кровь, кошорая, отъ удара скопившись подъ кожей, своею синешою казалась Анпоновымъ ог-

немъ и шѣмъ привела въ сомнѣніе хирурговъ. Такимъ образомъ нога моя уцѣлѣла, бывши близка къ разлученію съ шѣломъ. Я очень обрадовался, когда меня осматривали не изуродовавшимся; за то послѣ открылась сильная горячка, какъ необходимое послѣдствіе ранъ, ошъ воспаления крови.

По утру, когда мы отдыхали, пришли къ намъ разные офицеры, знакомые и незнакомые; они рассказывали о дѣйствіи происходившаго сраженія. Всѣ радовались, что наши не уступаютъ Французамъ, и не смотря на великія силы ихъ, храбро отражаютъ нападенія.

Передъ вечеромъ, когда мы съ Тушолминимъ оспались одни, вошелъ къ намъ мѣщанинъ, хозяинъ дома; побрякивая въ рукѣ рублевиками, онъ спросилъ: «Нѣтъ-ли у васъ, господа, серебрца? Я-бы вамъ далъ съ *промытомъ* ассигнаціями, сколько угодно.» — «На что тебѣ?» — «Да вошь, придушь господа — ошвѣчалъ онъ улыбаясь — чшобъ спасти душу и домишко, надобно чѣмъ нибудь ошмапиться.» — «Хорошъ гусь! — сказалъ я. Онъ усмѣхнулся и вышелъ. Въ семьѣ не безъ урода.

15 Іюля войска нашей арміи сшорали въ боевомъ порядкѣ на правой сторонѣ р. Лучесны, за городомъ, на ошкрытыхъ воз-

выпеніяхъ ; правый флангъ былъ прикры-
 ваемъ большою массою кавалеріи, а лѣвый
 упирался въ лѣсистыя высоты. По упор-
 ному сопротивленію Рускихъ въ первые
 два дни, Наполеонъ могъ думать безоши-
 бочно , что нашъ Главнокомандующій на-
 мѣренъ шущь соспязашься съ нимъ воин-
 скими шансами и счастьемъ ; онъ могъ
 съ удовольствіемъ ожидать поржесства, ибо,
 имѣя подъ рукою войска до 190,000, на-
 дѣялся нашихъ 90,000 смять и попопить
 въ Двинѣ. Главнокомандующій , казалось ,
 гошовъ былъ на отважное предпріятіе, въ
 ожиданіи, что армія Князя Баграціона бу-
 дешь ему содѣйствовать и наляжеть на
 Французовъ съ пылу , въ то время какъ
 завяжеться дѣло, и еще въ помъ соображе-
 ніи , что войски , неперпѣливо желая сра-
 зиться, уже показали въ первые два дни
 опытъ своего ожесточенія и храбрости.
 Но вдругъ получено извѣстіе , что Князь
 Баграціонъ нашель Могилевъ занятымъ
 Французами, и не будучи въ соспоаніи о-
 владѣть имъ, обратился чрезъ Спарый
 Быховъ къ Рогачеву , чтобы шамъ, пере-
 правившись черезъ Днѣпръ окольною доро-
 гою, соединиться съ первою арміею, хопя
 въ Смоленскѣ. Сполъ важное извѣстіе про-
 извело шопчасъ всеобщее движеніе въ на-
 шей арміи. Среди дня войски начали сни-

маться съ лагеря и проходишь черезъ городъ. Французы, удаленные за пять верстъ отъ главныхъ силъ нашихъ, не могли замѣнить этого движенія, а если и замѣтили, то конечно приняли за обыкновенную переспановку войскъ для генеральнаго сраженія, и не ожидали чшобъ мы, показавши грозный видъ, опсшупили.

Въ эпошъ день мы съ Туполмнымъ пролежали спокойно; намъ было легче, только діеша привела насъ въ ослабленіе; приносимую намъ деньщиками Спаршанскую похлебку мы не могли ѣсть съ аппетитомъ. У меня горячка начинала разгнриваться, но я могъ сидѣть у окна и смосрѣть на мимо проходящія войски; спухъ и шумъ отъ реширующихся продолжался день и ночь; только на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, мы съ Туполмнымъ могли уснуть немного.

Наполеонъ, конечно, удивился, и вмѣстѣ съ шѣмъ прогнѣвался, когда по упру 16 Юля, не только Большой арміи нашей, но даже ни одного Казака не увидѣлъ предъ собою; пухъ для него былъ опкрытъ до города, и въ пустомъ городѣ — опкрытыя вороша. Только шажело раненые и убитые вспрѣчались его побѣдоносному войску, подходившему къ городу съ шріумфомъ. Въ продолженіе ночи, арріергардъ нашъ

умѣлъ искусно уйдши изъ виду непріятелей ; Рускіе показали шупъ, что они научились также масперски опспупать, гдѣ эшо нужно, какъ и наспупать.

По ушпру въ городъ была опмѣнная пшина ; ни въ домъ нашемъ , ни на улицѣ не слышно никакого шума. Опъ скуки я поднялся съ поспели , и , какъ день былъ ясный, шо, пропацившись, сълъ у опкрышаго окна : мнѣ въ голову не приходило , чтобы войски наши совершенно оставили городъ и Французы шли къ нему безпрепятственно. Вижу — проскакало нѣсколько Казаковъ ; попомъ какой-шо гражданскій чиновникъ, верхомъ, замѣпивъ мое блѣдное, взнеможенное лицо, подѣхалъ къ окну и спросилъ шоропливо : « Кто шупъ ? » — Раненые, опвѣчалъ я. — « Какъ! васъ еще не убрали ? . . . » и скрылся. Чрезъ ппаль минушь явился онъ съ двумя креспьянскими шѣлежками , и велѣлъ намъ , какъ можно поспѣшнѣ садиться и ѣхать, попому что Французы уже у засшавы города. — « Право? а наши гдѣ? » спросилъ я. — « Садитесь, садитесь . . . . » и ускакалъ.

Съ помощію креспьянъ - погонщиковъ (деньщики наши спаслись заблаговременно) мы вышли и съли , каждый на свою шѣлежку , запряженную парю лошадей. На улицѣ не видно было ни души — повсюду

шанишпенная , ужасная шишина , преры-
ваемая только спономъ раненыхъ , копо-
рые въ разномъ положеніи валялись на мо-
шовой ; между этими несчастными замѣ-
шилъ я наиболѣе сврыхъ Сумскихъ гуса-
ровъ и Егерей.

Здѣсь я распался съ Туполминнымъ , и
не знаю спасся-ли онъ , будучи не въ со-
стояніи скоро вѣхашь опъ чрезмѣрной боли
въ рукѣ , причиняемой пряскою шѣлж-
кою ; но мой мужичекъ погналъ своихъ кля-
чей рысцою прямо за городъ , куда пошли
войски. Тамъ я увидѣлъ Казаковъ , и да-
лѣе велѣлъ вѣхашь шише , потому что и
мнѣ было весьма дурно опъ насильшпен-
наго движенія. Опъвѣхавши верспъ 12 по
дорогѣ къ Порѣчью , я увидѣлъ войски , рас-
положенныя въ боевомъ порядкѣ на бива-
кахъ , и шупъ-же нашелъ свою ропу. Ме-
ня почипали пропащимъ , и удивлялись
спасенію , копорое , почно , было счастли-
во : не вспанъ и съ поспели къ окну , шо
дождался-бы Французовъ.

Меня извѣспили о продолженіи репира-
ды всей Первой арміи къ Смоленску , для
соединенія шамъ со Второю. Нашъ 4-й
Корпусъ съ 2-мъ соспавляли лѣвую ко-
лонну. — Между шѣмъ аршилерійскую
ропу , въ копорой я служилъ , распроен-
ную въ сраженіи подъ Оспровно , пополнилъ

людьми, лошадьми и зарядами, но не ошачерами. Послѣ Подполковника М*** ошачивался только одинъ казначей съ братомъ, да я больной; Шшабсъ-Капитанъ Фигнеръ находился гдѣ-то въ командировкѣ; Шлиппенбахъ и Брайко были ошправлены съ подвижнымъ госпиталемъ.

17-го Юля пришли мы къ гор. Порѣчью. Войски расположились на долину передъ городомъ; для ночлега оспроили биваки, между копорыми скоро задымились ушншительные огоньки. Погода была сырая и ночь холодная. Горячка обнаружилась во мнѣ сильнѣйшимъ образомъ, и я пересѣлъ въ коляску убишаго Полковника Кошлярова, копорая ошавалась въ ропномъ обозѣ.

Успрашенные жишели Порѣчья, съ семействами, въ слезахъ и ошчаяннн, въ виду нашемъ разбѣгались изъ города въ дѣсь, на разныя спороны; дома ихъ наполнились войсками, копорыя распаскивали все на биваки, и только нѣспроенія ошавались неприкосновенными, гдѣ спановились Генералы и полковые командиры съ своимъ шшабомъ. Тупъ сошлись при пѣхопнше Корпуса: 2-й, 3-й, 4-й, и пошому всѣмъ было очень шѣсно.

Каршина разрушенія и человѣческихъ бѣдспвй, въ моемъ положеннн представля-
Часть I.

лась ужасною : мы возмущались опечаленной соборностью ; окружающие предметы, въ болѣзненномъ состояніи моемъ, приводили меня въ глубокое уныніе ; мрачныя мысли кружили голову ; я бредилъ о предавшемся, объ измѣнникѣхъ, о опраннымъ Наполеонѣ, котораго дѣйствительно въ умѣ, расхваченномъ горячкою, представлялся какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ подъ покровительствомъ адскихъ силъ. Мы мерещились красныя Гусары въ медвѣжьихъ шапкахъ, скачущіе прямо на меня съ обнаженными саблями ; мерещились шотландскія и загорѣлые Испанскія еспрѣлки, пробирающіеся, какъ гѣны, между кустами, и цѣлящіе въ меня смертоноснымъ оружіемъ . . . . Такъ всѣ предметы прошедшихъ ужасовъ представлялись теперь гораздо живѣе ; я закрывался руками, чтобы не видѣть этихъ призраковъ, и съ содроганіемъ воображалъ гибель Россіи. Въ жару горячки, я нѣсколько дней не могъ дѣлать никакихъ наблюденій.

20-го Іюля, всѣ Корпусы подошли къ Смоленску, съ правой стороны Днѣпра, и расположились въ боевомъ порядкѣ, на возвышенной равнинѣ въ виду города, лицомъ къ Порѣчью, предполагая тамъ главныя силы непріятелей.

Разсвѣтъ велѣно было отправить въ

Духовщину; хопъли и меня разлучить съ родною, но я спрашился отдасться въ незнакомыя руки и сказалъ, что мнѣ легче, надѣясь опть ропнаго фельдшера болѣе удачи въ пользованіи, нежели опть походнаго лекаря, заняшаго сошными больныхъ въ подвижномъ госпиталѣ. Въ своей ропѣ я былъ какъ у родныхъ; каждый солдатъ принималъ участіе въ моемъ положеніи, пакъ-же какъ и оставшіеся офицеры; всѣ оказывали мнѣ возможное пособіе. До сего времени ѣхалъ я въ коляскѣ, вмѣстѣ съ обозомъ, но пошдѣмъ, какъ шумъ и сшукъ артиллеріи меня безпокоили, я пересѣлъ въ шѣлѣжку, и, взявши одного потонщика, поѣхалъ особо. Пользуясь благопріятною погодою, останавливался я подъ шѣнію рощицы, у свѣзлаго ручейка, въ споронѣ опть дороги, валялся на мягкой зелени, щипалъ около себя цвѣты, и на нѣсколько минутокъ забывалъ о своей болѣзни; между шѣмъ потонщикъ мой, пусшивши лошадей на праву, варилъ кашицу и жарилъ грибы; я любовался огонькомъ и суельливоспію своего повара-самоучки. Такимъ образомъ, не принимая никакихъ лекарствъ, и пользуясь одною перевязкою раны, я опалъ чувствовалъ облегченіе; можетъ быть числомъ воздуха, діета, сама натура моя, и нѣсколько дней отдохновенія послужили къ

укрепленію горячки. Я прїѣхалъ къ Смоленску 22-го Іюля, съ значительнымъ облегченіемъ отъ болѣзни, но будучи слабъ, все еще жилъ въ обозѣ, кошорый стоялъ позади войскъ, надъ Днѣпромъ, противъ города. Впередѣ, версты за двѣ, видны были биваки, отъ кошорыхъ доходилъ ко мнѣ только гулъ, а за Днѣпромъ представлялся городъ съ зашпоглавыми церквами и съ бѣлокаменными палашами, окруженный древнею снѣжною, какъ въ косморамѣ. По дорогѣ, между городомъ и войскомъ, была непрерывная дѣлательность; поминутно взадъ и впередъ ходили обозы и команды. Въ хорошую погоду я выходилъ изъ повозки на коспыляхъ и садился на разостланномъ коврѣ; отсюда любовался окрестностями, карпивною воинскаго сна, и видомъ города; читалъ книги и составлялъ свои походныя Записки. Такимъ образомъ я прожилъ около шести дней. Опдохновеніе на чистомъ воздухѣ, свобода и спокойствіе были для меня цѣлительнѣе всякихъ миксюръ въ госпитальной атмосферѣ. День ото дня спановилось мнѣ лучше, и моя рана заживлялась.

Слухи были, что Ашаманъ Плашовъ съ Казаками переправился ниже города, для присоединенія къ первой арміи и прикрытія ея лѣваго фланга. Вскорѣ за сими у-

зналъ я, что и вся Вшорая армія подошла къ Смоленску съ лѣвой стороны Днѣпра. Тогда у насъ радость была всеобщая, по-тому болѣе, что армію Князя Багратиона почишали мы, по незнанію, пропавшею. Рускіе снова ободрились; собранными силами нашего православнаго воинства внушали каждому солдату пріятную увѣренность, что опятъ спѣтъ Смоленска: побѣда будетъ въ нашихъ рукахъ, вмѣстѣ съ шлемъ предѣлъ стремленію завоевателей и нашей безконечной репирадѣ. Одно имя Генерала Багратиона, извѣснаго храбростію, подкрѣпляло надежду въ войскахъ. Я самъ, соглашаясь съ общимъ ожиданіемъ, спольно былъ въ шомъ увѣренъ, что въ письмѣ къ ошцу своему, жившему въ Ярославской губерніи, писалъ между прочимъ: «Войски наши ошспунили къ Смоленску; можете бышь пойдуть и далѣе; но—*Богъ—рати* *Оте* съ нами, и мы—будемъ въ Парижѣ!»— При шогдашнихъ обшповиельствахъ, имя Багратиона для Рускихъ заключало въ себѣ какое-шо таинственное знаменованіе прошивъ апокалипсическаго имени Наполеона, какъ добраго генія прошивъ демона.

Послѣ репирады, почти два мѣсяца продолжавшейся, войски нуждались въ ошдохновеніи и подкрѣпленіи свѣжимъ продовольствіемъ. Слухи носились, что непріятель-

свая армія имѣла во всемъ недоспашокъ и была изнурена опть безпрерывныхъ маршей по опускоченной спранѣ. Такія извѣстія насъ радовали. Говорили, что въ арміи Наполеона ропотъ: будуща войски его не кончатъ идти далѣе — въ спрану Сандовъ. Но по надменности и кичливому духу пѣвчыхъ Французовъ, не лзя было въ шомъ удосповериться. Они все не унывали, и говорили, что скоро всѣкъ насъ достигнетъ равная имъ участь — сполко они были утвлены въ неспбѣдности Наполеона.

Сосредоточенное општупление нашихъ двухъ армій опть границъ Имперіи до Смоленска, позволило неспрѣпелю, почли безъ боя, овладѣть пространствомъ земли на 800 верстъ пупи. Губерніи Виленская, Гродненская, Минская, Курляндія, часть Вѣлоруссіи и Смоленской губерніи были заняты войсками Наполеона. Первая армія прошла безъ усилія около 550 верстъ почпи въ 30 дней, за неключеніемъ опдыха въ Двинскомъ лагерѣ; но Вторая армія принуждена была усильно пройдти опть Гродно до Могилева пространство 650 верстъ въ 18 дней, что ещѣ болѣе 35 верстъ въ сухки. Какъ-бы ни крѣпились духомъ Рускіе, но физическія силы, опть безпрерывнаго напряженія, приходили въ ослабленіе;

шрудный путь по пескамъ и болошамъ , гдѣ проходила Вшпораа арміа , могъ изнуришь солдашъ и предашь въ руки непріа-шеля не малое число ушпалыхъ , копорыхъ не успѣвали подбирать . Россія всегда бу-дешъ признашельна къ воинскимъ досшонн-спвамъ Князя Баграшона , копорый съ особеннымъ благоразуміемъ умѣлъ побѣ-нупъ распавленныхъ ему съшей , и весьма искусно довелъ свою армію до Смоленска .

Сосдинившись , двѣ арміи наши соспав-ляли около 120,000 ; у Наполеона-же опъ Вишебска до Днѣпра находилось до 200,000 войска .

Наполеонъ , приводя въ исполненіе превос-ходное соображеніе свое , раздѣлишь наши арміи , не доспигъ желаемой цѣли ! Какъ са-мыя лучшія предположенія полководцевъ всегда совершающоя въ половину , пошому что не въ силахъ умъ человѣческой управ-ляшь всѣми обстоятельспвами по своему произволу , шо и намѣреніе Наполеона въ раздѣленіи нашихъ армій свершилось въ половину ; неудача его опшосилась къ числу нашихъ Генераловъ сполько-же , сколько удача зависѣла опъ искусства его воен-чальниковъ , копорые дѣйствовали нерыши-шельно .

ГЛАВА IV.

ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНА.

Движеніе войскъ передъ Смоленскомъ. — Нападеніе Французовъ. — Картина Смоленской битвы. — Отступленіе. — Сраженіе на р. Страгани. — Подвигъ Фигера. — Движеніе къ Дорогобужу. — Переходъ чрезъ Вязму. — Привытіе къ арміи Князя Кутузова. — Отступленіе къ Бородину.

Велѣдшіе приняшаго на военномъ совѣщѣ нашихъ Генераловъ предположенія: атаковать отдѣльный непріятельскій Корпусъ у Порвчя, соединенныя войски обѣихъ армій нашихъ, изъ заняшаго ими лагеря двинулось впередъ, по направленію къ м. Руднѣ.

Послѣ продолжительной рэспирады это было первый наступательный шагъ; движеніе само по себѣ малозначащее, но въ военномъ отношеніи довольно важное по своему грозному виду; и этого достаточно было, чтобы оживить надежду Русскихъ воиновъ съ перваго шага, по старой привычкѣ — идти впередъ.

27-го Іюля узнали мы , что Французы, укрьпившись въ Порѣчьѣ , засѣли въ лѣсѣ позади болошѣ , оградилсь засѣжками и не смѣютъ идти далѣе. Это ободрило солдатъ нашихъ , кешорые уже начали усматривать счастливыя послѣдствія отъ рѣширады. Полагая непріятелей въ изнеможеніи, послѣ перенесенныхъ трудовъ и нужды, мы почтпшали въроашною его мниную робость. Уже, спрашное до сего времени, превосходство силъ Французскихъ казалось шеперь незначительнымъ противъ швердосши силъ Рускихъ.

Казалось, Главнокомандующій намѣренъ былъ дѣйствительно атаковать скрывающагося за лѣсами у Порѣчья непріятеля ; но войски спояли при дня на мѣшѣ и скучали бездѣйствіемъ.

Нашъ обрадовало пріятное извѣстіе о первомъ ударѣ насшупашельнаго дѣйствія: говорили, что Ашаманъ Плашовъ, наканунѣ, съ Казаками въ авангардѣ, напалъ на Французовъ при с. Молево - болошо , взялъ въ плѣнъ одного Генерала , до 30 офицеровъ, и 500 рядовыхъ. Эта новостъ пріяшпа всѣми съ воспоргомъ; никто не сомнѣвался въ въроашносши, потому что каждый солдатъ пріялѣ шогда грозный видъ защитника опечесшва — каждый былъ героемъ; побѣда казалась обыкновеннымъ дѣ-

ломъ, неудача была-бы почтена извѣрнымъ, посмѣднымъ. Раздраженное мнѣніе Россіянъ требовало не одной победы — испребленія враговъ..

4-го Августа явился я, полуплоровый, къ ропшѣ. Еще рана моя не совсемъ зажила; нога была перевязана бинтами, и копыль еще служилъ мнѣ подпорой. Свою ропшу нашелъ я расположенною между линіями пѣхоты, въ кустарникѣ; ею командовалъ Штабсъ-Капитанъ Фигнеръ. Огнь самыхъ Свенціанъ до сюда я съ нимъ не видался. Прежняго командира ропшы, Подполковника М***, перевели въ башарейную ропшу на мѣсто убишаго. Полковника Коплярова, съ назначеніемъ командиромъ бригады. — Здѣсь войски 2-го и 4-го Корпусовъ бивакировали близъ сел. Луци, и находились подъ начальствомъ Генерала огнь кавалеріи Уварова.

Въ первый разъ я почувствовалъ здѣсь безпокойство бивачной жизни: цыганскіе шалаши изъ хвороста, кой-какъ сплоченные и покрытые шравою, соспавляли временныя жилища наши. Дождевая мокрота и ночной холодъ заспавляли безпрестанно передъ шалашии имѣли курящіеся коопры; дымъ огнь сыраго хвороста, мѣнялся съ набачнымъ огнь курильниковъ, выѣдалъ глаза, щекоталъ горло и вынуждалъ слезы

и кашель. Товарищи, развалившись на мокрой соломѣ подъ бурками, забавлялись, кпо во чью гораздъ ; но я не зналъ куда дѣвашься съ ногою; вездѣ было мнѣ не ловко, больно , и , какъ говоришся , не понущру. Тушъ я внимательнѣе спалъ замѣчаю Фигнера. Онъ любилъ играть въ боспонтъ, и въ свайду; лицо у него было открытое, иногда веселое, но болѣе задумчивое ; говорилъ онъ скоро и довольно краснорѣчиво. Хотя замѣчающъ дные, что женатые офицеры и солдаты , разнѣживаясь семейственной жизнью, большею частію теряющъ мужество, но Фигнеръ сохранилъ его имѣ прекрасную жену , оставленную имъ во Поковѣ. Впрочемъ, для него природа , кажущаяся, не была скупа въ дарахъ своихъ.

2-го Августа войски перешли вершъ 45 впередъ, и расположились на равнинѣ прошивъ Касплина озера. Яровые хлѣба были въ полной зрѣлости, высокіе , наливные, такъ, что выше пояса закрывали солдатъ. Разноцвѣтными полосы хлѣбной зелени на поляхъ прельщали зрѣніе ; жаль было сморщиться, какъ все это солдаты равнодушно топтали, спановая лагерь — и плоды трудолюбія испреблялись.

Между шѣмъ какъ наши войски переходили съ мѣста на мѣсто передъ Поръчьемъ, Намолосиъ приготавлилъ намъ ударъ

съ пыла. Отрядъ Генерала Невѣровскаго въ гор. Красномъ едва не былъ испребленъ; особенное присущіе духа этого Генерала и мужество солдатъ сохранили честь Русскаго оружія: они пробились чрезъ многочисленныхъ непріятелей съ немалою жаршевою, но ни одинъ не сдался. Объ этомъ мы узнали не прежде какъ въ ночь съ 3-го на 4-е Августа, когда уже Французы подступили къ Смоленску.

Съ разсвѣтомъ дни 4-го Августа всѣ войски наши двинулись къ городу весьма поспѣшно. Полки перегоняли одинъ другой, спѣша для защиты Смоленска, къ которому пришли ввечеру, почти бѣгомъ сдѣлавши 30 верстъ, и спали на правомъ берегу Дняпра. Войски 4-го Корпуса расположились правѣ, ниже предмѣстья. На пуши мы слышали канонаду, и думали, что городъ уже въ рукахъ Французовъ. Всѣ съ безпокойствомъ спрашивали встрѣчающихся объ участи Смоленска, споль важнаго своимъ положеніемъ и славнаго древностію, на копорый Россія всегда опиралась, какъ на инвердыню: Смоленскъ всегда былъ ключемъ къ ея сердцу. Узнали съ удовольствіемъ, что Генераль Раевскій опразилъ Французовъ, подступавшихъ къ Королевскому басейону. Они думали въ этотъ день пезоименншсва Наполеонова взять городъ, и

пѣмъ подарить его; для пуржесшва, говорашъ, напились до пьяна и бросились къ крѣпости; но храбрый Генераль, съ частію войскъ запершись въ городъ, уничтожилъ первое покушеніе опшважныхъ. Говорили, что Французы, сбивши Казаковъ и опрядъ Невѣровскаго, успѣли подойти уже къ ворошамъ городскимъ, и были задержаны шолько семью спами хлѣбопековъ, подъ начальствомъ одного храбраго Маіора, доколѣ не подоспѣлъ Генераль Раевскій съ своимъ Корпусомъ. Впрочемъ, вреда городу еще никакого не было сдѣлано; шолько лучшіе жишели выѣхали.

5-е Августа, день роковой для города, и кровопролитный для враждующихъ войскъ! Еще до свѣта, 6-й Корпусъ Генерала Дожурова и 3-я дивизія Генерала Коновницына, смѣнивши Корпусъ Раевского, заняли городъ, наружные посты и всѣ укрѣпленія. Прочіе корпусы Первой арміи спояли на правой сторонѣ рѣки, за Днѣпровскимъ предмѣстьемъ; Вшорая армія спояла по Дорогобужской дорогѣ, въ 8-ми верспахъ отъ Смоленска. — Намъ предспояло двѣ крайности: или выдержашъ генеральное сраженіе, или репировашься; перваго, по неудобности мѣспоположенія, невозможно было сдѣлать не подвергаясь великой опасости въ случаѣ неудачи, а на вшорое

пустишься было-бы не ловко. И такъ , мы рѣшились на то и другое : защищать городъ , и ретироваться.

Наполеонъ обложилъ Смоленскъ сперва со стороны Малаховскихъ востовъ. Съ 4-хъ часовъ утра началась паша перестрѣлка , которая продолжалась до полудня съ равномернымъ усиленемъ съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ , казалось , выжидалъ ошъ насъ наступательнаго дѣйствія на овой правой флангъ , который былъ нарочно открытъ ; ему весьма желательно было выманить наши войски за Дивиръ , чшобъ послѣ напичнушь на нихъ ; однако , замѣливъ ошорожность нашего Главнокомандующаго , который ограничивался только защитою города , ошъ съ полудня началъ дѣлать рѣшительное нападеніе. Тогда , противъ правой стороны и середины города , открылась ужасная канонада. Маршалъ Ней спалъ тѣснись справа , а Даву приступилъ къ Мстиславскому предмѣстью. Окрестности Смоленска , по лѣвую сторону Дивира покрыты кустарникомъ и пересѣкаемыя оврагами , весьма способствовали неприятельскимъ стрѣлкамъ. Мы съ праваго берега видѣли , какъ они , перобѣгая изъ куста въ кустъ , пускали гибельный дымокъ. Уже Французы близко подступали къ городу по Красенской дорогѣ. Канонада продол-

жалась ужасная; наша артиллерія, въ глазахъ передъ нами, взрывала непріятельскіе зарядные ящики, и смѣшивала его колонны; наши спрыжки непрерывнымъ огнемъ встрѣчали Французовъ, но они лѣзли, какъ бышенье. Скоро и съ лѣвой спороны города показали ихъ спрыжки, а потомъ и колонны; за ними выскочила конная башаря, и, выспровившись близъ рѣки, стала бить по мостамъ, чѣшобы прервать сообщеніе города съ нашимъ берегомъ. У насъ пошчасъ была выспавлена башаря, которая опивчала непріятельской съ равнымъ упорствомъ: канонада громила съ обѣихъ споронъ убійственно.

Къ вечеру сраженіе усилилось до оппачнаго боя, и ужасы его были неизяснимы! Нѣсколько сотъ ядеръ и гранатъ свистѣли и лопались одни за другими, воздухъ вокругъ города помрачался опъ дыма, земля спонала, и, казалось, изъ упробы своей извергала адское пламя — смертъ не успѣвала глотать свои жерпвы. Громъ, шрескъ, пламя, дымъ, спонъ, крикъ, все вмѣстѣ представляло ужасный хаосъ разрушенія міра.

Въ 6 часовъ вечера Французы овладѣли всѣми предмѣспіями города по шу спорону рѣки; только оставалось у насъ одно Днѣпровское на правомъ берегу. Гранаты

непріятельскія зажигали внутри города отпросенія, и предъ нами явилась новая картина ужасовъ: битва среди пожара. Какую швердоспъ духа имѣли тогда Рускіе, оспавленные для защиты пылающаго Смоленска! Ядра, пули, обломки камней, надающія съ огнемъ бревна, все несло на нихъ смерть и разрушеніе. Но приивромъ мужества командующихъ въ городъ, Генераловъ Дохшурова, Принца Евгенія, и Коновницына, Россіане были шверды: они умирали среди пламени въ развалинахъ города, презирая всъ ужасы. Рускіе не измѣнили чести своего оружія; они не пропустили въ спѣхъ города непріятелей до самой полуночи, и не иначе оспавили развалины его, какъ повинувась воля Главнокомандующаго.

Съ другой стороны предспавилось намъ прогашельное зрѣлище. Несчастныя жители, бѣдные граждане, спарцы и жены, въ слезахъ, съ опчаяннымъ воплемъ выбѣгали изъ города черезъ мостъ и, поднимая руки къ небу, зывали гореспно: «Гдѣ Ты, Наша Машушка! Чудотворная Икона!» Эша икона Смоленской Божіей Матери за-благовременно была вывезена изъ города; въ продолженіе репиреды къ Москвѣ ее везли въ общемъ паркѣ аршиллерин, на занасномъ лафелѣ башарейной рошы Полков-

ника Воейкова. — Не мало жителей по-гибло въ городѣ и на мосту. Это бѣдствіе казалось имъ свѣшопреставленіемъ, а Наполеонъ сущимъ Антихристомъ, съ воинствомъ дьяволовъ.

Съ берега Дняпра смошрѣли мы на пылающій городъ, и невольный пререпетъ сердца показалъ намъ, яшо мы еще слабы числомъ прошивъ сильнаго завоевателя. Въ 9 часовъ вечера спрѣльба ушла — Рускіе удержались въ городѣ.

Въ Смоленской битвѣ наши войски показали примѣръ опчаяннаго сопротивленія. Можеть бытъ, здѣсь они въ соспомяніи были-бы оспановитъ спремленіе непріятеля, если-бъ бой продолжился, ибо въ цѣлый день, при всемъ усилии, Французы не могли овладѣть городомъ. Въ арміи носилась слухи, что, по окончаніи этой кровопролитной битвы, старшіе Генералы Рускіе упрашивали Главнокомандующаго, чшобы еще, хошя на одинъ день, замедлилъ сдачею города, представляя въ уваженіе ему разспройство непріятеля; они ручались за успѣхъ швердоспію Русскихъ солдатъ, гошцовыхъ до послѣдняго погибнуть въ развалинахъ Смоленска, или испребленіемъ непріятеля спасши опчешство. Но Главнокомандующій имѣлъ болѣе причинъ поступитъ иначе; онъ приказалъ решироваться.

Часть I.

8

Въ полночь Генераль Дохшуровъ началъ переходить съ оспашками храбраго войска, защитниками Смоленска, черезъ мостъ, такъ что Французы не могли этого замѣнить. Въ городъ былъ оспавленъ тогда Генераль Коръ съ кавалерією, для прикрытія оспупленія.

6-го Августа мы перемѣняли часпо позиціи по дорогѣ къ Поръчю, какъ будто въ ожиданіи генеральнаго сраженія. Французскія колонны показались было на нашей сторонѣ изъ-за Днѣпра, но были прогнаны дивизією Генерала Коновницына. Мы видѣли съ какимъ торжествомъ Французы вступали въ развалины оспавленнаго имъ города: музыка и барабанный бой сопровождали парадъ ихъ. Главнокомандующій нашъ, подѣхавъ къ одному артиллерійскому офицеру, стоявшему съ пушками противъ города, сказалъ: « Поздравьте ихъ хорошенько! » Офицеръ навелъ пушки на мостъ домъ, гдѣ, полагали, оспановился Наполеонъ, и пушилъ въ него два брандсугеля. Пожаръ продолжался въ городъ, и его зарево, среди пасмурнаго дня, освѣщало печаль на лицахъ Русскихъ солдатъ.

Бишва одного дня подъ Смоленскомъ была несравненно кровопролитнѣе шрехъ дней сраженія подъ Вишебскомъ. Войски обѣихъ

враждующихъ силъ дрались упорно, жестоко, опчаянно. Честь сраженія принадлежала особенно Генералу Дохшурову, который съ 30,000 Рускихъ могъ удержаться противъ 72,000 осаждавшихъ его Французовъ.

Въ ночь на 7-е Августа войски Первой арміи двинулись опть Смоленска двумя колоннами: лѣвая, состоявшая изъ 5-го и 6-го Корпусовъ пѣхоты съ двумя кавалерійскими, пошла черезъ сел. Пруднице, безопасною дорогою, а правая, состоявшая изъ Корпусовъ 2-го, 3-го, 4-го, съ арріергардомъ Генерала Корфа, должна была слѣдовать гористыми мѣстами, черезъ с. Крахопкино и Жабино къ Бредихину, для доспуженія большой дороги, которую прикрывалъ передъ дер. Лубиной отрядъ Генерала Тучкова 3-го.

Мы съ правою колонною пронудились опть Смоленска въ 9 часовъ вечера 6-го Августа, и во всю ночь на 7-е число шли черезъ горы и овраги, покрытые кустарникомъ. Ночь была темная, сырая. Передъ разсвѣтомъ сонъ ошягопилъ глаза мои; я сълъ на лафетъ, и прислонясь головою къ передку, сладко задремалъ. Въ то время, какъ пушка моя спускалась съ одной крутизны, случился шумъ Англійскій Лордъ Вильсонъ; канонеры поддерживали меня, что-

бы я сонный не упалъ съ лавсша, но увидѣвши Генерала, спали будишь; почтенный Лордъ замѣшилъ эшо, и любуясь по печеніемъ канонеровъ о своемъ офицерѣ, далъ имъ знакъ рукою, чпобъ оставили меня въ покоѣ. Когда я пробудился, то они рассказали о добромъ *красномъ* Генералѣ, о которомъ узналъ я послѣ, что эшо былъ Англичанинъ, находившійся при Главнокомандующемъ, уполномоченный опъ своего Посланика бышь свидѣтелемъ происшествій.

На разсвѣтѣ дня 7-го Августа мы подходили къ большой дорогѣ, гдѣ ожидалъ насъ опрядъ Генерала Тучкова, и слышали позади себя канонаду. 2-го Корпуса дивизія Принца Виртембергскаго опнимала у Французовъ деревню Горбунову, копорую они заняли, и шѣмъ опрѣзали арриергардъ Генерала Корса. Послѣ эшого Французы сворошили на большую дорогу и насупательнѣо приближались къ опряду Генерала Тучкова, копорый занялъ позицію между деревнями Топоровщиной и Латышиной, на рѣчкѣ Сшрагани. Непрiятели завязали дѣло съ эшимъ опрядомъ, прежде нежели 2-й Корпусъ нашъ, задержанный въ Горбуновой, успѣлъ выйдши на большую дорогу. Мы съ 4-мъ Корпусомъ, будучи впереди 2-го, уже прошли деревню Лубину, какъ насъ опяшь

вернули назадъ, для подкрѣпленія отряда Генерала Тучкова, копорого Французы шакъ сильно пѣснили, что онъ принужденъ былъ опустунить за рѣчку Спрагань.

Въ 3 часа по полудни сраженіе усилилось. По всей линіи, черезъ кустарникъ, производилась ужасная стрѣльба; дымъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ, выходявшій непрерывно, представлялъ весь кустарникъ горящимъ. Нѣсколько часовъ Французы шщепно старались сбить ценишь нашъ; смертоносный свинець повергалъ много жерпвъ; стрѣлки почти не видали другъ друга, и смершь невидимо похищала храбрыхъ. Наступательныя колонны непріятельскія испреблялись карпечью нашихъ башарей и шшыками гренадеровъ. Между шѣмъ, прошивъ лѣваго фланга у насъ, на горѣ показался Французскій Корпусъ Генерала Жюно съ многочисленною кавалерією; прошивъ него шопчасъ былъ высавленъ 4-й Корпусъ пѣхошны.

Шпабсъ-Капитанъ Фигнеръ, будучи командиромъ 3-й легкой роты артиллеріи, еще находился въ резервѣ, когда полки нашего Корпуса пошли влѣво, на гору; однако предузнавая скорое учаспіе въ сраженіи, велѣлъ раздашь канонерамъ имѣвшуюся въ запасъ винную порцію. Эшопъ способъ

поддерживашь храбрость въ солдатахъ онъ перенялъ у Французовъ, у копорыхъ, когда они попадались намъ въ плѣнъ, мы находили въ манеркахъ за ранцами, вмѣсто воды, ромъ или водку. Фигнеръ, приговоря канонеровъ къ дѣйствию, предсказывалъ имъ удачу сраженія, по своимъ замѣчаніямъ надъ дымомъ непріятельскихъ выстрѣловъ: или онъ шараясь поддерживашь суевѣріе солдатъ, или самъ былъ суевѣренъ. Послѣ того Фигнеръ повхалъ впередъ, изъ обыкновеннаго любопытства посмотрѣвъ на сраженіе, но скоро возвратился, и всѣмъ канонерамъ велѣлъ садиться на лафеты и ящики, кшо какъ успѣшь. Вопъ мы поскакали на лѣвый флангъ, черезъ болошо, копорое быспрошу нашу задержало. Проѣхавши шопкое мѣсто, пушки спали поднимаешь на крушую гору, гдѣ происходила кавалерійская свалка; мы слышали опшуда страшный гулъ, крикъ, и изрѣдка пушечные выстрѣлы: вдругъ, влѣво опъ насъ, посыпались съ горы Казаки; нѣкопорые изъ нихъ возвратились опашь на гору, а шрое спустились, провожая одного Виршембергскаго, шолспаю шрубача, сбипаго ими съ лошади. Онъ былъ въ синемъ колелѣ съ красными лацканами, и въ большихъ бошфоршахъ, въ копорыхъ идучи пушалоа; бѣдцяга, видно, много

спрубилъ, ибо весь былъ въ поту, и очень красенъ, какъ обыкновенно бываетъ послѣ большой работы; но онъ, казалось, гордился тѣмъ, что шрое провожани его одного.

Поднявшись на гору, мы увидѣли зрѣлище любопытное. Перновскій полкъ споялъ въ линію, на вершинѣ горы; къ правому флангу его приспроились наши шесць пушекъ, а прочія, по недоспащку мѣспа, оспались всѣ на опшлогосши. Передъ Перновскимъ полкомъ спояли, за хуспарниками, по-эскадронно, синіе, красные, сѣрые и зеленые гусары, съ конными орудіями. Кавалерійская свалка происходила у насъ передъ глазами. Занимашельно было видѣшь, какъ нѣсколько эскадроновъ Французскихъ гусаровъ бросались на нашихъ, какъ наши уходили во весь галопъ, но, подкрѣпленные свѣжими эскадронами, оборачивались и гнали Французовъ: шолько карпечи и нули оспанавливали ихъ спремленіе; наши оборачивались назадъ, и были опяшь прелѣдуемы Французами. Такое дѣйствіе походило болѣе на рыцарскія попѣхи: иные кавалерисшы сваливались съ коней; иной, попавши въ средину чужихъ, опмахивался саблею; одинъ спрѣлялъ изъ писполеша, другой рубилъ; лошади спалкивались, мялись, и разбѣгались. . . . Правѣе горы, по продолженію ея опшлогосши

проспирался лѣсъ , въ кошоромъ споялъ Князь Гуріаловъ съ Полоцкимъ пѣхопнымъ полкомъ ; онъ двинулся было впередъ , чшобы изъ лѣса ударить во флангъ непришельской кавалеріи , но , самъ угрожаемый шѣмъ-же , пріоспановился .

Пушки Фигнера спояли безъ дѣйствія , пошому чшо надобно было спрѣлать черезъ своихъ . Между шѣмъ я , обозрѣвая общій ходъ сраженія , увидѣлъ справа , подъ нашею горою , пробирающуюся черезъ кустарникъ Французскую пѣхопу , кошорая сильно пѣснила нашихъ егерей , о чемъ сказалъ Фигнеру , и замѣшилъ опасность , если Французы зайдуть къ намъ въ шылъ . Тогда онъ велѣлъ мнѣ съ шеспью орудіями спуститься внизъ , и выйдши на большую дорогу , а съ оспальными самъ копѣлъ слѣдовать за мною . Болошо подъ горой меня задержало , кошя я успѣлъ переправить пять пушекъ ; но подъ шеспою лошади замялись . Спрѣлки изъ кустарника прямо выбѣгали на мои пушки ; Французы за нами , видя близко мою артиллерію , спѣшили ко мнѣ . Ихъ пули спали рѣзко жужжашъ ; шѣснопа мѣста и косогоръ не позволяли мнѣ выспроиться для дѣйствія , а пошому я спарался скорѣе выбрашъся на большую дорогу . Трескъ ружейнаго огня съ дымомъ подходилъ все ближе ко мнѣ съ лѣвой спо-

роны ; пули навывлетъ спали пробивашь канонеровъ, лошадей, и лѣпишья въ лафеты.... Наши егеря, свѣсивъ ружья и нагибаясь, спѣшили укрышья за мои пушки отъ смертоноснаго свинца ; офицеръ ихъ кричалъ : « Куда вы, брашцы ? ворошишья, пожалуйшья, какъ не спыдно вамъ ! » — Никшо не слушалъ его. Вдругъ на встрѣчу намъ явились Генералы : Главнокомандующій Барклай-де-Толли , при немъ Лордъ Вильсонъ , Графъ Кушайсовъ , Осперманъ , Орловъ, Корфъ и прочіе. Всѣ они кричали бѣгущимъ : « Куда ! спой ! назадъ ! » — и бѣгущіе оспанавливались. Главнокомандующій, подѣхавъ ко мнѣ, спросилъ грозно : « Ты откуда ? » — « Отшуда, » отшѣчалъ я, показывая влѣво на гору — и онъ поѣхалъ далѣе. Вслѣдъ за Генералами шли въ гуспыхъ колоннахъ лейбъ-гренадеры Графа Аракчеева полка и Екашеринославскіе: рослые молодцы, держа ружья на перевѣсь , съ блѣдными лицами шли скорымъ шагомъ — на встрѣчу смерти. Съ крикомъ ура ! они бросились въ кусты , и возспановили порядокъ шпыками. Черезъ пяшь минушъ уже многіе изъ нихъ возвращались окровавленные и полумершвые, на плечахъ своихъ поварищей . . . . Смотри на эшопъ увядающій цвѣшъ силы Россіянъ, не лзя было не содрогашья.

Наступившій мракъ ночи не могъ положить предѣла битвѣ ожесточенныхъ. Не смотря на упорное сопротивленіе съ нашей стороны, не уважая великой попери своей, Французы не переставали драться до глубокой полуночи. Они поперяли шупрь убишымъ своего дивизионнаго Генерала, но за шо и у насъ взяли въ плѣнь самого опряднаго командира, Генерала Тучкова, опъ чего и спрѣлки побѣжали. Генераль Коновницынъ съ своими гренадерами поправиль дѣло, и удержался на мѣспѣ.

Шшабсъ-Капитанъ Фигнеръ съ шеспью пушками, послѣ меня все еще оставался при Перновскомъ полку, на горѣ лѣваго фланга; шолько личное его мужеспво могло спасши завязшую въ бодопѣ мою пушку, и явило намъ первый опытъ его удалсїва. Увидѣвши съ горы, что Французы погнали изъ кустарника спрѣлковъ нашихъ, и, приближаясь къ моеї артиллерїи, могли взять завязшую пушку, онъ съхалъ внизъ, вооруженный саблею и писполемъ. Мужеспвеннымъ голосомъ Фигнеръ вмигъ оспановиль и собралъ человекъ пятнадцашъ бѣгущихъ солдатъ, съ копорыми пришанлся за кустарникомъ. Когда Французы шолпою шли впередъ, повпоря безпреспанно: *avance! avance!* и приблизилсь къ его засадѣ, онъ велѣлъ своимъ уда-

ришь залтъ , попомъ въ шшыки , а самъ съ обнаженною саблею и пистолепомъ бро- сился на офицера, кошорый велъ шолпу, и кошорого онъ, схващивши за грудь, грозилъ убиць. Эшопъ сюрпризь ошпановилъ аван- серовъ ; офицеръ спардонился , а шассёры его показали запылки. Фигнеръ , паща за шиворопъ кавалера почешнаго легіона, вспръшился съ Главнoкомандующимъ , кошорый, узнавъ о подвигъ, шущъ-же поздра- вилъ нашего героя Капищаномъ. Мы весь- ма радовались эшому случаю, и поздравля- ли Фигнера; но онъ съ шого времени спалъ необыкновенно задумчивъ и разсъянъ , не хощель ничёмъ занимашь въ рошъ, и всь заботы о ней предоспавилъ мнѣ , какъ спаршему по немъ офицеру.

Пушечная и ружейная спрълба послѣд- няго дѣла сполько впечатлѣлась въ мою голову , а бѣжавшіе спрълки и близкая опасность сполько напугали , чшо, при- знаюсь , въ продолженіе ночи я все еще слышалъ спрълбу , кошорой не было , и все еще видѣлъ черномазыхъ , шощихъ спрълковъ Французскихъ , прелѣдующихъ нашихъ егерей. Недавно прошедшая горяч- ка , и непрерывное повшореніе военныхъ ужасовъ воспламенили мою голову ; сверхъ шого, прошедши со-вчерашняго вечера опъ Смоленска по весьма дурной дорогъ, въ ночь,

болѣе 30 верстъ, мы весь день были на ногахъ, въ дѣйствіи, и еще снова пустились на всю ночь репироваться. Такое напряженіе силъ привело не одного меня въ разслабленіе; люди пащились кой-какъ, а лошади насилу везли.

Послѣ сраженія оспановились мы ночью, часа на два, у Главной квартиры, перешли р. Бровенку, и при д. Лубинной примкнули къ прочимъ войскамъ, съ кошорами попянулись далѣе въ репирату.

8-го Августа перешли Соловьеву переправу на Днѣпръ. Этого пункта столько былъ важенъ, что если-бы занятіемъ его Французы насъ предупредили, то надѣлалъ-бы намъ много хлопотъ. Берега ширь, низкіе, песчаные, покрытые съ обѣихъ сторонъ небольшимъ лѣсомъ, весьма неспособны были для удержанія непріятеля. — Въ 4-хъ верстахъ за переправою оспановились мы для ночлега.

Отсюда Французы не горячо насъ преслѣдовали; послѣднія драки охладили жаръ въ нихъ. Къ тому-же говорили, что Наполеонъ въ Смоленскѣ — призадумался.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня вся артиллерія Первой арміи поднялась общимъ паркомъ по Московской дорогѣ; мы шли по-ропно, гдѣ можно, одинъ другаго перегоняя. Пыль и зной были несносны. Ар-

artilлерія птянулась въ шесть рядовъ по широкой дорогѣ, кошорую шакъ взмѣсили, что въ нныхъ мѣспахъ по колѣно шли въ мѣлкоиспершой землѣ, какъ въ пуху, и колеса капились безъ сшука. Всѣмъ паркомъ аршиллеріи командоваль Полковникъ Воейковъ. На нѣсколькo верспъ впередъ и назадъ ничего не видно было, кромѣ аршиллеріи и обозовъ, въ гуспыхъ облакахъ пыли, возносившейся до небесъ. Мы шли, какъ въ шуманъ: солнце казалосъ багровымъ; ни зелени около дороги, ни краски на лафесахъ не лъзя было различить. На солдапахъ съ ногъ до головы, кромѣ сѣрой пыли, ничего инаго не было видно; лица и руки наши были черны ошъ пыли и поща; мы глопали пыль и дышали пылью; шомаясь жаждою ошъ зноя, не находили чѣмъ освѣжиться. Въ шакомъ положеніи случилосъ намъ проходить мимо шолпы плѣнныхъ Французовъ, взяшыхъ въ послѣднемъ сраженіи; они съ удовольспвіемъ смопрѣли на нашу поспѣшную рещираду, и насмѣшливо говорили, что мы не уйдемъ ошъ Наполеона, потому что они шеперь сосшавляють авангардъ его армін.

Должно признашся, что послѣ Смоленскихъ битвъ наши солдапы очень приуныли. Пролишая на развалинахъ Смоленска кровь, при всѣхъ усиліяхъ упорной за-

щипы нашей, и опшупленіе по Московской дорогѣ въ нѣдра самой Россіи, явно давали чувствовашь каждому наше безсиліе передъ спрашнымъ завоевателемъ. Каждому изъ насъ предспавлялась печальная картина погибающаго опечесства. Жипели съ приближеніемъ нашимъ выбѣгали изъ селеній, оспавляя большую часпъ своего имущесства на произволь пріятелей и непріятелей. Позади насъ и по споронамъ, вокругъ, пылающія селенія означали пушь приближающихся Французовъ; Казаки испребляли все, что оспавалось по проходѣ нашихъ войскъ, дабы непріятели всюду находили одно опуспошеніе. Одичаянная Россія перзала погда сама свою ушробу.

Сдѣлавши переходъ 26 версптъ, мы оспавновились на биваки при селѣ Успвптъ, не доходя Дорогобужа 8 версптъ.

На другой день артиллерію опашь размѣспили по полкамъ. Двигалось опашь мѣспна на мѣспно, войски два раза перемѣняли позицію; къ вечеру едва успроились, какъ и эша позиція оказалась ненадежною. Мы здѣсь проспояли полько до ушра слѣдующаго дня.

44-го Августша непріятель ашакował нашъ арріергардъ, и вся армія вспревожилась. Насъ перевели по другую спорону большой

дороги ближе къ городу , гдѣ войски проспояли до ночи въ позиціи, между шѣмъ какъ арріергардъ дѣйствоваль. Въ полночь на 12-е число, разложивъ на бивакахъ большіе огни, мы опошли 7 верспгъ, къ самому Дорогобужу. Здѣсь Главнoкомандующій, казалось , намѣренъ былъ ожидать Французовъ для генеральной битвы, ибо войски расположены были въ крѣпчайшей позиціи; для прикрытія пушекъ на бапареяхъ сдѣлали окопы. Нашей ротѣ аршиллеріи доспалось мѣсто на краю праваго фланга, въ огородахъ предмѣстія. Городъ на горѣ оспавался у насъ почти въ пылу.

Въ арріергардѣ опличались Казаки незабвеннаго Машвѣя Ивановича ; они непрерывно выдерживали сшибки съ непріятельскою кавалеріею, и, по собспвенному ихъ выраженію: несли на плечахъ Французовъ. Мы сошлись на дорогѣ съ нѣсколькими Казаками, провожавшими изъ арріергарда раненыхъ поварищей своихъ, и вспупили съ ними въ разговоръ. Они очень жаловались, что даже имъ спало не въ мочь споятъ пропивъ вражеской силы; что именно сего дня (12 числа) они шибко схвапились съ Французами, шакъ , что въ гуспой пыли другъ друга не узнавали — « и шупъ-шо, « бапюшко , примолвилъ Казакъ , нашихъ « пропало сошни шри. Нѣшь ужъ мочи

« держаться: шакъ и садися; окаинный,
 « на шею; а не чшо ихъ пушки: шолько
 « чшо мы пригошовимся ударить на гуса-
 « ровъ, какъ пуспяшь, прикляшые, въ
 « насъ хлопущками (гранашами) и кашыш-
 « ками (каршечью).... Право, ужъ и
 Машвѣй Ивановичъ опкажешся; воюйше
 себѣ сами, какъ хошише. » — Дѣйствитель-
 шельно, черезъ нѣсколько дней мы услыша-
 ли, чшо Апаманъ Плашовъ сдѣлался боленъ
 и уѣхалъ изъ арміи. Такія вѣспи были
 непріятны. Въ продолженіе похода солда-
 ты шли довѣсивъ головы; уже не соблюда-
 лось строгой дисциплины; каждый шелъ,
 какъ хошѣлъ, и думалъ: чшо-шо будетъ?
 Офицеры, собираясь по нѣскольку вмѣстѣ,
 полковали о близкой гибели опечешва, и
 не знали, какая учасшь ихъ самихъ по-
 спигнешъ. Оружіе, кошорое сначала несли
 шакъ бодро для защиты опечешва, те-
 перь казалось бесполезнымъ, шягоспнымъ;
 припомъ пыль и зной заспавляли мно-
 гихъ солдатъ быць ушпалыми и уходишь
 въ спорону опъ дороги — на разгулье.

Подъ Дорогобужемъ мы не долго спояли
 въ крѣпкой позиціи. Узнавъ, чшо главные
 силы непріятеля спремились вверхъ по
 Днѣпру, для обхода насъ при Вязьмѣ, 12-го
 Августа на ночь пуспились всѣ войски
 опяшь въ решираду. Аррьергардъ зажегъ

мосны, и пламя опъ нихъ коснулось города.

Опасаясь, чшобы насъ не опрѣзали, мы и во весь день 13-го Августа прошли 60 верстъ, къ самой Вязьмѣ.

Находившись съ рошою близъ Вязьмы, и полюбобыпспшвоваль съѣздишь въ городъ : думаль, не опыщу-ли шѣхъ пряниковъ, кошорые сполько прославили Вязьму. Городъ показался мнѣ очень порядочнымъ ; много каменныхъ домовъ , церквей и лавокъ ; но все было пусто. Жишели , не успѣвшие выбрашься изъ города, бѣгали въ спрашн-ныхъ суешахъ по улицамъ, а иные выпроваживали изъ своихъ дворовъ повозки съ пожипками. Лавки были опкрыты ; повары хопя всѣ убраны , но еще довольно кой-чего оспавалось для поживипки солдатамъ, кошорые, подъ предлогомъ успилости , или водицы напишься, входили въ дома и хозяйничали на простпорѣ.— Не нашедши пряниковъ, я посмешрѣль на суешу мѣрскую , покачалъ головой , и съ горешпю возвратился на биваки.

Въ ночь на 15-е Августа мы выспупили съ мѣспа, и пройдя городъ, расположились въ виду его на позицію, около 10 часовъ упра. Ночью ходишь намъ было легче и прохладнѣе ; пришомъ мракъ ночи скрываль печальныя лица , а дремоша дневная

Часть I.

9

приводила въ забвеніе всю гореснь предспоящаго.

На другой день прошли только 40 верст къ сел. Федоровскому. Аррьергардъ расположился было въ крѣпкой позиціи передъ Вязмою, но кпо-шо ночью попоропился зажечь мосшы, опгъ чего занялся и городъ пожаромъ; шогда аррьергардъ перешель въ бродъ и спалъ за городомъ.

Опгъ Вязмы до Царво-Займища ровнее мѣстоположеніе весьма способствовало кавалерійскимъ эволюціямъ; а пошому на эшихъ равнинахъ спекалось съ непріятельской и нашей спороны по множесшву полковъ разнаго рода кавалѣринъ съ конными бапареями. Всѣ они, въ виду одинъ другаго, маневрировали, и подвигались шо назадъ, шо впередъ, между шѣмъ какъ фланкеры шѣщились переспрѣлкою. Французы не заводили горячей драки, пошому чшо вся наша армія находилась вблизи и была въ кошовности подкрѣпляющъ аррьергардъ свой; сами-же они, нуждаясь въ продовольствѣи, шли опдѣльно, колоннами по обшмъ споронамъ большой дороги, пошому чшо по слѣдамъ нашимъ находили одно опущеніе. Война выходила изъ предѣловъ человечества, дѣлалась опчаянною, непримиримою, истребительною; конецъ ея долженствоваль довести до ги-

бѣли одну изъ двухъ вѣждующихъ державъ. Но еще Французы, въ превосходящѣ силы своихъ и въ поржесивѣ духа, могли ожидать славнаго для себя окончанія кампаніи; напрошивъ шото мы, поперявши нѣсколько губерній, ушрашивши половину силъ своихъ, не бывши въ сошполнїи ошпановивши непрїятелей ни въ Вишебскѣ, ни въ Смоленскѣ, были повергнуты въ глубокое уныніе, и помышляли единшвенно о вешаспной участи своего опечешства. Имѣя силы, мы казались безсилными; имѣя оружіе, казались обезоруженными; нѣсколько тысячъ храбрыхъ шли разсѣянно. Такъ насшопщїа бѣдешвія родины повергали Рускихъ въ извинишельную слѣшопшу. Кто могъ ожидать сшасшливаго перевороща сошпшїї? Всѣ жаждали рѣшншельнаго боя, какъ единой ошрады, единаго средсшва побѣдою искупншь спасеніе погибающему опечешству, или пасшь подъ его развалинами.

Въ шакоемъ расположннїи духа находнлись войски, какъ вдругъ элекшрнчески пробѣжало по арміи извѣснїе о прнбшнїи новаго Главнокосандующаго, Кнзя Кушшзова. Мншпша радосшн была неизвѣсннма: нмя эшого полководца прнзвело всеобщее воскресеніе духа въ войскахъ, опш солдаша до генерала. Всѣ, кто могъ, по-

легли на коня и поспешному вождю, принять отъ него надежду на спасеніе Россіи. Офицеры весело поздравляли другъ друга съ счастливою переменною обстоятельствомъ; даже солдаты, шедшіе съ кошками за водою, по обыкновенію, вяло и лѣнливо, услышавъ о прѣздѣ любимаго полководца, съ крикомъ: ура! побѣжали къ рѣчкѣ, воображая, что уже гонятъ непріятелей. Тогдашъ у нихъ произошла поговорка: прѣхалъ Кутузовъ, бить Французовъ!... Старые солдаты припоминали походы съ Княземъ еще при Емашеринѣ, его подвиги въ прошедшихъ кампаніяхъ, сраженіе подъ Кремлемъ, послѣднее употребленіе Турецкой ариин на Дунавъ; все это было у многихъ въ свѣжей памяти. Вспоминали также о его чудесной ранѣ отъ ружейной пули, насквозь обонихъ висковъ. Говорили, что самъ Наполеонъ давно называлъ его *старой лисицей*, а Суворовъ говаривалъ, что *Кутузова и Рибасъ не обманеть*. Такіе рассказы, перелепая изъ устъ въ уста, еще болѣе утверждали надежду войскъ на новаго полководца, Русскаго именемъ, умомъ и сердцемъ, извѣстнаго знаменитостію рода, славнаго многими подвигами; однимъ словомъ, съ прѣздомъ въ армию Князя Кутузова, во время самаго критическаго положенія Россіи, ко-

гда Провидѣніе являло на насъ мрачный покровъ гибели, обнаружилось явно, сколько сильно было приутищеніе любимаго полководца воскресить упавшій духъ Русскихъ, какъ въ войскѣ, такъ и въ народѣ. Чшо любовь войска къ извѣстному полководцу есть не меча, а существованности, производящая чудеса, шо показала всему свѣту незабвенный для славы Россіи Суворовъ, съ горещію сыновъ ея.

Князь Кутузовъ, пріѣхавши къ арміи, узналъ, чего жадаютъ непрерывно Рускіе. Для утоленія жажды ихъ мщенія, онъ видѣлъ необходимость дать генеральное сраженіе; но равнины за Вязмою не представляли удобствъ расположенія выгоднымъ образомъ всѣ роды войскъ, и пошому онъ рѣшился опуступить еще дальѣ, принявъ уже грозный видъ ~~Вязмы~~ Вязма Россіи.

Наполеонъ въ Вязмѣ узналъ о прибытіи къ намъ новаго Главнокомандующаго; онъ вспомнилъ о *старой эмисіи*, и, кажется, взялъ болѣе предосторожности въ наступательномъ дѣйствіи, позволивъ намъ 18-го Августа имѣть дневку.

20-го Августа, опойдя вершъ 5 за гор. Гжашскъ, спали мы въ боевую позицію при д. Дурыкиной. Квартирьеры, въ числѣ копорыхъ и я находился, занимали

мъща шупа , въ ожиданіи рѣшительнаго боя.

Мы узнали , что Наполеонъ , занявши Гемпсскъ , остановился съ войсками , что-бы дать имъ отдохнуть и освѣжиться для генеральнаго сраженія , котораго ожидалъ опъ Князя Купузова. Намъ порадовало еще другое извѣстіе , о прибытіи къ арміи современника Суворову, Русскаго вивязя , Генерала Милорадовича съ 45,000 молодаго войска. Все принимало лучшей видъ , приходило въ надлежащій порядокъ ; все обновлялось. Уже стали слышны въ бивакахъ пѣсни и музыка , чего давно не бывало. Не смотря на то , что отпущеніе продолжалось , мы думали идти на встрѣчу къ Французамъ. Сколько присутствіе Князя Купузова воскресило духъ во всѣхъ войскахъ.

***

ГЛАВА V.

ОТЪ БОРОДИНА ДО МОСКВЫ.

Расположеніе войскъ при Бородинѣ. — Предварительная сшибка. — Приготовленіе къ бою. — Картины Бородинской битвы. — Контузія. — Разные случаи. — Продолженіе ретиреды къ Москвѣ.

22-го Августа, черезъ сел. Бородино, войски вошли въ избранную новымъ полководцемъ позицію, не доходя 8-ми верспъ до Можайска. Тупъ въ первый разъ увидѣли мы народное ополченіе: Русскихъ мужичковъ съ пиками и ружьями, копорыхъ они еще не умѣли держашь.

Пользуясь дневкою, мы на другой день съ Фигнеромъ поѣхали по линіи, осматривашь расположеніе войскъ нашихъ. Наскоро и въ ближайшемъ разспояніи не лзя было-бы найдши лучшаго мѣсца. Рѣчка Колоча прошекала передъ линією, выходя слѣва изъ большаго лѣса, и, заворачиваясь около праваго фланга, впадала въ Москву рѣку; возвышенія по правому ея берегу съ

нашей стороны были довольно крупны и командовали лѣвымъ берегомъ ; большая дорога отъ Смоленска въ Москву пересѣкала р. Колочу при с. Бородинѣ, почти въ центрѣ позиціи. Высокій курганъ на нашемъ берегу, казалось, нарочно предназначенъ былъ для обозрѣнія Главнокомандующему всего проспрансва поля битвы. Отсюда цѣпь возвышеній плынулась къ лѣвому флангу, закругляясь до большаго лѣса, который покрывалъ весь эшопъ флангъ и тылъ нашъ. На эшопъ-по проспрансвѣ, отъ лѣса до устья Колочи, почти на семь верстъ прощяженія, расположены были Россійскія войски съ резервами въ три линіи. По всему фронту на высотахъ, для прикрытія артиллеріи, подѣланы были окопы ; ихъ строили при насъ, день и ночь, пришедшіе ратники ополченія. Во время объзда Фигнеръ замѣтилъ слабость лѣваго фланга нашей позиціи, не смотря на редушы, его прикрывающіе; онъ припомнилъ, что въ прошедшихъ кампаніяхъ мы теряли сраженія отъ слабости нашихъ лѣвыхъ фланговъ, на которые Наполеонъ всегда успремлялся ; онъ предсказывалъ и здѣсь то-же. « Вспомни мое слово, » говорилъ онъ, « если Наполеонъ не бросится « всеми силами на эшопъ флангъ и не при-
« прешъ насъ къ Москвѣ рѣкѣ. » — По ви-

матерьяльномъ разсмотрѣніи мѣстоположенія, шочно, какъ ни казалась наша позиція крѣпкою, спарая Смоленская дорога къ Можайску, идущая черезъ лѣсъ прошивъ лѣваго фланга, въ пылъ нашъ, оспавалась не заняшою; правый же флангъ былъ слишкомъ распянутъ ошъ центра позиціи къ д. Масловой. Непрїятель, слѣдуя ошъ с. Валужева прошивъ нашей середины къ Бородину, могъ, по свойспву мѣстоположенія, развернувшись всеми силами прошивъ лѣваго фланга и подавить его на средину, занявши спарую Смоленскую дорогу; такимъ образомъ ошъ могъ-бы нашу армію запрешъ въ уголъ между успьемъ Колочи и Москвою рѣкою. Однако послѣдствія показали, что Наполеонъ, встрѣпившись съ Русскими войсками, жаждалъ только рѣшишельнаго сраженія, и безъ спратегическихъ понкоспей думалъ сокрушитъ насъ ошкрышою шакшикою. Князь Купузовъ вскорѣ проникнулъ важносшь занятія спарой Смоленской дороги, и въ день сраженія поспавилъ шамъ корпусъ Генерала Тучкова съ егерями, и Московское ополченіе.

24-го Августа, Французы, поднявшись ошъ д. Гривневой, атаковали аррїергардъ нашъ, находившійся передъ Колоцкимъ монастыремъ, подъ начальспвомъ Генерала Ко-

ковница. Преследованіе было горячее до самой Бородинской позиціи. Мы съ утпра слышали приближающуюся къ намъ канонаду. Наконецъ, по полудни, Наполеонъ нмѣль удовольствіе увидѣть всю армию нашу въ грозномъ ополченіи, горючую вспрѣдшишь его войски рѣшительнымъ боемъ. Замѣшивъ прошивъ нашего лѣваго фланга оцѣльный редупъ, высшавленный ему какъ-бы для приманки, онъ пошчасъ приказалъ своимъ взяшь его, и къ вечеру редупъ былъ въ рукахъ Французовъ, копия съ большимъ для нихъ урономъ. Ошкюда Наполеонъ спалъ разривашъ свои оны, избравши взяшый редупъ ценшромъ наступательныхъ дѣйствій.

На другой день, войски обѣихъ враждующихъ армій ошояли въ виду одни прошивъ другихъ, въ шайншвенной шипинѣ, кака бываешъ передъ ужасною бурю. Вожди занимались распоряженіями для предполощей бшшы.

Легкая рота артиллеріи Капитана Фигнера была разсыяна въ кустарникъ, прошивъ Новаго Сельца, кошорое прошедшею ночью нарочно было выжжено, чшобы не могло служить закрышіемъ для непріятелей. Фигнеръ, на досугъ, пригласилъ меня и Поручика Нагеля съѣздитъ за цѣпь, посмошрѣшь вблизи непріятельскій ошанъ.

Мы перѣехали въ бродъ Колочу, противъ обгорѣлыхъ развалинъ сожженной деревушки. Версшы за полпоры впереди, на полѣ, увидѣли мы кавалерійскую цѣпь Французскихъ драгуновъ, а за нею взводъ спѣшившихся, опоязанныхъ на пикешъ. По близости къ нимъ находилась деревня Логинова, гдѣ множество кавалеристовъ набирали солому въ большія вязанки, съ копорыми паццались къ своимъ бивакамъ. Мы подѣхали къ ведешамъ почши на ружейный выстрѣлъ, шакъ что могли разглядѣть мужесквенныя лица драгуновъ подъ огромными шипаками; они покрышы были свѣдлыми плащами и сидѣли верхомъ, какъ вкопаные, на своихъ мѣспахъ. Далѣе за цѣпью примѣшно было движеніе войскъ, переходившихъ съ мѣспа на мѣспо. Намопрѣвшисъ до сына, мы опѣхали къ своимъ пушкамъ благополучно, не бывши наказаны за свою дерзосшь никакимъ несчастіемъ.

Передъ вечеромъ, во всѣхъ полкахъ происходило молебствіе о дарованіи побѣды православному Россійскому воинству въ предешоящей бишвѣ. Вскорѣ вышелъ приказъ опъ Главнокомандующаго, въ коцоромъ между прочимъ было сказано, чтобы всѣ роды войскъ, во время сраженія, подкрѣпляли другъ друга, кавалерія пѣ-

хошу, а пѣхота артиллерію; чѣобы по нѣскольку здоровыхъ не ошводили одного раненаго, и не оставляли бы пушоты въ рядахъ; чѣобы резервы упопроблялись только по его приказанію, а главнѣйшее, чѣобы спарались избѣгать напрасной стрѣльбы. Князь Кушусовъ, объѣзжая ряды и видя бодрость на лицахъ Русскихъ воиновъ, готовыхъ умереть за опечеснво до послѣдняго, говорящъ, сказалъ окружающимъ: «Французы переломаютъ надъ нами «свои зубы, но жаль, чѣо, разбивши ихъ, «намъ нечѣмъ будещъ доколачивать.» — Русскихъ силъ, шочно, было недоснашочно: у насъ считалось до 115,000 регулярнаго войска, 7,000 Казаковъ, 40,000 ополченія, и 640 пушекъ; у Французовъ было 190,000 лучшаго войска и до 4,000 орудій. Впрочемъ, наше неравенство силъ замѣнялось любовью къ опечеснву и жаждою мщенія. Вспоминая прежнюю славу Русскаго побѣдоноснаго оружія, каждый солдатъ горѣлъ неперпвнѣемъ сойдшися съ непріятелями, чѣобы въ ихъ крови омышь навеженное всѣмъ оскорбленіе. Всѣ мы были въ полномъ увѣреніи на распорядительность мудраго, посѣдвшаго въ браняхъ полководца. Французы шакже готовились къ рѣшипельному бою, только не съ чувствомъ любви къ опечеснву, а съ жаждою.

спію къ добычѣ и славъ завоеванія. Они зашли слишкомъ далеко, и для спасенія себя желали воспоржеспивовашь побѣдою, желали сохранить честь своего оружія. Два съ половиною мѣсяца они ожидали рѣшительнаго боя, который довелъ-бы ихъ до цѣли предпріянія. Французы понесли великія трудности, претерпѣли неизвѣспныя дополь нужды. Имъ предспавлялось два конца: если будущъ побѣждены, то погибель ихъ неизбѣжна; если-же оспанулся побѣдителями, то пріяпнвѣйшія надежды льспили ихъ честполюбію. Москва лежала передъ ними — за полемъ битвы. Имъ надлежало шолько пройдши по шрупамъ сыновъ ея, чшобы достигнуть добычъ, чувспвенныхъ наслажденій, славнаго мира, и возвращенія въ опечество. Такъ на поляхъ Бородинскихъ долженспвовала рѣшиться участь великой арміи Наполеоновой, совокупныхъ силъ почти цѣлой Европы. Французы, Нѣмцы, Ипальяпцы, Испанцы, Поляки, всѣ гопповы были для прихоти одного необычайнаго челоука — побѣдишь или умереть. Но они умерли вмѣстѣ со славою этого генія-испробишеля.

День пригошпвленій къ спрашному бою казался скоропечнымъ. Общая пшпина въ войскахъ была предвѣспницею близкихъ ужасовъ. Сколько тысячъ несчастныхъ

жертвъ челоѣческой вражды въ эпоху день еще наслаждались жизнью, а завтра должны спивали смѣшались съ прахомъ земли! Сколькo опѣажныхъ чесполобцевъ топовились ознаменовашь себя подвигами, не помышляя о смерти, а завтра они должны спивали ринушья въ вѣчноспь забвенія!... Такъ опредѣлено челоѣку бышья игралнщемъ спрашпей: умомъ возноспшья къ небу, и нсчезашья въ земной ничпожнoспш.

Солнце свѣшшло ярко, и золопными лучамн скользило по смерпоноспной спали шпыковъ и ружей; оно играло на мѣдн пушскъ ослѣпншельнымъ блескомъ. Все успронжалось для кровопролншя слѣдуюшьяго дня: Московскіе рапннкн оканчнвали насыпн на башаряхъ, арпнллерію развознли по мѣспамъ, и прнгошовляли папроны. Солдаты чнспнли, оспрнли шпыкн, бѣлнли порпупенн и перевязн; словомъ, въ обѣхъ арміяхъ 300,000 вононвъ топовнлнсь къ великому, спрашному дню.

Наспупнла ночь; бнвакн враждуюшнхъ силъ запылали безчнсленными огннми, кругомъ верспь на двадцашь проспранспва; огнн опражалнсь въ небосклонъ на шемныхъ облакахъ багровымъ заревомъ: пламя въ небѣ прдзнаменовало пролншнє кровн на землѣ. Великн бнлн собраннн силы, ве-

ливо предстало побойще — знаменитое въ
лѣтописяхъ міра.

Бородинская битва многими очевидцами
описана, и почти всякому извѣстна; а по-
тому, избѣгая повторовъ, опишу только
нѣкоторыя карпины и случаи.

Съ восхожденіемъ солнца, по всей линіи
отъ лѣваго фланга до середины, открылась
ужасная канонада изъ пушекъ, гаубицъ,
единороговъ. Выстрѣлы шакъ были часты,
что не оставалось промежутка въ ударахъ:
они продолжались непрерывно, подобно
раскату грома, производя некушвенное зем-
летрясеніе. Густыя облака дыма, клуб-
ясь отъ башарей, возносились къ небу и
затмѣвали солнце, кошарое покрывалось
кровавою пеленою, будто измѣняясь отъ
ожесточенія и ярости человѣческой. Мы
съ Фигнеромъ на правомъ флангѣ долго
оставались спокойными зрителями этого
явленія, и безмолвно спояли при своихъ
пушкахъ, ожидая ежеминутно себя назна-
ченія для участія въ общей битвѣ. Ядра
непріятельскія долетали до насъ послѣд-
ними прыжками, или кашились на излѣ-
пѣ; гранаты хлопали въ воздухъ и, разсы-
паясь осколками, производили страшные
звуки.

На лѣвомъ флангѣ происходила жесточайшая битва; Рускіе мужественно дер-

жались въ окопахъ, Французы за каждый шагъ впередъ плашили несмѣшною поше-рею людей. Не лѣзя не удивляясь опчая-нцю, съ какимъ они лѣзли на смерть; не лѣзя не удивляясь присущему духа Русскихъ, съ какимъ они защищались, у-держивая стремленіе превосходныхъ силъ непріятеля.

Когда Французы въ срединѣ нашей ли-ніи овладѣли въ первый разъ курганнымъ люнепомъ, и были опрокинуты, въ то время приказано пѣхоцѣ 4-го Корпуса дви-нуться на подкрѣпленіе сражающихся око-ло люнепа. Вѣсть о подвигахъ нашихъ, сбившихъ въ эшопѣ мѣстѣ непріятеля, бы-спро распространилась по линіи. Елецкаго полка Маіоръ Т***, въ воспоргѣ воинскаго духа, скакалъ ошъ мѣста сраженія по на-шей линіи, провозглашая всѣмъ, что Фран-цузы разбиты и Неаполитанскій Король взятъ въ плѣнъ. Эшопѣ Маіоръ немного каршавилъ, а пошому невольню разсмѣшилъ насъ своимъ провозглашеніемъ, крича изъ всей силы: « Бѣшцы ! Мюяпа взяли ! » — Но эшопѣ мнимый Мюрагнѣ былъ Генераль Бонами. Когда Русскій гренадеръ хошѣлъ его колошъ, лю онѣ для спасенія своего вскричалъ: « Я Король ! » — Тогда усачѣ, взявши Короля за шиворошѣ, пошацилъ къ Главнокомандующему. Князь Кушуровъ

шуть же поздравить радовато: унтер-офицеромъ, и наградили его знакомъ ордена Свя. Георгія. Вспрыска около дюжета не дешево и намъ сподла: пушка на башарей убили начальника всей артиллерии Графа Кушайсова, Генерала, обшчалшаго много овоими личными дошполншвами.

Пѣхота 4-го Корпуса пошла къ цѣнкуру, но артиллерія еще оставалась въ резервѣ. Мы съ Фитнеромъ безиреашанно ожидали, не позовуць ли и насъ на кровавое ширншество. Фитнеръ, опшъ непершаннш, безиреашанно ѳзидль къ Генералу Милерадоичу, командовавшему тогда правыми флангомъ, подвинушымъ къ цѣнкуру, и просиль, чинобы дали мѣсно для дѣйствшя его ропш; но еще не было въ насъ надобншсши, и мы до полудни оставались въ шщепномъ ожиданш. Намъ вельно было шолько шмвезши изъ душпарниковъ орудш, поспавшш; шкъ вмѣспш и бышъ въ кошповншсши. Изъ любопытшпша я взѣхаль на ближайшшй курганъ, передъ дер. Горки, съ котораго Русская башарей сшрѣлала въ нешршшшльскш колонны. Тушъ отшрьмось передо мною обшдрное поле сраженш. Я видль, какъ наша пѣхота, въ густыхъ массахъ, шодилась съ нешршшшльскою; видль, какъ приближаясь одна къ другой, пускали онѣ.

блестящий огонь, развертывались, разсыпались, и наконец исчезали: на мѣстѣ оставались только убитые, а возвращались раненые. Другія колонны опять сходились, и опять такимъ же образомъ исчезали. Днѣ зрѣлище испребленія людей столько поразило меня, что я не могъ долѣе сморѣть, и съ сжатымъ сердцемъ опѣхалъ къ своимъ пушкамъ. Французскіе кирасиры и уланы сдѣлали нападеніе на пѣхоту 4-го Корпуса, но ружейнымъ огнемъ были отбиты; въ этомъ случаѣ отличились полки: 34-й Егерскій и Перновскій. Последний, предводимый храбрымъ Генераломъ Чоголковымъ, послѣдовалъ въ батальонныя каре, и самъ пошелъ на непріятельскую кавалерію; передней шеренги гренадеры даже бросали въ догонку Французовъ ружья со штыками. Находившіеся для подкрѣпленія этого полка, гусары и уланы преслѣдовали Французскую кавалерію до непріятельской пѣхоты.

Казалось, Главнокомандующій не терялъ еще надежды на побѣду, доколѣ большой лощицѣ, въ центрѣ линіи, и село Семеновское, на лѣвомъ флангѣ, находились въ нашихъ рукахъ. Опшкотя, сколько возможно, увеличившюся на лѣвомъ флангѣ опаснѣе, онъ спарался пошерянное возвращеніе, и всѣ силы упошреблялъ на то,

чтобы колеблющуюся победу обратили къ Русскимъ знаменамъ. Для развлеченія вниманія непріятелей, онъ приказалъ Генераль-Лейтенанту Уварову съ 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ перейдши р. Колочу, и атаковать ихъ лѣвый флангъ, ошкрытый за сел. Бородинымъ. Мы съ удовольствіемъ смошрѣли, какъ кавалерія наша, по шу сторону рѣчки, длинными линиями красныхъ, синихъ гусаровъ и улановъ, двигалась впередъ, пошомъ ударила на Французскую кавалерію, и прогнала ее далеко за Бородино; шамъ напала она на бапарен, причемъ Елисаветградскій гусарскій полкъ ошнялъ двѣ пушки. Но чешыре полка непріятельской пѣхоты, ошъ Бородина пошпронвшись въ каре, пошли на нашу кавалерію; она попеременно атаковала каждое каре, и будучи не въ сошпоаніи ни одного разбишь, ошспушила. Въ эшо время Фигнеръ получилъ приказаніе съ артиллерією подойдши къ д. Горкамъ; на пуши мы слышали вправо сильную ружейную спрѣльбу, производимую Французами прошивъ нашей кавалеріи — и вдругъ нѣсколько разсѣянныхъ гусаровъ проекакало мимо насъ. Нѣкошорые изъ нихъ, проспрѣленные, шушь-же падали съ лошадей; въ шомъ числѣ одинъ прекрасный офицеръ, пробившій пулею въ грудь, упалъ съ лоша-

ды, въ двухъ шагахъ передъ нами... Вокорь за шлемъ увидѣли мы два Донскіе Казачьи полка, довольно искусно прошедшіе въ разсыпную впередъ, подъ ядрами, безъ всякаго урона; потомъ они собрались и ударили вмѣстѣ на Французовъ.

По полудни, когда Вице-Король Испанійскій дѣлалъ послѣдній приступъ на нашу куртанный люнетъ, батарейный и ружейный огонь, бросаемый съ него во все стороны, уподоблялъ эшопъ курганъ огнедышащему жерлу; припомагъ блескъ сабель, палашей, штыковъ, шлемовъ и лаптъ опъ яркихъ лучей заходящаго солнца, все вмѣстѣ предсавляло ужасную и величественную картину. Мы опъ дер. Горки были свидѣтелями этого кровопролитнаго приступа. Кавалерія наша мѣталась съ непріятельскою въ жестокой сѣчь: опрылались, рубились, и кололи другъ друга со всехъ сторонъ. Уже Французы подошли подъ самый люнетъ, и пушки наши, послѣ окончательнаго залпа — умолкли. Глухой крикъ давалъ знать, что непріатели ворвались на валъ, и началась работа штыками. Французскій Генераль Коленкуръ первый ворвался съ штыла на редунтъ, и первый былъ убитъ; кирасиры же его, вспрѣчанные вѣ окопа нашего въкошю, были засыпаны пулами и прогнаны съ боль-

нимъ уровнемъ. Между нѣмъ рѣкопа не-
пріятельская лѣзла на валъ со вѣхъ око-
ронъ, и была опрокидываема штыками
Рускихъ въ ровъ, который наполнялся
трупамъ убитыхъ; но свѣжія колонны за-
ступали мѣста разбитыхъ, и съ новою
дрогію лѣзли умираючи; нами съ равными
ожесточеніемъ воспріяли ихъ, и сами не
дали выспѣть съ врагами. Наконецъ Фран-
цузы съ бышенствомъ ворвались въ лю-
нетъ и колоды вѣхъ, всю имъ подавая;
особенно пропергали артиллеристы, смер-
тельно дѣйствовавшіе на батарею. Тогда
куртанный люнетъ оспадся въ рукахъ не-
пріятелей. Это было послѣдній изроуей
исполнительныхъ силъ ихъ. Груды плѣвъ ле-
жали внутри въ вѣхъ окопа; почти все храбро-
е зацщники его пали. Тамъ жестока
была битва.

Еще оспавался на нашей сторонѣ одинъ
большой редутъ, съ котораго продолжа-
лась упорная канонада противъ Бородины;
но какъ уже Французы, претерпѣвъ боль-
шой уронъ, испонились въ силахъ, и у
Наполеона оспавалась только одна гвардія
въ резервъ, то посему и не предприни-
мали они нѣаго присупа на эдотъ по-
слѣдній редутъ. Непрідтели довольство-
вались только стрѣльбою артиллеріи. Вой-
ски ихъ спарались сначь въ закрышныя

мѣста отъ убійственнаго огня нашихъ батарей. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась до самаго вечера; съ наступленіемъ мрака она спала ослабѣвая, прежде у непріятелей. Это было проливъ обыкновенія, ибо Французы имѣли обычай къ вечеру всегда усиливашь огонь и напикъ во всѣхъ мѣстахъ, въ знакъ своей победы; теперь-же они признавались въ безсиліи. Наконецъ ихъ артиллерія замолчала, наша также утихла, и мало по малу ужасная битва прекратилась.

Багровое свѣшило дня, омочивъ въ крови погибшихъ послѣдніе лучи свои, уже скрылось за горизонтъ, какъ будто содрогалась отъ ужаснаго побоища; мракъ ночи покрылъ: ризалище смерти, и пороковой дымъ и смрадъ ложились шпжельмъ шуманомъ на необозримое поле битвы.

Такимъ образомъ кончилась знаменитая битва 26-го Августа. Непріятели овладѣли всѣми нашими редушами на лѣвомъ флангѣ и по лѣвую сторону большой дороги; они одвинули насъ съ позиціи только на одномъ флангѣ, и заняли прешью часъ ея; посему они выиграли не болѣе какъ вполовину. Победа ихъ не была побѣдою; Рускіе не были разбишы, приведены въ замѣшательство, ни гдѣ не бѣжали. Наши силы еще оспавались сосредоточен-

ными опъ сел. Горки по Самосовскому оврагу до старой Смоленской дороги, и спояли во всей готовности отражати дальнѣйшія покушенія неприятелей. Они первые замолчали, посему первые признались въ своемъ изнеможеніи; у Наполеона въ резервъ оставалась только одна гвардія, не бывшая въ дѣлѣ, шакъ-же какъ и у насъ оставались нѣкошорые полки. Князь Кутузовъ употреблялъ резервы съ благоразумною экономіею, и могъ еще держаться до послѣдней крайности въ добромъ порядкѣ. Наполеонъ позволилъ намъ отступити къ Можайску безъ всякаго съ своей стороны преслѣдованія; посему видно было, что онъ почно обломалъ зубы, и, казалось, былъ доволенъ тѣмъ, что ему уступили поле сраженія для удостовѣренія въ несмыслимой потерѣ, кошорую понесли его войски, особенно кавалерія, ибо лучшіе полки кирасиръ и драгунъ были испреблены. Эша вечера осталась невозвратною: здѣсь-шо увидѣли цѣпть Французской арміи, здѣсь-шо впервые сокрушились грозныя силы завоевателя Европы.

Кровопролитіе Бородинской битвы еще не случалось для Наполеона. Судя по значительному урону съ обѣихъ сторонъ въ генералахъ, она въ почномъ смыслѣ была

генеральского. Не смотря на многочисленность неприятелей, никогда Русские не дрались съ такимъ ожесточеніемъ; какъ въ этотъ знаменитый день: убылые ряды переднихъ потчасъ заступались задними. Съ сжатымъ сердцемъ спояли всѣ подъ ударами ядеръ и пуль, имѣя въ рукахъ смерть врагу и принимая смерть опъ него.

Рота артиллеріи Капитана Фигнера, не смотря на его пламенное желаніе поколотиться съ Французами, не была въ дѣйствіи. По полудни подвинули насъ къ д. Горжамъ, откуда мы были свидѣтелями военныхъ ужасовъ. Когда, послѣ взятія неприятелами курганнаго люнета, войски наши сосредоточились въ ожиданіи новаго нападенія, къ намъ пріѣхалъ Адьюнантъ Генерала Минерадовича, и повелъ нашу роту къ самому центру, который тогда сдѣлался правымъ флангомъ боевой линіи. Мы прирешившись, и ободривъ солдатъ, полагая потчасъ вспустить въ дѣло; напрошивъ этого Адьюнантъ довелъ насъ только до драгуновъ, и, оставивъ позади ихъ, самъ уѣхалъ. Тутъ увидѣли мы не мало убитыхъ Русскихъ солдатъ и одинъ взорванный артиллерійскій зарядный ящикъ, вокругъ котораго земля была выжжена, а лошади и вздовой разбросаны обгорѣлые. Вправо опъ насъ, во сша саженьяхъ за окопомъ,

спояли четыре конныя орудія: непріятельскія ядра доколачивали ихъ; около пушекъ вершлось челоуѣка по приканонеровъ, а прочіе вокругъ лежали убитые. Драгуны передъ нами безпрестанно вадились съ лошадей опъ ядеръ и пуль. Мы за ними спояли очень шѣсно, пушка подлѣ пушки, не скидывая съ передковъ, въ ожиданіи назначенія. Фигнеръ на правомъ, а я на лѣвомъ флангахъ, находились верхомъ передъ орудіями. Ядра, гранаты, карпечь, и даже пули, перелетая черезъ драгуновъ, били нашу артиллерию, опъ чего мы потеряли нѣсколько людей и лошадей. Тушъ испыталъ я, что нѣшъ ничего хуже во время сраженія, какъ спояшъ подъ непріятельскими выстрѣлами безъ дѣйствія: почти каждый солдатъ провожаетъ ядро глазами, и невольно опдаетъ ему почтение. Повернувши свою лошадь, я подѣхалъ къ Фигнеру, и только что опалъ говорить ему: «Видно, мы не дождемся приказанія! Спанемъ лучше рядомъ съ этими артиллеристами, копорыхъ пламя доколачиваютъ, и будемъ сами дѣйствовать», чѣмъ перяшъ.... Я не досказалъ, какъ вдругъ что-то пролетѣло мимо лѣваго виска моего — ишибло меня съ лошади. Я упалъ безъ чувствъ на землю, и четверть часа лежалъ какъ мертвый.

Меня не поднимали, полагая убитымъ; но, когда послѣ крѣпкаго обморока чувствъ мои спали оживляясь, и память возвращалась, я ощутилъ себя лежащимъ на землѣ, и спалъ шевелился. Канонеры, примѣшивъ во мнѣ движеніе, подошли и подняли меня. Я шатался какъ одурѣлый; разбилая голова моя переваливалась съ плеча на плечо; она горѣла съ чрезвычайною болью; причемъ не могъ я различать предметовъ: все вокругъ меня вертѣлось и казалось какъ будто въ шуманѣ. По минутномъ ошдохновеніи меня взвалили на лошадь, и я, склонившись на ея шею, поѣхалъ, по данному направленію, самъ не зная куда. Лошадь моя шла и часпо оспавливалась опѣ прыгающихъ ядеръ съ правой стороны; на пупи множесиво валилось убитыхъ и раненыхъ солдатъ, копорныхъ рашинни Московскіе, увершывалась опѣ ядеръ, подбирали и уносили назадъ. Наконецъ я попалъ какъ-то на дорогу, и увидѣлъ въ кустахъ оная рашниковъ: не забоясь о предшоящемъ, они дружно сидѣли около огонька, надъ копорымъ висѣлъ кошелъ. Я спросилъ у нихъ слабымъ голосомъ, гдѣ перевязываютъ раненыхъ, и одинъ мужичекъ привелъ меня къ мѣсцу. Тушъ было множесиво несчастныхъ, въ разномъ положеніи, испускающихъ спонѣ

и крикъ. Особенно спрашенъ и жалокъ былъ одинъ Ташаринъ, Теплярскій Казакъ: въ то время какъ я подѣхалъ, у него изъ спинной лошади вырѣзывали пулю, отъ чего онъ ужасно корчился и кричалъ, имѣя черное, опшранишельное лицо. Лекаръ подошелъ ко мнѣ, помогъ слѣзши съ лошади, и осмошрѣвъ мою голову, сосшавилъ примочку; пошомъ приложилъ компрессъ и обвязалъ ее биншами. — Послѣ говорили мнѣ, что я былъ спшибенъ съ лошади гранашнымъ осколкомъ, кошорый очень близко пролетѣлъ мимо головы моеи: опашъ конпузи! Фигнеръ поѣхалъ къ Генералу Милорадовичу, и предспавилъ ему невыгодное положеніе своей рошпы, въ кошорой безъ дѣла переранило нѣсколько каномеровъ и убило офицера. Тогда Французы не предпринимали ничего важнаго, и сраженіе прекращалось, а пошому Фигнеру приказано было съ рошпою ошойдши къ общему парку на Можайскую дорогу, по кошорой уже двинулись всѣ обозы и разбишныя рошпы аршиллерии. Перевязанный, я приспалъ къ своей рошѣ въ то время, какъ она проходила мимо. Французы не далеко находились отъ нашего шыла, и ядра ихъ долетали до дороги, по кошорой началось ошспупленіе; небольшой напискъ съ эшой спшороны могъ-бы произвесши безпорядокъ

въ нашемъ обозѣ, ибо всякаго рода повозки, въ нѣсколько рядовъ, везли раненыхъ и здоровыхъ съ большою поспѣшностію. Къ ночи выбрались мы за Можайскъ, на поляну, въ безопасное мѣсто, гдѣ и ночевали. Во всю ночь я не зналъ куда дважься съ разбитою головою, конская горьла и заспавляла меня бредишь, какъ въ горячкѣ.

Небывалому на войнѣ показеся невѣроятнымъ шавое дѣйствіе ядеръ, какое иногда случается видѣшь во время сраженія. Я нѣсколько разъ замѣчалъ, что ядра неприятельскія, часто минуя ряды и колонны, попадаютъ, какъ въ цѣль, въ одинокихъ людей и лошадей; скипающіеся позади фронта, а потому считалъ всегда опаснѣе быть назади, нежели впереди. Случилось мнѣ видѣшь, что одно нечаянное движеніе, поворотъ съ мѣста спасали огнь удара смерти, или подводили подъ него; иногда самое ничтожное прикосновеніе ядра на излѣпѣ бывало причиною смерти. Такъ рассказывали про одинъ случай во время Бородинскаго сраженія. Артиллерійскій Полковникъ В***, находясь въ резервѣ съ своею рошою на мѣстѣ биваковъ, около полудня, въ продолженіе сраженія, велѣлъ податъ въ палашку обѣдъ, и расположился съ офицерами кушашъ. Самъ онъ сидѣлъ

на барабанъ, а прочіе лежали. Ядра летѣли вокругъ, но не порпили аппеппиша офицеровъ, копорые продолжали свою прапезу. Вдругъ одно шеспи-фуншовое ядро, на излѣнѣ, вогочило въ палашку и лѣгло у самаго живонна на ногъ Полковника. Ударъ показался ему сполько слабымъ, что онъ взявши ядро въ руки, покапиль его среди шарелокъ и сказалъ шуши: « Воишь вамъ, брашцы, на закуску. » — Роша его до конца сраженія оспавалась безъ дѣйствія. Полковникъ, къ вечеру, спалъ чувспивовашь въ живоншѣ, опъ прикосновенія ядра, боль; копорая безпресшанно усиливалась; на другой деиь одвѣлалось въ желудкѣ воспаленіе, а на шретшій — онъ умеръ. Еще разсказывали другой случай, гораздо чудеснѣе этого. Непрїяшельская граната ударила въ грудь одной лошади подъ кавалериспомъ; лошадь не успѣла шаопъ, какъ граната въ живоншѣ ея лопнула, и кавалериспшъ, съ сѣдомъ брошенный вверхъ, оспался невредимъ. Все это, какъ будшо изъ *Не мо-бо не слушай*; но очевидцы увѣрили, что дѣйствительнѣе шакъ случилось. Нѣсколь-ко непрїяшельскихъ ядеръ попадали въ самыя дула нашихъ орудій; не мудрено, что, въ шакомъ множествѣ летая съ одной спороны на другую, они спаллива-

лись, и, опскакивая назадъ, били своихъ.

Говорили, что, въ началъ сраженія, надъ головою Князя Купузова носился орель, и Князь, снявши шляпу, будшо привѣщивалъ его, какъ предвѣспника побѣды; но многіе сомнѣвались, чтобы Главнокомандующій спалъ заниматьсѣ орломъ въ то время, когда всѣ мысли и вниманіе его были усшремлены на дѣйствіе боя. Вѣроятнѣе могло бытъ, что случайное появленіе орла во время сраженія показалось инымъ за нѣчто предвѣщательное. Не лѣзя оспоривать и того, что благоразумные полководцы не упускаютъ малѣйшихъ случаевъ для внушенія мужества своимъ воинамъ. Такъ Наполеонъ, желая ушвердить въ войскахъ своихъ надежду на побѣду, при восхожденіи солнца, въ день Бородинской битвы вскричалъ: « Это солнце Аусперланцкое! » — Но онъ жестоко обманулся.

Съ насшупленіемъ ночи наши войски опшли къ опушкѣ лѣса; Французы опшались на занятыхъ ими мѣстахъ, и не преслѣдовали насъ. Говорили, будшо они опспунили за чепыре версты опъ мѣста сраженія; но эшому немногіе вѣрили. Не лѣзя было ожидать, чтобы Наполеонъ опспунилъ, не будучи сбитъ, и опча-

спи поѣсивши насъ. Если - бы это было справедливо, то Князь Купузовъ не пошелъ-бы назадъ. Плодомъ полуодержанной побѣды непріятеля были холодъ и голодъ на полѣ, влажномъ опгъ пролишой крови рашоборцевъ. Мнимые побѣдители, послѣ великихъ шрудовъ дня, должны спивовали забнушь ночью на голомъ полѣ, едва ли имѣя кусокъ сухаря для подкрѣпленія чрезъ мѣру испощенныхъ силъ своихъ. Вошъ гдѣ суешность воинской славы въ глазахъ философа!

27-го Августа, съ разсвѣтомъ дня, войски наши спали опспунашь къ Можайску и опспановились за городомъ. Наполеонъ, въ эшопгъ день, пусшилъ за нами шолько одну кавалерію, и шю не задирая, безъ малѣйшаго напора.

На ночь поднялись мы изъ-подъ Можайска и продолжали опспупление до сел. Землина. Французы шопчасъ заняли Можайскъ, послѣ легкой спшибки съ арріергардомъ, копорымъ спалъ командовашь Генераль Милорадовичъ.

Проходя, при разсвѣтѣ дня, по большой дорогѣ, черезъ пусшыя деревеньки, мы встрѣчали множесшво Московскихъ рашниковъ, суешащихся около огромныхъ кошловъ съ кашею и каршофелемъ: эши войны, проспавши ушро, не успѣли еще ни сварить,

ми помучашь. Гдѣ они намъ ни встрѣчались, вездѣ мы ихъ заспавали или за копылами, или опдыхающихъ на пригоркахъ. Наши ушомленные и проголодавшіеся солдаты называли этихъ неукоевъ саранчею. Одинъ рашникъ нашель земляка-артиллериста въ нашей ротѣ, приспалъ къ нему и рассказывалъ, какъ ихъ водили въ прошломъ сраженіи, всею ватагою, на Француза. «Сначала, царень, говорилъ онъ, шли мы бодро, какъ пудъ не слыжали; но лудкавые Французы подпустили нашу рашъ поближе къ кустамъ, и ударили изъ пушекъ и ружей пакъ, чшо мы, ишо куда, всѣ бросились въ рассыпную. Тутъ пустились за нами ихъ уланы, и мы, коридецъ, вовсе пропали-бы ошъ злодѣевъ, коли-бъ не подоспѣлъ къ намъ на подмогу Машвѣй Ивановичъ съ Казачками. Онъ, нашъ голубчикъ, дай Богъ ему здоревья! закричалъ: Убирайшесь ошсель, покуда живы! — и самъ ударилъ на Французовъ. Казачки-шо, спасибо, за насъ поспояли, а мы пошли подбирать раненыхъ.»

Войски продолжали решировашься, и дошли до рѣч. Нары, къ д. Крушицѣ. Французы ешали форсировашь. Упорство наше ошъ артилергарда, почши въ виду всей арміи, ешло порядочную ешибку. Гвардія Не л... не учасшвовала въ Бородинскомъ ошст.

сраженіи, хотѣла опдичиться въ преслѣдованіи; однако благоразумными распоряженіями арріергарднаго начальника, Генерала Милорадовича, спремленіе непріятелей было удержано. Мы имѣли удовольствіе даже видѣть нѣсколько десяшковъ Наполеоновыхъ гвардейцевъ, взявшихъ въ плѣнъ, копорыхъ Казаки гнали мимо насъ: рослые и спройные молодцы, съ мужеспвенными лицами, одѣшны были въ синіе щегольскіе мундиры съ красными опшорошами, а на головахъ имѣли медвѣжьи, высокія шапки съ бѣлыми киспями.

Между шѣмъ головъ моеѣ спало лучше. Искусный лекарь нашей бригады соспавилъ мнѣ шакую спасительную примочку, опъ копорой воспаление и боль въ головѣ скоро ушопились; діэпа, легкое движеніе и чиспный воздухъ прогналі горячку. Я съ повязанною головою могъ ѣхашь верхомъ. Конспузія въ лѣвый високъ, хопя не шакъ была сильна какъ въ ногу, однако произвела во мнѣ пошомъ часпое головокруженіе, обмороки опъ малѣйшаго угара, и, чшо хуже всего, совершенно ослабила память. Вошъ брениоспъ сущеспва чеповѣческаго! Не ударъ, а шолько прикосновеніе сгущеннаго воздуха спвергнуло меня въ безчувспвіе. Могу сказащъ, чшо въ

продолженіє п'ятнадцяти - минулого об-
морока, я не сунуся в міръ, почно
накъ убившии.

ГЛАВА VI.

ОТЪ МОСКВЫ ДО ТАРУТИНА.

ПРИБЛИЖЕНИЕ КЪ МОСКВѢ. — ЭНТУЗИАЗМЪ ФИГНЕРА. — ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ МОСКВУ. — ОТСТУПЛЕНИЕ ПО РЯЗАНСКОЙ ДОРОГѢ. — ПОВОРОТЪ КЪ ПОДОЛЬСКУ. — ВАЖНОСТЬ СОЖЖЕНІЯ МОСКВЫ. — РѢЧЬ КЪ ВОЙСКУ ГЕНЕРАЛА БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ. — ВОЕННОЕ ЗАМѢЧАНІЕ. — ПЕРВЫЕ УСПѢХИ. — ДВИЖЕНІЕ ОТРЯДА ГРАФА ОСТЕРМАНА-ТОМСТАГО. — ПОЖАРЪ ВЪ ВОРОНОВѢ. — СЩИРКА ПРИ СПАСЬ - КУПЦѢ.

30-го Августа пришли мы къ д. Мамоновой, въ укрѣпленный лагерь, въ 49-щи верстахъ отъ Москвы. Пріятные холмы, увѣнчанные рощицами, и красивыя мѣзы, до половины выглядывающія изъ-за вершинъ древесныхъ, означали уже окрестности древней столицы нашей, окрестности, до того времени спокойно разцвѣтавшія въ тишинѣ сельской, и отъ времени Опрепѣва не выдавшія предъ собою вражеской силы; а шеперь — все стремилось къ ихъ испребленію! Горестно взирали мы на предст-

~~они~~ ~~они~~, ~~долженствующіе~~ ~~вскорѣ~~ ~~иска-~~
~~ли~~ ~~они~~ ~~военныхъ~~ ~~бѣдшвій~~; ~~невольнo~~
~~приближались~~ ~~къ~~ ~~сердцу~~ ~~Царства~~ ~~Русска-~~
~~го~~ ~~и~~ ~~спылись~~ ~~съ~~ ~~понижшими~~ ~~головами~~, ~~спы-~~
~~лись~~ ~~и~~ ~~взглянувши~~ ~~на~~ ~~злашверхую~~ ~~машуш-~~
~~ку~~, ~~которую~~ ~~не~~ ~~могли~~ ~~защипиши~~ ~~опш~~ ~~ги-~~
~~бннн~~ ~~Смершносное~~ ~~оружіе~~ ~~въ~~ ~~рукахъ~~ ~~вон-~~
~~нонн~~ ~~казалось~~ ~~безполезнымъ~~, ~~и~~ ~~сила~~ ~~чело-~~
~~веческая~~ ~~недѣйствительную~~ ~~противъ~~ ~~шор-~~
~~жестствующаго~~ ~~врага~~, ~~поправшаго~~ ~~царства~~
~~Христіанскія~~. ~~Въ~~ ~~слабыхъ~~ ~~умахъ~~ ~~утверди-~~
~~лась~~ ~~мысль~~ ~~о~~ ~~сверхъестественности~~ ~~На-~~
~~полеоновой~~; ~~припоминали~~ ~~всеобщее~~ ~~о~~ ~~немъ~~
~~въ~~ ~~церквахъ~~ ~~прокляшіе~~, ~~и~~ ~~грамошнн~~ ~~гово-~~
~~рили~~, ~~что~~ ~~его~~ ~~имя~~ ~~почио~~ ~~находилось~~ ~~въ~~
~~Апокалипсисѣ~~. ~~Такъ~~ ~~физически~~ ~~и~~ ~~нравствен-~~
~~но~~ ~~сокрушались~~ ~~многіе~~ ~~изъ~~ ~~Русскихъ~~ ~~вон-~~
~~нонн~~, ~~презиравшіе~~ ~~до~~ ~~шого~~ ~~всѣ~~ ~~ужасы~~
~~смерши~~.

Въ слѣдующій день не дошли мы только
 4-хъ верстъ до столицы. Войски располо-
 жились на Воробьевыхъ горахъ въ боевую
 позицію; по линіи фронта построены бы-
 ли редушы, и пошому ожидали, что и
 шущъ произойдетъ рѣшительная битва,
 ужаснѣе Бородинской. Злашверхая Москва
 разспялалась вдали, по всему горизоншу,
 передъ нашими взорами, на необозримое про-
 странство, и, казалось, вопіяла къ сынамъ
 своимъ защитиши ея неприкосновенность.

Одинъ видъ эпои прекрасной и древней столицы Русскаго Царства, въ состояніи былъ вдохнуть въ воиновъ опчаянное мужество, для ея защиты. Смотри на ихъ мрачныя лица, казалось, что каждый гошовъ былъ умереть защищая родимое, въ чемъ заключалась послѣдняя слава и величіе Русскаго народа. Но обспомятываясь гошвили вовсе иное, неожиданное.

Среди общаго воленія духа и мыслей, на краю гибели опечесыва, никто не опсывался безъ участія. Товарищи мои, и всѣ офицеры, были задумчивы; опъ рѣдкаго изъ нихъ можно было добиться слова; кто что чувсповалъ, не могъ выразишь. Командиръ нашей роты, Капитанъ Фигнеръ, часпо, и болѣе всѣхъ, предавался мрачному молчанію, не слышалъ того, о чемъ ему доносили по службѣ; онъ только разѣзжалъ верхомъ для разсвннн, и предоспавилъ мнѣ попеченіе о ротѣ.

Впечатлѣнія при видѣ погибающей столицы, и ненависть къ врагу опечесыва, споль сильно попревожили и мое воображеніе, разгоряченное послѣдствіями коншущи въ голову, что я къ упру видѣлъ подлинно патриотическій сонъ. Мнѣ предспавилось, что какимъ-то случаемъ я очутился въ непріятельскомъ лагерѣ, перодѣшый какъ Французъ, для того, что-

жить ему по, что можешь быть (думалъ Фигнеръ) отъ него скрывали. Онъ объяснилъ въ своемъ замѣчаніи, что во всѣхъ боевыхъ позиціяхъ прошедшихъ кампаній, слабость лѣвыхъ фланговъ нашихъ армій всегда заставляла непріятеля усpreмлять на нихъ главные свои силы, и чрезъ то достигать вѣрной побѣды. Переписавши на бѣло свое военное замѣчаніе, Фигнеръ выбрился, пригладилъ голову и поѣхалъ въ главную кварширу. Онъ былъ тогда въ какомъ-то энтузіазмѣ.

Между тѣмъ въ главной кварширѣ состоялся военный совѣтъ изъ всѣхъ спаршихъ Генераловъ, и Фельдмаршалъ рѣшилъ войскамъ рѣшироваться, а Москву оставитъ непріятелю — для его погибели. Опдашь безъ боя древнюю столицу Имперіи, могъ только одинъ Фельдмаршалъ Князь Купузовъ, какъ испинный сынъ Россіи, вскормленный ея сосцами; всякой другой полководецъ, въ народномъ мнѣніи былъ бы признанъ за эпу жершву левымъ измѣнникомъ. Такъ, для спасенія цѣлой націи, великая жершва позволительна, если она предложена отъ перваго, избраннаго защитника.

Вечеру Фигнеръ возвратился въ лагерь, и съ удовольствіемъ рассказывалъ, какъ ласково принялъ его Фельдмаршалъ, хотя

дослупъ до него былъ пруденъ; какъ милоспиво выслушалъ военное замѣчаніе, поблагодарилъ его, обласкалъ и общалъ упошребилъ *для важнаго дѣла*. Фигнеръ говорилъ, что болѣе всѣхъ способствовалъ ему доступишь къ Фельдмаршалу Начальникъ его Шпаба, Алексѣй Пепровичъ Ермоловъ. Фигнеръ съ особеннымъ чувствомъ превозносилъ этого Генерала, и называлъ его — *щитомъ отечества*.

Въ ночь съ 1-го на 2-е Септября пронулись всѣ войски. Подъ видомъ шого, чтобы не позволишь непришелямъ обойдти насъ съ фланговъ, приказано было идти черезъ Москву. Нашъ 4-й Корпусъ, уже съ разсвѣтомъ дня, послѣдній шелъ къ городу за другими. Арріергардъ, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, оставался на мѣстѣ, для встрѣчи Французовъ. Опшпупленіе наше производилось въ спрогомъ порядкѣ и въ унылой тишинѣ. Приближаясь къ осирошѣвшей спюлицѣ, мащери городовъ Русскихъ, войны съ сокрушенными сердцами взирали на великолѣпныя зданія, оставляемая врагу: Пашкова домъ, особенной архипекшуры, многіе другіе огромные и красивые дома, наконецъ Кремль съ гописческими башнями, съ высокими палащами древнихъ Царей Русскихъ, и съ златпоглавымъ Иваномъ-Великимъ, безмолвными сви-

дѣшелями предспоящихъ бѣдспвій — все это осшавлялось въ жерпву неприяпелю! И пысячи Рускихъ бѣгуптъ опъ него съ оружіемъ въ рукахъ! Спюль скорбныя мысли приводили насъ въ неописанную гореспь, и, спѣсняя грудь, испоргали слезы. Несчастныя жипели своимъ опчаяніемъ увеличивали общую гореспь. Священники передъ церквами, въ полномъ облаченіи, благословляли Св. Креспомъ и кропили Св. водою проходящихъ мимо солдатъ, освѣжая пѣмъ упадшій духъ. На каждомъ шагу предспавлялись гореспныя явленія: жены, спарцы, дѣши плакали и выли, не зная куда дѣвались. Иные выбѣгали изъ домовъ блѣдныя, опчаянныя, и суешились не понимая о чемъ: все въ глазахъ ихъ разрушалось и казалось, съ приближеніемъ Антихриспа, свѣшпопреспавленіемъ.... Мужеспвеннѣйшіе воины содрогались, взирая на пакія явленія въ погибающей спюлицѣ своего опечеспва. Общее движеніе, шумъ проходящихъ, мракъ осенняго дня, и спрашная мысль о приближеніи неприяпеля, были предзнаменованіями всѣхъ ужасовъ разрушенія Москвы.

Солдаты шли уныло въ рядахъ, Генералы и офицеры по своимъ мѣспамъ. Во время перехода войскъ по набережной, между Кремлевскою спѣною и рѣкою, у Каменнаго моспа, для наблюденія за поряд-

комъ марша, спомалъ Главнокомандующій 4-ю армією.

Мы прошли за Кремль, внутрь города, и всюду видѣли горе, плачь, опчаяніе. Офицеры спали сходясь вмѣстѣ для бесѣды о предстоящемъ, которое для всѣхъ было чрезвычайно непонятно; шупъ и рядовые, водъ предлогомъ напишья водицы, ускользали въ ближайшія лавочки, дома и погреба, ошкрышые, какъ будшо для угощенія проходящихъ: шамъ-шо прощались они съ машушкой Москвою....

Передъ заспавою, мы вышли на большую, широкую улицу, заспавленную въ нѣскольکو рядовъ обозами: коляски, брички, шѣлеги ѣхали, вмѣстѣ съ аршиллерією, по обѣ стороны. Тушъ предспавлялась спранная смѣсь всякаго званія людей и экипажей; повозки были наполнены сундуками, узлами и перинами, на копорыхъ сидѣли служанки, а лакеи, сзади повозокъ, вели лошадей и борзыхъ собакъ. Казалось, всякой въ шорняхъ забиралъ шолько одни любимые предметы, для спасенія изъ города. Иныя повозки выпѣсняли одна другую изъ рядовъ. Фигнеръ позволилъ многимъ изъ нихъ приспапъ къ своей аршиллеріи, до самаго выѣзда. Пѣхона опъ насъ ошдалилась, и проходила городъ окольными улицами. За заспавою, вся дорога и поле были устаны

разнаго рода экипажами, людьми, лошадами, собаками: всѣ спѣшили, въ одномъ направленіи съ войсками, по Рязанской дорогѣ. Верспы за шри, жипели спали опгъ насъ ошдѣляться, и мало по малу разсѣялись по проселочнымъ дорогамъ.

Къ вечеру оппошли мы опгъ Москвы до сел. Панки (15 верспъ) и увидѣли въ городѣ пожаръ: эпо было шолько начало. Черезъ ночь пожаръ усилился, и по упру, 3-го Септября, уже большая часпъ горизонпа надъ городомъ означилась пламенемъ: огненные волны восходили до небесъ, а черныи густой дымъ, клубясь по небосклону, разспилался до насъ. Тогда всѣ мы невольнo содрогнулись опгъ удивленія и ужаса. Суевѣрные, не поспигая чпѣ совершается предъ ихъ глазами, думали уже, съ паденіемъ Москвы, видѣшь паденіе Россіи, поржешиво Анцихриспа, попомъ скорое явленіе спрашнаго суда и кончину свѣпа. Мѣсто удивленія заспупило негодование : « Вошь шебъ и злапоглавая Москва ! Кра-
« суйся, машушка, Русская сполица ! » говорили солдапы съ большою досадою. Вечеру, когда смерклось, Фигнеръ подѣхалъ ко мнѣ и сказалъ : « Ну, брашъ Илья !
« прощай ! ѣду въ Москву. Если черезъ недѣлю не возвращусь, шо не считаи въ
« живыхъ. Я просилъ Генерала Ермолова,

« чпобъ ты оспался безъ меня командо-
 « вашь рошою, » — пожалъ руку и скрыл-
 ся. Эпи слова изумили меня не менѣ Мо-
 сковскаго пожара: « ѣду въ Москву, черезъ
 педѣлю не счишай въ живыхъ » — были
 спрашною загадкою.

Послѣ роздыха 3-го Сенпября, въ слѣ-
 дующій день пронулись мы въ походъ по
 Рязанской дорогѣ. Пламя горящей сполитцы
 разливалось по небу, и клубящійся дымъ
 взвивался высоко, образуя густыя, черныя
 облака. Погода была пасмурная, холодная
 и влажная, соопвѣшспвующая обспояшель-
 спшамъ.

На эпомъ переходѣ случай доставилъ мнѣ
 честь говоришь съ самимъ Фельдмаршаломъ
 Княземъ Кушзузовымъ. Я съ аршиллерією
 долженъ былъ переходишь, проселочною до-
 рогою, черезъ одну рѣчку, по весьма сла-
 бому мосту, кошорый расшпался опъ
 прошедшей по немъ пѣхошы и аршиллеріи.
 Осмопрѣвши его съ крупныхъ береговъ, я
 замѣпилъ опасносшь, и, никакъ не рѣшаясь
 пройдиши по немъ съ своими пушками, во-
 рошилъ на большую дорогу, чпобы, хопя
 нѣсколькo далѣе, въ обходъ, но перейдиши
 безопаснѣе. Мое обратное слѣдованіе съ ро-
 шою аршиллеріи замѣпилъ Фельдмаршалъ,
 ѣхавшій въ крышой коляскѣ, подозвалъ ме-
 ня къ себѣ и спросилъ, чшо эшо значишь?

Я опивчалъ ему; тогда онъ приказалъ, одному изъ находившихся при немъ колони-вожатыхъ, провести артиллерію удобнѣйшею и ближайшею къ нашей дивизіи дорогою, по которой далъ направленіе и прочимъ обозамъ. Говоря съ Княземъ, я видѣлъ его важное и спокойное лицо; казалось, онъ былъ въ полномъ увѣреніи о предположенномъ переворотѣ судьбы непріятелей, и ожидалъ только успѣха, долженствующаго увѣнчать его мудрыя предпріятія для спасенія опечесива.

За рѣчкою я примкнулъ къ своей пѣхотѣ. Мы проходили мимо одной великолѣпной мызы и села, на Москвѣ рѣкѣ лежащихъ. Все было шутъ пусто и оставлено на произволъ проходившихъ. Артиллеріи пришлось идти черезъ садъ, мимо длинной оранжереи, наполненной лимонными и помаранцевыми деревьями, почти съ зрѣлыми плодами. Я прогулялся по ней, среди разнообразной зелени, и съ сожалѣніемъ видѣлъ много кадокъ и горшковъ опрокинутыхъ, деревьявъ поломанныхъ, и щеколъ выбитыхъ. Такъ война испребляла въ самыхъ видрахъ опечесива произведенія изящныхъ залпѣй.

Переходъ былъ не болѣе 45 верстѣ. Мы перенесли Москву рѣку у Боровскаго переезда, по мосту, и расположились въ бое-

вомъ порядкѣ на высотахъ извѣспковаго берега. Съ эгихъ холмовъ ясно предспавлялась намъ картина пылающей со всѣхъ споронъ сподлицы. Только что расположились мы на бивакахъ, какъ вдругъ раздался ужасный взрывъ пороховаго погреба въ городѣ: эшопъ ударъ пошрясъ всѣ окреспности, и эхо спрашнымъ грохопомъ передало его во всѣ концы горизонпа. Во мнѣ попчасть мелькнула мысль о Фигнерѣ, и его прощань....

Продолжая опспушеніе, 5-го Септября мы вдругъ поворошили на право, къ юго-западу, и пошли по р. Пахрѣ, мимо Никшска; для ночлета оспановились прошивъ Фроловскаго яма.

Слѣдуя далѣе по Пахрѣ, 6-го Септября спали прошивъ города Подольска. Генералы заняли кварширы въ городѣ, а войски за нимъ, въ верспѣ распоянїя, расположились биваками, по обѣимъ споронамъ дороги. Уже время года было осеннее, земля влажная, обнаженная; покуда солдапы успѣвали поспроить кой-какїе шалаши и добыть дровъ, офицеры довольно зябли. Впрочемъ хлѣба, мяса, водки и овса у насъ было доспапочно; передъ Москвою намъ вволю всего надавали; полько для лошадей шрудно было найдши сѣна. Въ Подольскомъ Казначейспвѣ, къ нашей не-

большой ошрадъ, оспавалась кака-шо шп-желая казна вѣдныхъ денегъ, съ копорою, въ насшювщей опасносши, не знали чшо дѣлашь, а пошому заблагоразсудили раздашь ее войскамъ. Ошъ каждаго полка и аршиллерійской ропы пошребовали команды для приняшя денегъ, сколько приходилось кому по расчешу; въ пошь числѣ и ко мнѣ въ ропу принесли чшо слѣдовало, пшпаками. На походъ ошъ самой Вильны, мы пошспрашались деньжонками, и задолжали маркишаншамъ; прилива-же никакото не имѣли, и даже думали, чшо, пошпяривши Москву, вовсе не будемъ получашь жалованья, а пошому эшошъ скудный даръ былъ намъ весьма кспали.

Между шѣмъ шесшь дней и шесшь ночей Москва умирала, превращаясь въ пепель. Пламень ея разрушенія сдѣлалъ неизгладимое впечатлѣнне въ умахъ и чувстввахъ не однихъ сыновъ Россіи, но и въ нешршателяхъ. Ея гибель пошпрасла не шолько Россію, но и всю Европу — даже ошпразилась по вѣмъ шпранамъ свѣша, ибо съ минулы ея превращенія въ пепель, пошпепенно спали являшься пѣреворопы въ полишическомъ мшрѣ обоихъ машериковъ свѣша. Такъ въ шесшой день исчезло шо, чшо расло и процвѣшало шесшь вѣковъ. Легли въ прахъ злешоверхіе храмы, гордо

возвышавшіеся къ небесамъ; легли въ прахъ произведенія изящной архитектуры, предметы наукъ и художествъ; легли въ прахъ всѣ радости и наслажденія роскошной жизни. Только Кремль съ башнями еще оспался, чпобъ бытъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ, и передать попомснву событіе. Пожаръ Москвы естъ происшествіе знаменитое въ Исторіи міра, и славнѣйшая кашаспрофа въ Исторіи Россіи. Подобное едва - ли можно найдши въ опдаленной древности минувшихъ вѣковъ; новѣйшія времена, съ успѣхами просвѣщенія, смягчившаго суровость нравовъ, не представляющъ примѣра споль чрезвычайной жершвы папріопизма. И пошъ, кпо первый внесъ искру всеожженія въ спольцу, или былъ главною причиною этой доспославной жершвы любви къ опечеснву, пошъ испинно былъ Рускій духомъ и сердцемъ. Слава его имени возрастешъ съ опдаленіемъ вѣковъ, въ преданіяхъ попомснва.

7-го Септября опошли мы недалеко, и спали на биваки за лѣсомъ. Главная кваршира Фельдмаршала перешла въ село Красную-Пахру.

Легкія орудія аршиллеріи снова размѣстили по полкамъ. Мнѣ, съ 4-мя пушками, доспалось бытъ въ Перновскомъ полку; но какъ, въ опсульспвіе Фигнера, я оспа-

вался командующимъ ротою, но и дол-
женъ былъ находишься вездѣ при другихъ
орудіяхъ, въ полкахъ Елецкомъ и Полоц-
комъ.

Не понимая фланговаго марша, и не ви-
дя предъ собою непріятелей, всѣ думали,
что конечно идушь переговоры о мирѣ; да-
же носились слухи, будто-бы Россійское
Правительство уступаетъ Наполеону всѣ
пройденныя имъ губерніи до Днѣпра, съ го-
родомъ Смоленскомъ, и сверхъ того даетъ
вспомогательный Корпусъ войскъ, для ис-
пробленія въ Индіи Англійскихъ владѣній.
По этимъ-ли слухамъ, или пошому, что
дымящаяся въ пеплѣ Москва все еще на-
ходилась передъ глазами нашими, только
общее негодованіе въ войскѣ и патриоти-
ческій ропотъ въ рядахъ вонновъ увеличи-
лись до того, что заставили обратишь
на себя вниманіе главнаго Начальства.

Для успокоенія сыновъ Россіи, огорчен-
ныхъ поперею сполиты, пошъ, на кого
болѣе обращалось это негодованіе, какъ
на производителя безконечной реширады и
причину несмѣшныхъ попереъ, рѣшился
явишь самъ передъ войсками, съ спокой-
нымъ челомъ, увѣренный въ правотъ своей.
Кипо знаетъ Русскаго солдата, пошъ знаетъ
шакже, что одно доброе слово отъ на-
чальника внушаетъ въ него довѣріе, и воз-

выпадаетъ упавшій его духъ. Такъ Главною командующій 4-ю арміею Барклай-де-Толли ѣздилъ по линіямъ войскъ, и, останавливаясь передъ каждымъ полкомъ; говорилъ краткую, но сильную и ободрительную рѣчь. Въ это время я случился при Елецкомъ полку, съ артиллеріею, когда почтенный Генераль, одинъ, безъ знаковъ отличія, въ скромномъ мундирѣ, явился передъ воинами; и, остановясь близко къ нимъ, говорилъ достопамятную рѣчь такого содержанія: « Храбрые воины! вѣрные сыны Россіи! Я вижу уныніе на лицахъ вашихъ, выражающихъ печаль сердца, слышу патриотическій гласъ негодованія. Настоящее событіе; конечно, прискорбно для каждого Русскаго, но оно еще не есть конецъ нашего дѣла. Часто, среди крайностей, пребудущая великія жертвы для спасительныхъ послѣдствій. Вспомните, какъ Государь Петръ I-й на- ходился нѣкогда въ подобныхъ нашимъ обстоятельствахъ; вспомните, какъ онъ завелъ врага своего подъ Полшаву, и тамъ погубилъ его. Мы, съ помощію Божіею и съ вашимъ мужествомъ, надѣемся по- же сдѣлать, если только вы съ терпѣніемъ и кротостию предадитесь волѣ пушководителей своихъ, которые ведутъ васъ для спасенія отечества и для соб-

« сшвенной вашей славы. Правда, столица
 « наша превращена въ пепель; но знайте,
 « что изъ пепла сего возрождается гибель
 « врагу и всей его силъ: скоро почув-
 « ствуетъ онъ испребленіе. Уже войски
 « его, изнуренныя нуждою и шрудами даль-
 « няго похода, войски до половины ва-
 « ми побитыя, поперяли успройштво и
 « бодрость: они предспавляютъ не что
 « болѣе, какъ шолпу бродягъ, алчущихъ
 « добычи и ироншпанія. Скоро увидите
 « вы передъ глазами своими погибель но-
 « ваго Карла XII-го; скоро онъ побѣжитъ
 « онъ васъ быспрѣ молніи, но не выне-
 « сешъ коспей своихъ изъ Царшва Рус-
 « скаго, и прахъ его развѣется подъ спо-
 « ами вашими! » — Послѣднія слова были
 сказаны съ выразительностью, и съ жа-
 ромъ, который перелился въ сердца слуша-
 телей.

Такимъ образомъ почтенный вождь гово-
 рилъ передъ каждымъ полкомъ—и прими-
 рился съ воннами. Рѣчь его еще болѣе во-
 зымѣла дѣйствія, когда онъ, въ каждомъ
 полку, по нѣскольку опличныхъ рядовыхъ
 произвелъ въ уншеръ-офицеры, и раздалъ
 по нѣскольку знаковъ опличія военнаго ор-
 дена Св. Георгія за храбрость. Въ одномъ
 Елецкомъ полку онъ произвелъ 20 чело-
 вѣкъ солдатъ въ уншеръ-офицеры. Послѣ

этого всё ободрились. Спарые усачи припоминали преданія опцовъ своихъ, какъ подлинно Шведъ былъ разбишь на голову подъ Полшавою, и надѣялись, что съ Наполеономъ Карловичемъ по-же можеть случиться, ежели сами поспояшь грудью до послѣдней капли крови, и предадутся совершенно во влась начальниковъ. Уже не спали горевашь о Москвѣ, говоря, что Царь де нашъ изъ каждаго городка можеть поспавить сполицу, шакъ-же какъ Петръ Великій изъ болоша вывелъ Пишеръ.— Къ вечеру, во всѣхъ полкахъ заиграла музыка духовая и роговая: вездѣ запѣли пѣсни, и воинское веселье опять разлилось по спарому. Тихая погода, пріятное зарево заходящаго солнца по чиспому небо-склону, опголоски музыки, повшоряемые эхомъ изъ лѣса, кошорый закрывалъ передъ нами дымъ курящейся подъ пепломъ Москвы; ушѣшишельныя бесѣды, ушѣшишельная надежда на будущее, полная довѣренность къ распоряженіямъ Фельдмаршала: все эшо вмѣспѣ романически услаждало сердце каждаго воина. Въ продолженіе цѣлаго похода, никогда я не имѣлъ споль пріятныхъ ощущеній.

Фельдмаршалъ, сдѣлавши съ войсками поворошъ на Тульскую дорогу, сдрузъ пере-мѣнилъ опспунашельное движеніе въ угрожа-

ющее непріяшельскому пылу. Онъ предоставилъ Французамъ идти въ сѣверныя губерніи, но, обратившись самъ къ югу, прикрылъ свое сообщеніе съ арміями Торماسова и Чичагова. Еще болѣе онъ шѣмъ охранилъ южныя плодородныя губерніи, кошорыя доставляли ему всѣ способы къ продолженію войны безъ нужды. Такимъ образомъ, искусный полководецъ нашъ, однимъ просшымъ оборопомъ, доставилъ Русской арміи большія выгоды предъ непріяшелемъ, и разспроилъ, привелъ въ замѣшательство всю стратегію своего анпагониста. Кто не признаешъ превосходства воинскихъ соображеній Русскаго Фабія? Какой сынъ Россіи съ благоговѣніемъ въ сердцѣ не почтешъ его спасителемъ опечесства?

Послѣ совершившихся событій, и проспой воинъ не можетъ надивиться ошибкамъ великаго Наполеона, ослѣпленнаго счастиемъ. Казалось, мысли его сполько были заняшы Москвою, что онъ потерялъ изъ вида всѣ правила Военнаго Искусства. Первая ошибка его была та, что оставивъ базисъ своихъ дѣйствій, онъ выскочилъ изъ середины его опъ Смоленска, прямою линією на 300 вершъ къ Москвѣ — зажигащельному фокусу своихъ бѣдствій; вторая ошибка была та, что при Бородинѣ слишкомъ

увлекся онъ кровопролишiemъ въ бишвѣ, и упустилъ изъ вида успремиться всѣми силами по старой Смоленской дорогѣ. Третья ошибка та, что онъ погнался цѣлою арміею за нами къ Москвѣ. Онъ могъ-бы пустишь по большой дорогѣ одну кавалерію, съ однимъ Корпусомъ пѣхоты, а самъ со всѣми прочими обратиться чрезъ Верю и Боровскъ, чтобы, слѣдуя боковымъ движеніемъ, на лѣвомъ флангѣ нашего опспупленія, подкрѣпишь свои войски жизненными потребностями изъ южныхъ губерній. Тогда онъ опдѣлилъ-бы сообщеніе нашей арміи съ Тормасовымъ и Чичаговымъ. Занявши прежде насъ южныя губерніи, онъ могъ-бы также, хотя нѣсколькими днями позже, овладѣть Москвою, ибо, по обширности ея, наша девятисоттысячная армія не въ состояніи-бы была защитишь ее противъ ста пятидесяти тысячъ. Тогда мы, конечно, должны-бы были идти къ Владиміру или къ Ярославлю.

Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ конечно былъ весьма увѣренъ въ опслѣпленіи своего противника, ибо не почелъ за нужное принять мѣръ для защиты дороги на Верю, при опспупленіи своемъ опъ Можайска. Онъ также могъ-бы, для приманки Наполеона къ Москвѣ, опшавишь одну кавалерію съ Корпусомъ пѣхоты, а самъ, обра-

пясь къ южнымъ губерніямъ , защитишь ихъ благовременно ; но такое движеніе не могло-бы укрыться ошъ Наполеона ; онъ догадался-бы, для какой цѣли оно производися, и тогда успѣлъ-бы не только овладѣшь Москвою, но и перемѣнишь вовсе планъ дѣйствій, поперявъ надежду на миръ. Фельдмаршалъ могъ предвидѣшь эту опасность, а пошому, кажешся, почель за лучшее не выводиль врага своего изъ ослѣпленія до самой Москвы, ошкуда внезапнымъ поворотомъ вдругъ привелъ его въ изумленіе и замѣшательство.

8-го Сентября продолжали мы въ данномъ направленіи обходишь Москву, ошъ Тульской дороги до Калужской. Тутъ уже всѣ спали разумѣшь, что идуть въ пылъ непріятелю; каждый удвоивалъ шаги, желая заспашъ его врасплохъ, и солдаты сожалѣли, что переходы были не большіе.

10-го числа войски вошли въ боевую позицію при Красной-Пахрѣ , и проспояли шуть до 13-го числа спокойно, ошдыхая въ полной безпечности. Будучи увѣрены въ недоумѣніи непріятеля , всѣ ожидали важныхъ послѣдствій ошъ благоразумныхъ распоряженій Фельдмаршала. Скоро явились первые успѣхи: ежедневно спали приводиль къ намъ по 200 и по 300 плѣнныхъ Французскихъ мародѣровъ, копорыхъ

Казачи находили въ ближайшихъ селеніяхъ. Между плѣнными были и гвардейцы, рослые молодцы, и офицеры въ щегольскихъ мундирахъ. Пріятно было видѣшь, какъ безъ кровопролишія доспавались намъ цѣлыя паршіи шѣхъ спрашныхъ враговъ, опѣ копорыхъ, до эпого времени, мы безпреспанно уходили. Казалось, уже геній мщенія взлещѣлъ изъ пепла сожженной Москвы, и началъ совершашъ гибель ея убійцамъ.

Въ три дни, при арміи нашей набралось болѣе тысячи плѣнныхъ. Ихъ содержали за лагеремъ, обезоруженныхъ, оставляя въ присвоенной каждому одеждѣ. Любопышно было видѣшь ихъ въ разнокалиберныхъ мундирахъ: голубой гусаръ споялъ возлѣ малиноваго улана; длинный кирасиръ, въ рыцарскомъ шишакѣ, величался подлѣ пощаго Ишальянскаго спрѣлка; гвардейскій арпиллериспъ, въ куней шапкѣ, глядѣлъ съ презрѣніемъ на малорослаго Веспфальца; Французъ съ Голландцемъ, Испанецъ съ Полякомъ, Баварецъ съ Ишальянцемъ, предспавляли спранную смѣсь Европейскихъ націй въ одной шолпѣ. Сами они дивились своему спеченію; многіе не понимали другъ друга, какъ при Вавилонскомъ сполпвореніи, и шолько нѣкопорыя слова языка господспвующей націи давали разу-

иѣшь имъ, что всѣ они суть сподвижники одного генія испребишеля. Въ полдень имъ раздавали супочную порцію пропитанія. Иные, будучи еще не голодны, принимали нехоня эпюпъ скудный даръ; иные, съ униженною гордостію, чувспвуя свое бѣдспвіе, покорялись необходимоспи; одни, проголодавшисъ, по еспешспвенному побужденію, для сохраненія жизни, шупъ-же языкомъ вбирали въ ротъ и глотали сухую муку; другіе заверспывали ее въ пряпки, какъ драгоцѣнность, или пекли въ горячей золь лѣнешки. Пльные, имѣя на себѣ мундиры, воображали еще свое воинское бышье; но принимая горспъ муки, какъ даръ опъ непріяшеля, для продолженія жизни, съ спыдомъ видѣли ничспожную суцщспвенность. Многіе изъ нихъ имѣли у себя разныя вещи, бронзовыя и серебряныя, награбленныя ими въ Москвѣ, какъ-то перспеньки, серьги, колечки и прочее. Они цпорговали ими, и добрые солдаты наши вымѣнивали на хлѣбъ и сухари, или покупали за деньги то, что могли-бы опнятъ опъ грабиспелей, какъ имъ не принадлежасее.

Между шѣмъ получено было въ лагерь пріяпное извѣспіе, что Генераль Дороховъ, посланный съ опрядомъ на Можайскую дорогу, въ шылъ непріяшело, взядъ

нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, сжегъ паркъ, перехватилъ почту, курьеровъ, и ошбилъ восемь пудъ награбленнаго серебра, отпра- вленнаго изъ Москвы къ Смоленску.

Французы, занятые Москвою, ея пожа- ромъ, грабежемъ и раздѣломъ добычи, ка- залось, забыли объ насъ, или, ослѣпленные мнимою побѣдою, съ поржесивомъ ожида- ли заключенія мира; они не прежде обра- зумились, какъ уже по исплѣннн Москвы. Не видя опъ насъ никакихъ денушашовъ, копорые-бы просили съ покорностію по- щады, они бросились по всѣмъ дорогамъ ошыскивать нашу армію. Къ удивленію своему, Французы сполкнулись съ нею поч- ши въ шылу у себя, передъ Красною - Па- хрою.

13-го Сенября непріятели вышли изъ города Подольска, по направленію во флангъ боевой позиціи нашей арміи. Чшобы не дать имъ выйдши на Тульскую дорогу, и прикрышь правый флангъ свой, Фельдмар- шаль, по полудни въ 3 часа, ошрядилъ 4-й пѣхотный Корпусъ, со 2-мъ кавале- рійскимъ, подъ командою Графа Осперма- на-Толсшаго, къ Подольску. Едва успѣли мы пройдши вершъ 15, какъ встрѣпились съ непріяшелемъ, съ копорымъ уже давно не видались. Французы, увидѣвши насъ, подвинулись къ намъ вершы на 4 ближе;

Мы сверпывали и разверпывали колонны, и, маневрируя, въ боевомъ порядкѣ опшсупали въ виду ихъ, безъ выспрѣла; оспановились - же для ночлега не доходя сел. Александрова.

На другой день войски перемѣняли боевыя позиціи и, маневрируя, опшсупили до вечера не болѣе 8 верспѣ, шакже безъ выспрѣла. Непрїяшель, казалось, не зналъ въ почности нашихъ силъ, былъ оспорожень, маневрируя шакже за нами, поспепенно приближался, и къ ночи оспановился, верспахъ въ 3-хъ опѣ насъ. Между лѣмъ главная кваршира нашей арміи, опѣ Красной-Пахры, опшсупила по Калужской дорогѣ къ д. Бабенковой.

15-го Сеншября, по ушпру, нашъ опрядъ спалъ опшсупать, и пройдя верспѣ 5, занялъ позицію близъ с. Нѣмчинина: лѣхопа съ аршиллерією расположились по опушкѣ лѣса. Впереди насъ проспиралась небольшая долина, закрышая лѣсомъ. Правѣ, передъ с. Сашинымъ, находилась дивизія Генерала Паскевича, а влѣво опѣ насъ, по Калужской дорогѣ, былъ арриергардъ арміи, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, опѣ кошораго, шакъ-же какъ и опѣ дивизіи Паскевича, мы опдѣлялись лѣсомъ на небольшое проспранство. Впереди нашего фронта были разсыяны Башкирцы

съ частію драгуновъ; они выманивали непріятельскихъ фланкёровъ изъ лѣса, за которыми силы его опть насъ скрывались. Погода была пасмурная и влажная, но деревья еще оспавались въ зелени. Въ 4 часа по полудни показались изъ лѣса непріятельскія колонны прошивъ правого фланга нашей линіи, и тогда фланкёры начали игру свою. Мы любовались особенно уловками и хитроспсію Башкирцевъ, которые въ ушасныхъ шапкахъ своихъ, бросая спрѣлы, какъ Амуръ, увивались около манежныхъ шассёровъ Французскихъ, наспигали ихъ, уходили, и заманивали къ засадамъ; попомъ снова спекались въ шолпу, нападали съ визгомъ, и опяшь разсыпались. Графъ Осперманъ-Толстой, укушанный въ бурку, съ грознымъ лицомъ стоялъ на флангѣ при моихъ пушкахъ, ожидая рѣшительнаго движенія непріятелей, и, казалось, негодуя на его медлительность. Фланкёры съ Башкирами продолжали шупишь до самаго вечера, безъ урона съ обѣихъ споронъ. Между тѣмъ, вправо слышна была канонада: тамъ непріятель пѣснилъ дивизію Генерала Паскевича. Въ 4-хъ версахъ впереди, лѣвѣе прошивъ насъ, ночевалъ Корпусъ Князя Поняшовскаго. Нигдѣ ночью непріятель не показывали огней своихъ; по всему вид-

но было, что они наблюдали крайнюю оспороженность.

Въ слѣдующій день прошли мы только 3 версты, ведя за собою Французовъ; къ вечеру перешли рѣчку Мочу, при дер. Окуловой, и оподвинулись еще версты двѣ, приближаясь все къ Калужской дорогѣ на село Вороново. Тупь, по опушкѣ лѣса, заняли мы опять довольно выгодную позицію. Пропивъ линіи, къ правому флангу, просширлся лѣсъ, который занимали егеря и драгуны; лѣвымъ флангомъ сближались мы съ арріергардомъ Генерала Милорадовича, а къ правому у насъ примыкала дивизія Паскевича.

17-го Сентября оставались въ томъ-же положеніи. На лѣвомъ флангѣ нашемъ, въ арріергардѣ главной арміи, слышали мы сильную канонаду; шумъ происходила порядочная сшибка. Въ то время, какъ кавалерія Короля Неаполиспанскаго занималась съ нашимъ отрядомъ, Князь Понятовскій съ своимъ Корпусомъ шелъ къ селу Воронову, и встрѣтился шумъ съ Генераломъ Милорадовичемъ, который разбилъ его.

Въ отрядѣ нашемъ до полудни было спокойно. Уже передъ вечеромъ, въ 4 часа, непріятель началъ развертывать свои колонны по эту сторону возвышеннаго бе-

рета р. Мочи. Цѣлыйъ часть разсмапривалъ онъ насъ, ничего не предпринимая; попомъ началъ спускашь черезъ рѣчку на нашу спорону, въ долину, сперва ползвода кавалеріи; попомъ взводъ, эскадронъ, и такъ далѣе всею массою, не подкрѣпивъ эпого движенія артиллерією. Мы позволили имъ приблизиться сажень на 200 въ добромъ порядкѣ, попомъ вдругъ изъ всѣхъ бапарей съ линіи пустили ядрами и гранатами, такъ что въ нѣсколько минушъ распроили всю тактику кавалеріи, которая мигомъ улѣшѣла за рѣчку, и шѣмъ насъ довольно попѣшила. Послѣ эпого Французы ничего не запѣвали, и мы спокойно оспавались на мѣстѣ до слѣдующаго дня.

Разсказывали, что въ то время, какъ непріятельская кавалерія передъ нами парадировала, изъ Штаба Короля Неаполипанскаго Генераль Ферье съ адъютанпомъ углубились въ лѣсъ, и срисовывали нашу позицію; вдругъ, пришаившійся за деревьями, Псковскаго драгунскаго полка уншеръ-офицеръ выскочилъ съ писполепомъ въ рукѣ, и, успавивши Генералу въ грудь смертоносное оружіе, спрачно вскричалъ: «Спой, пардонъ!» — Генераль съ адъютанпомъ сполько были заняшы своею попографією, что не успѣли бросишь карандашей, и,

взялся за шпаги, какъ уже драгунъ, съ подоспѣвшимъ къ нему шоварищемъ, подхватилъ ихъ, и поскакалъ съ ними въ линію пѣхопы.

Видно, непріятель не имѣлъ прошивъ опрѣда нашего доспашочно силъ, а попому и не превожилъ насъ; тогда приказано было 4-му Корпусу Графа Оспермана опойдши къ главной арміи. 18-го Сеншября, по смѣнѣ насъ дивизією Генерала Паскевича съ драгунами, опошли мы 3 верспы, и соединились съ арріергардомъ Генерала Милорадовича на Калужской дорогѣ.

20-го Сеншября, въ 5 часовъ ушра, Корпусъ Графа Оспермана проходилъ мимо пылающаго дома Графа Роспопчина въ Вороновѣ. Генералы и офицеры оспанавливались передъ эшимъ необыкновеннымъ явленіемъ, ибо говорили, что самъ Графъ своею рукою зажегъ домъ, гдѣ было его любимое мѣспопребываніе, гдѣ онъ вкушалъ семейспвенное счастье. Я видѣлъ эшого знаменишаго папріоша: съ мрачною думою смошрѣлъ онъ на пламень, обнимающій прекрасныя колоннады и пожирающій окаменѣлыхъ спражей ихъ, ценшавровъ. Глядя на предспящее, казалось, онъ углублялся въ прошедшее, и воображалъ послѣднія радости, съ копорыми не задолго распался подъ кровомъ своего мирнаго

пріюпа. Такъ загоралось сердце его мщеніемъ, и горесшь, наложила печашь на угрюмое чело...—Графъ Распопчинъ оспавиль шуть на сполбъ Французскую надпись для непріяшелей, шакого содержанія: «Восемь лѣтъ украшалъ я эпо мѣспопребываніе, и жилъ въ немъ счасливо, среди семейсшва. Обишашели селенія моего оспавили дома свои при вашемъ приближеніи, а я сжигаю собсшвенный домъ, чшобы не дашь вамъ осквернишь его вашимъ присуспшвіемъ. Французы! я вамъ оспавиль на жернву два дома въ Москвѣ, съ мебелью на полшора милліона рублей; здѣсь оспавляю вамъ пепель шрешьяго!» — Эша черша ожешпоченія Русскаго папріюшизма досшойна изящной кисти живописца.

Съ 4-мъ Корпусомъ прошли мы не болѣе вершпы за Вороново, и шамъ оспановились, для подкрѣпленія арріергарда Генерала Милорадовича, и для связи его съ главною армією.

24-го Сеншября войски ошспушили по большой дорогѣ къ с. Тарушину. Непрїашель, ошкрывши насшоящій путь нашей арміи, соединилъ свои силы, и спашъ уже дѣйсшвовашъ прошивъ арріергарда насшупашельно. Мы шли во всю ночь; рѣчки съ дурными мосшиками не мало насъ запрудняли. Мѣспоположеніе ошъ самага Воронова

пересѣкалось оврагами и пролѣсками, копырые, около большой дороги, образовывали поляны верспы на двѣ шириною, какъ-бы нарочно, способныя для военныхъ дѣйствій небольшихъ опрядовъ.

Въ слѣдующій день, арріергардъ спалъ пвердою ногою на висоцахъ, позади дер. Спасъ - Купли, подкрѣпляемый 4-мъ Корпусомъ. Съ 4-го часа по полудни завязалась у насъ жаркая сшибка съ Французами. Тупъ я имѣлъ случай въ первый разъ видѣть военное искусство Генерала Милорадовича, и любовался порядкомъ, съ какимъ производилъ онъ воѣ движенія войскъ своего арріергарда: колонны двигались какъ шахматы, башарев бросали перекрестный огонь, цѣпи спрѣлковъ, подкрѣпляемых резервами, ошходили съ перекапомъ, не прекращая ружейнаго огня; между пѣмъ на обонхъ флангахъ, изъ пролѣсковъ, поминупно выскакивали кавалерійскія засады на непріятельскихъ спрѣлковъ, и осаждали ихъ. Но когда надлежало оспановишься, то непріятель не могъ двинушься ни шагу впередъ; онъ принужденъ былъ развертывашъ колонны, усилывашъ кавалерійскія ашакн, раздвигашъ башарев. Въ по-же время прошивупоспавляемы были усиліямъ его напнска шакія-же усилія опраженія. Не лъзя было не восхищашъся, слушая раз-

сказы, съ какимъ равнодушіемъ и воинскою гордосшію сподвижникъ Суворова, осыпaeмый непріятельскими ядрами и пулями, подъѣзжалъ къ артиллеріи, и говорилъ командиру, указывая на непріятелей: « Приказываю вамъ сбить эту башарку! » — а подъѣзжая къ пѣхоцѣ говорилъ: « Солдашны! дарю вамъ эту колонну; возьмите ее! » — Одушевленные, съ крикомъ: ура! солдашны бросались въ штыки и опрокидывали непріятеля. Пушки также повиновались гласу вождя-героя, и сбивали непріятельскія башарки.

Мнѣ однако не удалось быть участникомъ въ этомъ неважномъ, но по военному порядку замѣчательномъ дѣлѣ. Я съ своими пушками только маневрировалъ между пѣхоцными колоннами во второй линіи. Нашей бригады одна башарейная рота Подполковника М*** была въ дѣйствіи. Между моими пушками только хлопали гранаты непріятельскія, безъ всякаго вреда. Французы, видя щещными свои усилія сдвинуть арріергардъ нашъ съ мѣста, при насщупленіи вечера оставили дальнѣйшія покушенія.

ГЛАВА VII.

ОТЪ ТАРУТИНА ДО МАЛАГО-ЯРОСЛАВЦА.

ЛАГЕРЬ ПРИ ТАРУТИНѢ. — ВОИНСКІЯ ХИТРОСТИ ФЕЛЬДМАРШАЛА. — ПАРТИЗАНЫ. — ПОДВИГИ ФИГНЕРА. — ХУДОЕ СОСТОЯНІЕ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ АРМІИ. — ПРЕДЛОЖЕНІЕ О МИРѢ. — НАПАДЕНІЕ НА ФРАНЦУЗОВЪ ПРИ Р. ЧЕРНИВЦѢ. — ДВИЖЕНІЕ ВОЙСКЪ КЪ МАЛОМУ-ЯРОСЛАВЦУ.

Съ 23-го Сентября по 5-е Октября, почти цѣлыя двѣ недѣли, мы жили покойно въ Тарушинскомъ лагерѣ, не занимаясь Французами. Намъ укомплексовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили пулупами, сапогами, удовольствовались сухарями, а лошадей овсомъ и сѣномъ вволю; шупшь выдали намъ прешное жалованье, и сверхъ того нижніе чины за Бородинское сраженіе награждены были по 5-ши рублей ассигнаціями. Откуда чшо явилось! Изъ южной Россіи везли къ Тарушинскому лагерю по всѣмъ дорогамъ всякіе припасы. Среди биваковъ открылись у насъ лавки съ разными пошребностями для военныхъ людей, заве-

лась порговля, и шупть подлинно—всѣ загуляли. Креспьяне изъ ближнихъ и дальнихъ селеній прїѣзжали въ лагерь повидашься съ оспавшимися въ живыхъ родспвенниками и земляками; даже креспьянки шолпами ежедневно приходили съ госпинцами въ полки, опыскивашь мужей, сыновей, брашьевъ. Я видѣлъ шакихъ прихожанокъ, одушевленныхъ воинскимъ папшрїошизмомъ, копорыя говорили: « Только дай намъ, башюшко, пики, шо и мы пойдемъ на Француза » ... Казалось, вся Россїя сходилась душою въ Тарушинскомъ лагерѣ, и кшо былъ испинный сынъ опечеспва, шопъ изъ самыхъ опдаленныхъ предѣловъ спремился, если не самъ собою, шо сердцемъ и мыслию, къ Тарушинскому лагерю, жершвуя послѣднимъ доспоиємъ. Все драгоцѣннѣйшее для цѣлой Имперїи вмѣщалось въ шѣсномъ проспранспвѣ эпого лагеря— послѣднїя усилїя Россїи. Въ воинской прозорливоспи полководца заключалась послѣдняя надежда погибающаго опечеспва. Еще никшо изъ вожей Русскихъ не былъ спольваженъ и великъ въ виду всей наци, какъ въ шо время Князь Кушуповъ. На него успремлялись взоры цѣлой Россїи; опъ исполненїя его плановъ зависла учаспъ Имперїи. Но Князь былъ коренной сынъ Россїи, вскормленный ея сосцами, и

припавшій въ себѣ неизмѣнную любовь къ ней; участь опечесива близко лежала къ счастью его сердца; онъ дорожилъ довѣріемъ Монарха и всей націи. Таясь подъ скромною наружноспію въ своемъ лагерь, онъ хитро распавлялъ сѣни пылкому врагу опечесива; наконецъ опышный умъ его воспоржесивовалъ надъ гордымъ любимцемъ Форшуну — и непобѣдимый спалъ побѣжденъ.

Нѣкошорые ушверждали послѣ собышій, что голодъ и холодъ были главнѣйшими союзниками у насъ для испребленія Французовъ. Но не въ искуспвѣ-ли Фельдмаршала соспомло довести непріяшеля до такой крайности, чтобы въ самыя бѣдспвія природы обратишь на него-же? Можно-ли не бышь признапельнымъ къ тому, съ какимъ благоразуміемъ нашъ полководецъ умѣлъ льспншь высокоумѣрному ожиданію Наполеона о заключеніи выгоднаго для него мира? Какъ хитро были пускаемы въ непріяшельскую армію слухи, будшо наши войски находяшся въ самомъ жалкомъ положеніи, шерпяшь во всемъ крайній недоспашокъ; будшо лишь въ первыхъ рядахъ оспались спарые солдашы, а впрочемъ все рекрушы и рашники; будшо пошеря Москвы распроила субординацію въ войскѣ! Для вѣрояшія шакихъ

слуховъ, Фельдмаршалъ явно поссорился съ Апшаманомъ Казаковъ Плашовымъ : говорили , будто-бы онъ подозрѣвалъ его въ измѣнѣ , и удалилъ онъ арміи. Споусная молва доводила до слуха Наполеонова споль радоспныя для него , но въ самой сущности ложныя вѣспи , между шѣмъ какъ Апшаманъ Плашовъ , вѣрныи сынъ Россіи , вызывалъ съ Дона спараго и малаго, и въ непродолжительномъ времени привелъ 45 полковъ удалыхъ молодецѣвъ. Наполеонъ , какъ завоевателъ Европы, ослѣпленный своимъ величіемъ, и поспавлявшій себя выше смерспныхъ, поддадся обыкновенной человѣческой слабости. Хипрыя вѣспи , споль благопріятныя, проспой полководецъ принялъ - бы за нарочно поддѣланныя ; но онъ вѣрилъ имъ со всею слѣпопюю, пошому что онъ льспили его ожиданіямъ. Къ довершенію оболъценія , вскорѣ за слухами , спали попадашся въ руки Французамъ наши курьеры съ мнимыми донесеніями Фельдмаршала къ Государю, что Русская армія находилса въ бѣдспивенномъ положеніи, и вовсе не имѣетъ духа оражашся; что Фельдмаршалъ не смѣетъ дащъ рѣшительной битвы , а пошому предоспавляетъ Его Императорскому Величеству единспвенное средство къ спасенію, ускоритъ заключеніе мира съ какими-бы шо ни бы-

ло пожертвованіями, полагая, что и неприязель, находясь самъ не въ весьма выгодномъ положеніи, ограничитъ свои требованія. — Наполеонъ, конечно, съ радостію читалъ перехваченныя донесенія, и охотно готовъ былъ умѣришь свои завоеванія, оспаривая за собою, на первый разъ, хотя одну Польскія губерніи, и признаваясь самъ себѣ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ исполненіемъ великаго плана: изгнать Русскихъ изъ Европы; — но онъ забылъ о *старой лисицѣ*.

Вошъ какъ мудрый полководецъ нашъ умѣлъ продлить время, копорымъ самъ много выигрывалъ, а неприязеля доводилъ до послѣдней крайности, покуда настало время холода и голода, а вмѣстѣ съ шѣмъ настала пора нанести рѣшительный ударъ спрашному врагу силами человеческими, при содѣйствіи небесныхъ. Такъ опытный умъ воспоржествовалъ надъ гордымъ любимцемъ Форшуны— и непобѣдимый спалъ побѣжденъ!

Въ то время какъ наши войски продолжали опшупленіе черезъ Москву, первый изъ Русскихъ паршизановъ, Полковникъ Ахшырскаго гусарскаго полка Давыдовъ, спалъ дѣлать набѣги на большую дорогу, между Вязмою и Гжатскомъ. Попомъ Фельдмаршалъ назначилъ еще паршизанами на Мо;

жайскую дорогу самого Полковника Давыдова, Сеславица, Князя Кудашева, и наконецъ Капишана Фигнера.

Между шѣмъ какъ главныя силы нашей арміи опдыхали въ Тарушинскомъ лагерѣ, непріятельскіе фуражиры и разные опряды его были испребляемы нашими паршизанами и народомъ. Эпа малая война распроспранилась по всѣмъ окреспносшямъ Москвы и дѣйспвовала съ ужаснымъ ожеспоченіемъ; она доводила наконецъ Французовъ до опчаянія. Опважные паршизаны наши, ободря креспьянъ, пригошпвленныхъ къ месши на врага воззваніемъ Государя и внушеніемъ Духовенспва, опкрыли народную войну во всей ея силѣ, со всѣми ужасами. Тысячи примѣровъ явили шогда въ народѣ Русскомъ испинныхъ сыновъ и героевъ опечеспва; все, чшо предспавляешъ намъ Древняя Испорія великаго въ дѣлахъ сильнаго паптріопизма, повшорилось въ наши времена, и Рускіе могутъ похва-лишья своимъ Муціемъ-Сцеволой.

Изъ числа всѣхъ извѣспныхъ паршизановъ нашихъ, особенно прославившійся необыкновенною опважноспію въ набѣгахъ, былъ, къ чеспи Русской аршиллеріи, Капишанъ Фигнеръ.

Прежде нежели присшуплю къ описа-нію его паршизанскихъ подвиговъ, должень

нѣчто сказаць о немъ самомъ , и о первоначальной его службѣ.

Александръ Самуиловичъ Фигнеръ происходилъ отъ благородной фамилии Германскихъ Бароновъ. Дѣдъ его, выѣхавшій при Императорѣ Петрѣ I-мъ изъ Германіи, имѣлъ пипуль Барона Фигнера фонъ Рушмерсбахъ; но въ кошоромъ году точно, въ какой находился службѣ , и какъ ушрашилъ пипуль Барона, за давностию времени неизвѣстно. Сынъ его, Самуиль Фигнеръ, служилъ въ Россійской службѣ отъ самыхъ нижнихъ чиновъ , и бывши шпабъ-офицеромъ, былъ опредѣленъ Директоромъ казеннаго хрустальнаго завода , что близъ С. Пешербурга; потомъ, съ чиномъ Спашскаго Совѣтника , украшенный орденами , вышелъ въ отставку, и вскоре, на открывшуюся ваканцію въ Псковской губерніи , опредѣленъ Вице - Губернаторомъ. Второй сынъ его, Александръ Самуиловичъ , нашъ партизанъ , родился 1787-го года , и въ юныхъ лѣтахъ былъ отданъ въ Артиллерійскій Корпусъ; тамъ, проходя науки, онъ оказалъ много быстрыхъ успѣховъ, отличія , и также въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживалъ свою необыкновенную отважность. На 14-мъ году возраста онъ былъ выпущенъ въ Артиллерию офицеромъ, и отправился въ Корфу, при Генераль-Лейше-

нантъ Бороздинъ, назначенномъ шуда Военнымъ Губернапоромъ. Изъ Корфу Фигнеръ нашель случай побывашь въ Ипаліи, и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Миланѣ. Имѣя опличныя ко всему способноспи, онъ скоро выучился Ипальянскому языку, и говорилъ имъ какъ природный Ипальянецъ. Фигнеръ не рѣдко вспоминалъ о счастіи прошекшаго времени, проведеннаго имъ въ благословенномъ краю Ипаліи, подъ яснымъ небомъ умѣреннаго климаша, среди всякаго изобилія для пріятной жизни, среди изящноспей самой природы, наукъ, и художесшвъ; припоминалъ съ учаспіемъ шо почтенное семейштво въ Миланѣ, гдѣ онъ жилъ въ союзѣ любви и дружбы.

Изъ Ипаліи Фигнеръ перешель въ Молдавію. Въ юныхъ лѣшахъ, будучи просшымъ офицеромъ, онъ опличался прошивъ Турокъ; измѣрилъ подъ Рущукомъ крѣпосш, ной ровъ со всею опважноспию неуспрашимаго аршиллерисша, и съ пушками находилса всегда въ передней сапѣ шраншей, на гласисѣ крѣпосши, ошкуда Турки не смѣли показывашься, пошому чшо онъ всегда билъ ихъ карпечью. За все эшо, имѣя ошъ роду 19-шь лѣшь, въ чинѣ Поручика, получилъ онъ леспный знакъ опличія: орденъ Св. Георгія 4-й степени, леспный шѣмъ болѣе, чшо самъ Главно-

командующій , Генераль Каменскій , снялъ поппъ креспъ съ убишаго Генерала Сиверса (*), и возложилъ на Фигнера , какъ-бы передавая юному герою все мужеспво и не-успрашимоспъ падшаго на вершинѣ чеспи.

Получивъ споль опличную награду, Фигнеръ полепблъ къ роднымъ во Псковъ. Прїѣздъ любимаго сына, черезъ девашп лѣшп разлуки , съ шакимъ опличіемъ въ молодыхъ лѣшахъ , привелъ его родишеля , почпеннаго спарца, въ чрезвычайное восхищеніе ; но чрезъ мѣсяцъ послѣ свиданія , счаспливый опецъ умеръ опъ апоплексическаго удара, въ 1811-мъ году.

Опъ сего времени начался новый періодъ жизни Александра Фигнера. Оспавшись при овдовѣвшей машери своей въ Псковъ, успблъ онъ благонравіемъ и скромноспціо привлечь на себя опъ всѣхъ знакомыхъ покойнаго опца своего вниманіе и уваженіе , чшо вскорѣ доспавило ему счаспие женишся на Ольгѣ Михайловнѣ , дочери Спашскаго Совѣпника Бибикова, бывшаго, незадолго прежде опца его, во Псковъ Вице-Губернашоромъ.

(*) Эшопъ опличный артиллерійскій Генераль, со многими артиллерійскими-же офицерами , какъ назначенная жерпва, въ охопникахъ убишъ на спбнахъ Рущука, во время шшурма.

Фигнеръ, съ перемѣною состоянія своего, имѣлъ необходимость отправиться въ Крымъ, для сдачи тамъ бывшей въ его вѣдѣніи команды; послѣ того перешелъ на службу въ артиллерійскую роту, расположенную близъ С. Пешербурга. Возвратившись въ домъ родителей жены своей, онъ намѣренъ былъ, для поправленія разсброеннаго здоровья, проситься въ отставку; но вдругъ возгорѣвшаяся война противъ Французовъ вызвала его на поприще брани, искавъ заслугъ и славы. Онъ опредѣлился тогда 14-й бригады въ 3-ю легкую роту, Шпабсъ-Капитаномъ, и пріѣхалъ къ намъ передъ началомъ кампаніи, подъ Вильною, въ с. Яшуны.

Александръ Фигнеръ былъ пригожій мужчина, средняго роста, сынъ Сѣвера, крѣпкій мышцами, круглолицъ, блѣдъ, свѣшлорусъ. Его большіе, свѣшлые глаза были исполнены живоспи; голосъ у него былъ мужественный; онъ имѣлъ здравый умъ, даръ краснорѣчія, въ предпріятіяхъ неушомимую дѣятельность, пылокое воображеніе. Презрѣніе ко всякой опасности и безпримѣрная отважность показывали въ немъ всегдашнюю неуспрашимость и присутствіе духа. Онъ зналъ языки Нѣмецкій, Французскій, Итальянскій, Польскій, и Молдаванскій такъ же хорошо, какъ Рус-

скій. Кромѣ обыкновенныхъ познаній , необходимыхъ артиллерійскому офицеру, онъ зналъ Тактику , Стратегію , древнюю и новую Исторію, читалъ много хорошихъ книгъ , и признавался , что не любилъ полько Нѣмецкой Математики и Миспацизма.

Съ такими достоинствами явился Александръ Фигнеръ на поприщѣ воинской славы, въ опечесшвенную войну, и спалъ извѣстнымъ партизаномъ въ Россіи и въ Европѣ.

Послѣ того , какъ мы съ нимъ распались подѣ Москвою, 2-го Сентября , я не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій до самаго Тарупинскаго лагеря. Тутъ онъ явился опять, къ живѣйшей радости любившихъ его поварихъ. Мы поспѣшь замѣтили въ наружности его перемѣну: онъ былъ съ опрощенною бородкою; волосы на головѣ его были опстрижены въ кружокъ, какъ у Русскаго мужичка. При всѣхъ нашихъ вопросахъ , и при всей его веселости опъ удачнаго исполненія порученій , не могли мы выведать всего, что онъ дѣлалъ въ Москвѣ. Я напомнилъ ему объ ужасномъ взрывѣ пороховаго погреба, опряшемъ подѣ нами землю. Онъ усмѣхнулся, но, опупивъ взоры, заговорилъ о другомъ: скромность налагала на успа его печать какой-то шай-

ны. Впрочемъ, по дружескому наспоянію, Фигнеръ мало по малу разсказалъ намъ, что расшавшись со мною, онъ пошчасъ перешелся Русскимъ мужикомъ, и пошелъ въ Москву, тогда какъ пожаръ спалъ распро-спраняшья и Французы занялись грабежемъ. Попомъ, изъ числа оставшихся въ Москвѣ разнаго званія людей, онъ соспавлялъ для испребленія непріятелей воору-женныя паршіи, дѣлалъ съ ними, среди пламени, въ улицахъ и въ домахъ, засады, нападалъ на грабителей по силамъ, и распоряжался шакъ, что вездѣ Французы были убиваемы, особенно по ночамъ. Такъ Фигнеръ началъ испреблять непріятелей, съ шайкою удалцовъ, въ самомъ городѣ, среди ужасовъ пожара и грабежа. Французы видѣли въ развалинахъ пылающей Русской споллицы меподическую войну опшважнаго и скрышнаго мспишеля; шщепшно они искали, даже имѣли его передъ глазами—и не могли найдши. Въ проспой одеждѣ мужичка, онъ днемъ бродилъ между Французскими солдапами, чѣмъ могъ имъ прислуживалъ, между шѣмъ вслушивался въ ихъ разговоры, попомъ распоряжался съ своими удалцами для ночныхъ нападений, и къ ушпру — по всѣмъ улицамъ являлись шѣла убишыхъ Французовъ. Наконецъ сказалъ онъ поглаживая бородку :

« Хошѣлось мнѣ пробишья въ Кремль, къ
 « Наполеону; но одинъ каналья, гвардеецъ,
 « споявшій на часахъ у Спасскихъ воротъ,
 « не смопръ на мою мужицкую фигуру,
 « шибко ударилъ меня прикладомъ въ грудь.
 « Эшо подало подозрѣніе, меня схватили,
 « допрашивали: съ какимъ намѣреніемъ я
 « шель въ Кремль?— Сколько ни спарался
 « я пришворяшья дуракомъ и проспофилей,
 « но меня довольно поспращали, и съ угро-
 « зою давали наспавленіе, чшобы впредь не
 « осмѣливался ходишь шуда, пошому чшо
 « мужикамъ возбраняешся приближеніе къ
 « священному мѣспопробыванію Имперашо-
 « ра » .... Послѣ за Фигнеромъ спали при-
 « смапривашь, однако онъ ускользнулъ изъ
 « Москвы, сдѣлавши шамъ чшо надобно было.

Исполнивъ съ успѣхомъ данное порученіе,
 ошважный и незабвенный мспишель нашъ
 явился въ Тарушинскій лагерь, къ Фельд-
 маршалу. Князь Кушуровъ, вмѣсто вся-
 кихъ привѣтспвій, поцѣловаль его, и эшу
 награду Фигнеръ почипаль себѣ за вели-
 чайшій знакъ опличія; но Князь доспа-
 виль ему впослѣдспвіи времени сущесп-
 веннѣйшее возмездіе, своимъ ходапайспвомъ
 у Трона Высочайшей милоспи опноситель-
 но его шеспя; при чемъ въ своемъ донесе-
 ніи, съ представленіемъ журнала военныхъ
 дѣйспвій за Окшябрь, означиль о немъ :

всегда находится въ самой близи къ непріятелю.... Фигнеръ не желалъ собственно для себя никакихъ наградъ, но всё плоды заслугъ своихъ дарилъ — семейству. Такъ къ воинской доблести онъ присоединилъ еще добродѣтель истиннаго гражданина.

За симъ Фельдмаршалъ поручилъ ему составить партизанскій отрядъ, и дѣйствовать, для одной цѣли съ прочими, въ тылу непріятели.

Всякому партизану предоставлено было, на собственнѣйшій произволъ, выбирать себѣ подчиненныхъ по роду оружія, какое находилъ онъ приличнымъ для своихъ предпріятій; пошому Фигнеръ, еще не заслужившій общаго довѣрія, на первый разъ былъ въ затрудненіи. Но ему скоро пришла счастливая мысль: для истребленія мародѣровъ непріятельскихъ обратишься къ своимъ. Извѣстно, что по флангамъ и въ тылу всякой арміи, бываетъ всегда, подъ видомъ усталыхъ и фуражировъ, немалое число разсыпающихся по селеніямъ и дорогамъ, праздношатающихся вооруженныхъ людей всякаго рода войскъ, называемыхъ мародѣрами или бродягами. Фигнеръ нашелъ довольно шакихъ изъ легкой кавалеріи; пѣшихъ посадилъ на крестьянскихъ лошадей; увлекашительнымъ краснорѣчіемъ умѣлъ

соединилъ ихъ къ общему участию, для приобрѣтенія добычи, и съ двумя сошными разнокалиберныхъ удалцовъ началъ производить свои набѣги. Днемъ, обыкновенно онъ пряталъ ихъ въ чащу лѣса, а самъ, переодѣвшись Французомъ, Полякомъ, или Итальянцемъ, иногда съ прубачемъ, а иногда одинъ, ѣздилъ къ непріятельскимъ форпоспамъ: шущъ дѣлалъ онъ выговоръ пикетному караулу за оплошность и невнимательность, давая знать, что въ споронѣ есть паршія Казаковъ; въ другомъ мѣстѣ извѣщалъ, что Рускіе занимають шакую-то деревню, а потому для фуражированія лучше идти въ прошивную спорону. Такимъ образомъ, высмотрѣвши положеніе, силу непріятелей, и расположивъ ихъ по своимъ мыслямъ, онъ съ наспусленіемъ вечера принималъ насиповщій видъ паршизана, и съ удалцами своими являлся, какъ снѣгъ на голову, шамъ, гдѣ его во все не ожидали, и гдѣ Французы, по его увѣренію, почиали себя въ совершенной безопасности. Такимъ способомъ, отважный Фигнеръ почти ежедневно присылалъ въ лагерь главной кварширы по 200 и 300 плѣнныхъ, шакъ что спали уже зашрудняшья шамъ въ ихъ помѣщеніи, и совѣшвали ему испребляшья злodeвъ на мѣстѣ.

Съ помощію крешьянъ, кошорыхъ Фи-

гнерь собиралъ, вооружалъ, и чрезъ копорыхъ узнавалъ о силѣ и положеніи непріятелей, увеличивая безпреспанно свою паршію прибылыми удальцами, онъ успѣлъ, не далеко отъ Москвы, на Можайской дорогѣ, опбить непріятельскій паркъ, соспоявшій изъ шесши новыхъ пушекъ, съ зарядными палубами, со всею прислугою и упряжью, копорый чепыре мѣсяца шелъ изъ Ишалинъ подъ слѣдѣмъ прикрывшіемъ; съ шѣмъ вмѣстѣ попалась ему небольшая казна золоша. Деньги роздалъ онъ сподвижникамъ своимъ, все прочее сжегъ, а пушки заклепалъ и зарылъ въ землю. При эпомъ онъ имѣлъ неоспорожностъ опсавишь изъ числа плѣнныхъ Ишальянцевъ нѣсколькихъ при себѣ; они послѣ разбѣжались, и одинъ унцерь-офицерь, замѣшивъ опважностъ Фигнера, съ опличными способностями во вредъ Французамъ, описалъ имъ все его подвиги, хабросъ и хипроспи. Съ шѣхъ поръ въ арміи непріятельской имя Фигнера спало ужасно, и голова его была оцѣнена.

Фигнеръ, желая дашь своей паршіи надлежащее успройствво, спалъ вводишь порядокъ и дисциплину; мародерамъ эшо не понравилось, и они опъ него разбѣжались. Показавъ свои способности, наносишь вредъ непріятелю ничшожными средспвами, Фигнеръ явился къ Фельдмаршалу и просилъ

регулярнаго войска. Князь Купузовъ позволилъ ему взять 800 человекъ изъ легкой кавалеріи, гусаровъ, улановъ и Казаковъ, съ офицерами, какихъ онъ самъ выбереть. Фигнеръ оправдалъ споль лестное къ себѣ довѣріе Фельдмаршала; онъ не забылъ аршиллерисшовъ: изъ ропы Подполковника Тимоеева взялъ Поручика Селецкого, изъ своей Поручика Барона Шлиппенбаха и фельдфебеля Капомина. Я^{ше} очень желалъ бытъ съ нимъ въ опрядѣ, но онъ просилъ меня оспашься хозяиномъ въ ропѣ, носившей его имя.

Съ паршиєю успроенныхъ войскъ Фигнеръ спалъ ужаснѣе для Французовъ. Тупѣ еще болѣе развились его воинскія способности. Искусными маневрами, скрытносною маршей, нечаянносною, быспрошою, съ вѣрными проводниками, по сокровеннымъ пропинкамъ, онъ производилъ славнѣйшіе набѣги: разбивалъ сильныя паршии Французовъ, сожигалъ обозы, перехватывалъ курьеровъ, и превожилъ часпо непріятелей подѣ самою Москвою. Наполеонъ принужденъ былъ опрядишь на Можайскую дорогу пѣхопную и кавалерійскую дивизию, для укрощенія опважныхъ набѣговъ Фигнера и другихъ паршизановъ.

Однажды Фигнеръ съ своимъ опрядомъ былъ окруженъ почши съ шрехъ споронъ

Французами , но хипрымъ маневромъ ушелъ, и вошь какъ: Непрiяшельская кавалерiя, окружая Фигнера, кошъла испребишь его вмѣспѣ съ паршiею; но покуда производились для эшого движенiя, Фигнеръ замѣшилъ опасносшь, и, пользуясь мѣспоположенiемъ съ лѣсочками, раздѣлилъ свою паршiю на двѣ часпи: одной изъ нихъ далъ видъ своего непрiяшеля, а съ другою принялъ оборонительное дѣйсшвiе. Первые, показавшись изъ-за лѣса, успремились на впорыхъ, спали ихъ шѣснись, гнашь, причемъ поднялась сильная переспрълка и ручная схвашка, шакъ чшо, въ виду Французовъ, Фигнеръ съ паршiею казался разбишымъ, разсѣяннымъ и взяшымъ въ плѣнъ. Эша хипросшь оспановила дѣйсшвишельнаго непрiяшеля, кошорый, зѣвая на фальшивую сшибку , упустилъ изъ рукъ удалаго паршизана.

Разсказывали еще одинъ случай, какъ Фигнеръ чупъ не былъ пойманъ , и однако спасса еще чудеснѣе. Ошрядъ Французовъ въ одномъ мѣспѣ подсперегъ его, и, сдѣлавъ нападенiе, вогналъ въ лѣсъ, примыкавшiй къ болошу. Уже день склонился къ вечеру, и поздно было продолжашъ даднѣйшее дѣйсшвiе въ лѣсу; однако опасаясь выпустнись изъ рукъ вреднаго наѣздника , Французы окружили лѣсъ , будучи увѣре-

ны, что непроходимое болото за лѣсомъ воспрепятствуетъ его бѣгству, а съ разсвѣтомъ дня онъ самъ попадется къ нимъ, живой или мершвый. Фигнеръ дѣйствительно находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: болото казалось непроходимымъ ни для коннаго, ни для пѣшаго. Пользуясь темнотою ночи, онъ попробовалъ съ двумя поварищами пройти пѣшкомъ черезъ болото, шириною на полверсты; кой-какъ, съ помощію шестовъ, по кочкамъ, имъ удалось перебраться на другую сторону, и, къ счастью, версмахъ въ двухъ они нашли деревушку. Фигнеръ поспѣшнѣе собралъ немногихъ крестыанъ, объявилъ имъ опасность своей парши, указалъ средство для спасенія, и велѣлъ немедленно нести на берегъ солому и доски. Этимъ матеріалами онъ выслалъ по болоту дорожку; къ полуночи возвратился въ свою западню, гдѣ поварищи его, завалившись за пеньками, спорожили Французовъ, которые вокругъ лѣса развели огонь и шумѣли. Фигнеръ со всею оспорожностію велѣлъ своимъ, по одиночкѣ, переводить лошадей по доочасной дорожкѣ. Когда лошадей перевели, онъ велѣлъ пѣшимъ спастись въ ширину болота на извѣстномъ разстояніи, и первый, оспаваясь съ краю отъ лѣса, спалъ передавать чрезъ ближняго

дальнимъ доски и солому; такимъ образомъ онъ успѣлъ переправить всю парцію и даже изгладить слѣдъ дороги. — Съ разсвѣтомъ дня, Французы присупили къ лѣсу со всѣхъ споронъ, и пошли облавою въ добромъ порядкѣ; наконецъ сошлись все у болоша, и зѣвали другъ на друга: Куда онъ дѣвался съ Казаками?... Его не было, и слѣдъ проспылъ. Конные сунулись въ болошо, но лошади спали вязнушь, и пѣшіе не могли пересступить шага. Эша шупка сполько изумила Французовъ, что они долго не могли образумилъся, и починали Фигнера ужаснымъ разбойникомъ, кошорый ихъ испребляешъ и морочитъ, какъ дьяволъ.

Опважность Фигнера простиралась до того, что онъ однажды, подъ самую Московую, напалъ на гвардейскихъ кирасировъ Наполеоновыхъ въ лагерь, ранилъ ихъ Полковника и вмѣстѣ съ пашьюдесяшью челоуѣками увелъ въ плѣнъ.

Въ началѣ реширады Французовъ изъ Москвы, Фигнеръ опкрылъ, шедшій по дорогѣ, большой транспортъ съ награбленнымъ имущесствомъ, защищаемый сильнымъ прикрышіемъ. Не вѣя прѣ себѣ, для нападенія и разбишя его, доспапочно войска, онъ обрашилъ съ предложеніемъ къ Генералу Дорохову, находившемуся по бли-

зоспи съ довольно сильнымъ опрядомъ; но Генераль, по какимъ-по причинамъ, не хотѣлъ содѣйствовать Фигнеру; тогда онъ согласился съ другимъ, не менѣе славнымъ, паршизаномъ Сеславинымъ. Они вмѣстѣ ударили на непришельскій шранпорть, и хотя не могли совершенно испребинъ его, однако Фигнеру удалось опбишь часпъ обоза, изъ кошораго онъ прислалъ ко мнѣ пудъ серебра для ропнато образа: оно сошояло изъ окладовъ, содранныхъ Французами съ церкоцныхъ образовъ.

Между тѣмъ, въ Тарушинскомъ лагерѣ наши войски не только опдохнули, но и поправились, какъ будпо въ кварширахъ. Солдашы имѣли крѣпкіе шалаши, кошорые подновлялись изъ ближайшихъ лѣсовъ, окружавшихъ лагеръ. Но какъ въ Окпябрѣ спали показывапсья по ушрамъ морозы, а пасмурные дни давали чувспвовашъ холодную осень и приближеніе зимы, шо офицеры спроили для себя землянки, и надѣвали шулупы; въ бивакахъ не переводился огонь, около кошораго согрѣваясь, мы воображали о несчастной учаспи, какой скоро подвергнушся Французы въ нашемъ климатѣ.

Въ это время дошло до насъ пріятное извѣстіе о дѣйствіяхъ Корпуса Графа Вишгенштейна, какъ онъ разбилъ Маршала

Удино, и, очиспивъ лупъ опъ Себежа къ Полоцку, защищаль С. Пешербургскую до-рогу. Вскоръ за шѣмъ услышали мы о взя-шій шшурмомъ укрѣпленнаго Французами города Верен, опрядомъ Генерала Дорохова. Впрочемъ, о побѣдахъ эшихъ не возсылалось молебспвій, какъ прежде бывало: онѣ ка-зались уже дѣломъ обыкновеннымъ. — Го-ворили, чшо въ Бѣлоруссіи Наполеонъ, про-кламаціями возмущаль креспьянъ про-шивъ помѣщиковъ, обѣщая имъ вольноспъ и свободу опъ барщины.

Слухи носились шакже, чшо положеніе непріятельской арміи со дня на день спа-новилось бѣдспвеннѣе. Найденные въ Москвѣ жизненные припасы скоро извелись у нихъ, и не оспавалось инаго средспва кормишь-ся, какъ падшими лошадьми. Изъ всѣхъ недоспашковъ для сущеспвованія войска, оцупишельнѣйшій былъ въ фуражѣ. Боль-шія паршіи фуражировъ опгѣзжали верспъ за шридцашъ въ спорону, для добыванія себѣ и лошадямъ пропитанія, при чемъ часшо попадались въ засады нашихъ пар-пизановъ, и каждый клокъ сѣна спонлъ крови.

23-го Сеншября, въ главную кварширу нашего Фельдмаршала прибылъ опъ Напо-леона Адьюшаншъ его, Графъ Лориспонтъ. Для приняшя посланника, Князь Кушу-

зовъ позволилъ, между авангардами враждующихъ силъ, сдѣлать на нѣсколько часовъ перемиріе. Между тѣмъ приказано было перемѣстить войски. Нѣкоторыя полки перевели изъ лагерь за с. Лешашевку, для того чтобы скрыть оцъ непріятеля насмощее положеніе войскъ, и размѣщеніемъ ихъ, по обширности мѣста, дать видъ многочислія.

Нашъ 4-й Корпусъ находился тогда еще между авангардомъ и арміею. Приказано было во всѣхъ полкахъ, къ вечеру развесити веселые огни, варить кашницу съ мясомъ, пѣть пѣсни и вездѣ играть музыкѣ. Такимъ образомъ, по всему лагерю, открылась у насъ иллюминація и шумное веселье; радость всѣхъ была непринужденная, когда услышали, что въ эту вечеръ пріѣдетъ оцъ Наполеона къ Фельдмаршалу посланникъ, просить мира; тогда мы уже совершенно были увѣрены, что наша беретъ, и скоро погонимъ Французовъ изъ Россіи, такъ что коспей своихъ не унесутъ съ собой.

Извѣстно, какъ Фельдмаршалъ умѣлъ провести Наполеона пусыми переговорами и перепискою о мирѣ, между тѣмъ какъ побѣдитель Европы находился въ жестокой необходимости предпринять репиратуру. Князь Купузовъ вознамѣрился нане-

сли авангарду его, расположенному за р. Чернишней, первый ударъ, для начала послѣдующихъ поражений.

Ночью съ 5-го на 6-е Октября, войски наши, по диспозиціи, двинулись изъ лагеря, для общаго нападенія на Французовъ. Армія выступила правымъ флангомъ пятью колоннами. 20-й Егерскій полкъ и 40 Казачьихъ полковъ, подъ командою Графа Орлова-Денисова, открыли маршъ и обходили лѣвый флангъ непріятеля; въ подкрѣпленіе Казакамъ слѣдовала гвардейская дивизія легкой кавалеріи. Попомъ шли пѣхотные Корпусы 2-й, 3-й и 4-й, составляя правый флангъ общей атаки, подъ начальствомъ Генерала Бенигсена. Войски переправились черезъ рѣч. Нару по пригоповленнымъ мостамъ. Опъ середины лагеря, прошивъ Тарупина, перешель черезъ Нару 6-й Корпусъ Генерала Дохшурова; 7-й и 8-й пѣхотные Корпуса находились на лѣвомъ флангѣ общей атаки. За Корпусомъ Генерала Дохшурова слѣдовалъ большой резервъ, состоявшій изъ 5-го Корпуса, изъ кирасировъ и всей резервной артиллеріи. Главный ударъ должны были произвести Казаки въ пылу непріятеля; но Фельдмаршалъ, какъ видно, полагалъ встрѣпши сильное сопротивление, а попому и двинулъ всю армію.

Ночь была не очень темна, хотя и съ облачнымъ небомъ; погода сухая, но земля влажная, такъ что войски шли по ней безъ всякаго спуска: даже не слышно было колесъ подъ артиллеріею. Всѣ шли очень оспорожно: никто не смѣлъ куришь прубки, высѣкашь кремнемъ огня, кашляшь, и ежели надобно было говоришь, то говорили шепотомъ, лошадей удерживали опъ ржанія, словомъ, все приняло видъ шашивеннаго предпріятія. Такимъ образомъ шли мы во всю ночь, и сонъ не смѣлъ прикасаться къ вѣждамъ нашимъ: всѣ заняты были предсповищамъ. Небо, опъ бивачныхъ огней непріятеля, покрылось свѣплымъ заревомъ и показывало намъ мѣспа его расположенія. Мы оспавляли огни вѣво за лѣсомъ, и къ 4-мъ часамъ утра обопли непріятеля.

4-й Корпусъ, подошедъ къ лѣсу до назначеннаго мѣспа, повернулъ вѣво, и спалъ въ сомкнурыхъ колоннахъ; егери вышли впередъ. Тупъ съ часъ времени спояли мы въ нешерпѣнии, покуда правѣ насъ прошли 2-й и 3-й Корпуса, опоздавшие опъ ошибки проводника. Дѣло началось съ правого фланга, и уже при разсвѣтѣ дня. Только что слышны спали опшуда пушечные выспрѣлы, какъ наши егери бросились въ лѣсъ и спрашною спрѣлкою

ударилъ въ ближайшихъ Французовъ. Мнѣ велѣно было поспѣвать съ двумя пушками выѣхать на долину, правѣ лѣса; я увидѣлъ правѣ себя егерей 2-го Корпуса, бѣгущихъ для занятія впереди ихъ другаго лѣса, за копорымъ и прошивъ насъ непріятель бивакировалъ около обгорѣлыхъ развалинъ деревушки Денди, за рѣчкою. Французы уже спояли въ линіи, однако примѣшно казались въспревоженными. У нихъ пушкъ не было артиллеріи, а пошому опъ нѣсколькихъ выспрѣловъ изъ нашихъ пушекъ они распронились и спали опспунашь. Двѣ колонки Французовъ, занимавшихъ лѣвѣ меня лѣсъ, бросились изъ него бѣжашъ черезъ поляну, для соединенія съ своими; шогда у насъ не случилось кавалеріи, чшобы схватить ихъ. Я пушилъ въ нихъ два ядра, и, зарядивъ пушки каршечью, погнался за ними поближе; но меня оспановили, пошому чшо прикрышіе пѣхошы опспавало. Колонки между шѣмъ, къ досадѣ нашей, перешли ручей и спаслись. Ашака сдѣлалась всеобщою, и Французы, увидѣвши себя окруженными со всѣхъ споронъ, спали опспунашь безъ выспрѣла, уже не въ колоннахъ, а шолпами и бѣгомъ. Казалось, еслибы ранѣе начали дѣло, шо можно-бъ было заспалъ ихъ спящими, и перехватывашъ живьемъ въ самыхъ бивакахъ. Французы,

по видимому, были увѣрены въ скоромъ заключеніи мира, и почиая насшоящее бездѣйствіе авангардовъ продолженіемъ перемирія, находились въ полной безопасности и весьма плошными. Причину не совершеннаго успѣха нашего нападенія полагали въ шомъ, что 2-й Корпусъ, имѣвшій несчастіе, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, лишился Корпуснаго Командира своего, храбраго Генерала Багговуша, замедлил дѣйствіе; но Графъ Орловъ-Денисовъ сдѣлалъ рѣшипельный ударъ во флангъ и въ шылъ непріятеля, бросившись на него со всеми Казаками. Французская дивизія легкой кавалеріи спояла на краю этого фланга, и не успѣла построиться, какъ уже была опрокинуша Казаками, при чемъ потеряла всю свою артиллерію. Между шѣмъ пѣхота 2-го и 3-го Корпусовъ, предводимая Генераломъ Бенигсеномъ для содѣйствія кавалеріи, пѣснила непріятеля шакъ сильно, что безпорядокъ въ войскахъ его увеличился и совершенное поражение было неминуемо.

4-й Корпусъ нашъ подвигался медленно и невольно позволялъ передъ собою уходить непріятельской пѣхотѣ, потому что при немъ не было кавалеріи, а 6-й Корпусъ не успѣлъ примкнуться къ нему, безъ чего опасно было намъ выспавляшь лѣвый

флангъ свой. Казалось, въ общемъ исполненіи обширнаго дѣйствія эпои атаки, не было соблюдено въ часпяхъ надлежащей связи и расчепа времени.

Между шѣмъ Генераль Милорадовичъ, лѣвѣ насъ за рѣчкою, по большой дорогѣ, съ кавалеріею ударилъ на Польскую гвардію, и опбилъ весь обозъ Кнзя Поняповскаго. 6-й Корпусъ и резервы полько двинулись съ мѣста лагеря, не принявъ учаспія въ дѣлѣ.

Наконецъ, въ 10 часовъ утра, нашъ 4-й Корпусъ занялъ непріятельскіе биваки у сел. Денди. Мы съ изумленіемъ увидѣли ошанки поѣденныхъ Французами лошадей, около балагановъ, сосшавленныхъ изъ дверей, споловъ, и проч. Поваренная посуда, кошлы и чайники оспавались на дымящихся очагахъ; они обнаружили, что Французы имѣли еще крупу и горохъ, полько нуждались, кажешя, въ хлѣбъ и говядинѣ. Намъ попался шущъ красивый вороной жеребенокъ, съ сафьяннымъ нагрудникомъ и бубенчиками, копорый, видно, опкармливался у нихъ вмѣсто шеляпины.

Непріятель въ эпошъ день былъ прогнанъ за с. Спасъ-Куплю; канонада продолжалась, и съ опдаленіемъ ушла.

Подвигаясь впередъ за сел. Денди, по большой дорогѣ, и уже не видя передъ собою не-

пріятели, мы нашли на одно мѣсто у лѣса, гдѣ споялъ обозъ Князя Поняшовскаго. Тушь увидѣли нѣсколько опрокинутыхъ фуръ, опъ разрушенной канцелярїи порванныя бумаги, ордера, шабели. На полѣ встрѣшилось намъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ лошадей; мѣстами валялись, въ обношенныхъ мундирахъ, закопшѣвшіе опъ бивачнаго огня прупы Французовъ. Въ одномъ мѣстѣ лежало человекъ шридцать Русскихъ егерей, порубленныхъ, и между ними нѣсколько убитыхъ Французскихъ кирасировъ: эпо были лапники Мюраша, напавшіе на колонну 20-го егерскаго полка, и произведшіе страшную сѣчу.

Къ вечеру, когда канонада утихла, мы ошпановились. На встрѣчу къ намъ возвращались раненые кавалеристы. Одинъ уланъ везъ на рукахъ прекрасную пѣпилѣшнюю дѣвочку, кошорая плакала неушѣшно: онъ нашель ее во Французскомъ обозѣ, подлѣ убитой мащери. Эпопъ уланъ говорилъ, что у Французовъ въ лагерь много было женщинъ; въ числѣ ошбитыхъ попалось нѣсколько Московскихъ красавиць.

По совершенїи пораженїя, вся наша армія опспушила къ Тарушинскому лагерю; шолько 2-й и 4-й Корпуса оспавались ночевашъ при сел. Винково. Мы почитали себя побѣдителями, и радовались, что

уже ночуемъ на опшняпой землѣ. Каждый изъ насъ съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ всѣ предметы, брошенные непріятелями; удостовѣрясь, что они почтено ѣли лошадей, мы не могли надивиться ихъ шептвнню и преданности къ Наполеону.

Передъ вечеромъ явился къ намъ Фигнеръ. Онъ рассказывалъ, какъ во время нападения примкнулъ съ своею паршією къ Казакамъ, и участвовалъ въ горячей сшибкѣ съ Французскими кирасирами; какъ онъ близокъ былъ къ Мюрапу, который въ одной рубашкѣ едва могъ спасшсь; какъ при переправахъ черезъ рѣчки Французы вездѣ бросающъ свои фуры, повозки, и сами взрывающъ зарядные ящики; какъ лошади ихъ не везущъ, а они сами бѣгутъ сломя шею. Послѣ чего Фигнеръ, напившсь чаю, уѣхалъ къ своей паршіи, въ авангардъ.

Ночью вельно было опяшь развесши въ бивакахъ веселые огни, и пѣшь пѣсни, пошому что Мюрапъ посыдалъ черезъ нашъ лагерь къ Фельдмаршалу парламентера, просишь сердце убишаго друга своего, Генерала Дери. По эшому можно было заключашъ, сколь чувствительнѣ для него долженствовало бышь поражение на рѣч. Чернишнѣ.

9-го Окшября, Генералъ Дороховъ, зани-
Часть I.

мавший гор. Боровскъ, увѣдомилъ Фельд-маршала, что непріятельскій Корпусъ войскъ показался въ с. Оминскомъ. Онъ предполагалъ, что назначеніе этого Корпуса связь авангарда съ Смоленскою дорогою. Фельдмаршалъ, желая достовернѣе узнать о силахъ показавшагося непріятеля, отрядилъ шуга Генерала Дохшурова съ 6-мъ Корпусомъ. Между тѣмъ, дѣятельный партизанъ, Полковникъ Сеславинъ, открылъ дѣйствительное направленіе всей арміи Наполеоновой на старую Калужскую дорогу, о чемъ немедленно увѣдомилъ Генерала Дохшурова, находившагося въ с. Аристовѣ, на маршѣ къ Боровску. Фельдмаршалъ, узнавъ намѣреніе Наполеона, обойдши лѣвый флангъ нашей арміи, тотчасъ приказалъ Генералу Дохшурову, вмѣстѣ съ отрядомъ Генерала Дорохова, обратиться къ Малому-Ярославцу и удержавъ въ немъ непріятеля, покуда всѣ войски наши успѣютъ придти шуга для подкрѣпленія. 12-го Октября, Генералъ Дохшуровъ нашелъ Малый-Ярославецъ уже въ рукахъ Французовъ. Тогда вся Русская армія поднялась изъ Тарушинскаго лагеря, исключая 2-й и 4-й Корпусы, сославляя пне авангардъ подъ командою Генерала Милорадовича.

ГЛАВА VIII.

ОТЪ МАЛАГО-ЯРОСЛАВЦА ДО ВЯЗЬМЫ.

НОЧНАЯ КАРТИНА МАЛАГО-ЯРОСЛАВЦА. — ДВИЖЕНИЕ АВАНГАРДА. — ВОЕННОЕ ЗАМѢЧАНІЕ. — ОТСУПЛЕНІЕ ОБЪИХЪ АРМІЙ. — ЗАВЯТІЕ НАМИ МАЛАГО-ЯРОСЛАВЦА. — ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА. — ПРЕСЛѢДОВАНІЕ. — АНЕКОДОТЫ О НАРОДНОЙ ВОИНѢ. — СБЛИЖЕНІЕ СЪ НЕПРІЯТЕЛЕМЪ. — СРАЖЕНІЕ ПРИ ВЯЗЬМѢ. — НОЧНЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

42-го Октября, между шѣмъ какъ въ Маломъ-Ярославцѣ во весь день продолжалась жестокая битва, и городъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, нашъ 4-й Корпусъ послѣ всѣхъ пришелъ къ мѣсту сраженія, уже ввечеру. На походѣ мы слышали непрерывную ружейную стрельбу, а потомъ увидѣли городъ въ пламени. Перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ почти до полуночи не прекращалась. Казаки, за цѣлью стрѣлковъ, спояли въ линіи передъ горѣвшимъ городомъ, откуда изъ пламени, какъ адскія шѣни, выскакивали Испальянцы и задирали нашихъ стрѣлковъ. Среди глухой ночи, свѣшъ ошъ пламени, опираясь на грозномъ ополченіи Рускихъ и на

окружающихъ высотахъ , по всему пространству представлялъ великолѣпную картину военныхъ ужасовъ. За городомъ , по ту сторону рѣч. Лужи, на высокомъ берегу , сверкали бивачные огни непріятелей. 4-й Корпусъ, съ Казаками, во всю ночь оставался въ полномъ вооруженіи передъ пылающимъ городомъ, для прикрытія движенія всей арміи , кошорая съ прочими Корпусами спланировала по Кадужской дорогѣ въ боевую позицію, въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ города.

Кровопролитная битва въ Маломъ-Ярославцѣ замѣчательна , какъ по упорности войскъ , сражавшихся съ обѣихъ сторонъ , такъ и пошому , что Генераль Дохшуровъ, съ опрядомъ Дорохова имѣя не болѣе 10,000 войска, держался цѣлый день противъ 20,000-го Корпуса Вице - Короля Итальянскаго. Если-бы Дохшуровъ позволилъ сбить себя съ мѣста, и далъ-бы свободу непріятелю прорваться по этому пути къ Калугѣ , тогда положеніе нашей арміи было - бы весьма невыгодное. Самъ Наполеонъ казался шупъ нерѣшимельнымъ: двигаясь постоянно всѣми силами къ Малому-Ярославцу и далѣ , онъ могъ-бы достигнуть своей цѣли; слабый Корпусъ Генерала Дохшурова не былъ-бы въ состояніи остановить стремленіе всей его арміи.

13-го Октябръ, на разсвѣтъ пасмурнаго дня, мы увидѣли передъ собою обгорѣлый, дымящійся городъ, ошъ кошораго спояли не много далѣ ружейнаго выспрѣла. Не видно было ни одного непріятельскаго спрѣлка; всѣ они, попряшавшись, сидѣли за развалинами домовъ и заборовъ. Мерпвая пинина согласовалась съ мрачноспію дня и съ предметами опуспошенія: шайный ужасъ скрывался въ этой пининѣ. Вскорь приказано было намъ перейдти назадъ за ручей, и присоединишья къ армін. Полки, споявшіе всю ночь подъ ружьемъ, спали свершывашья въ колонны и ошспупашь въ порядкѣ, медленно; шогда непріятель пробудился и пусшилъ въ насъ изъ города нѣсколько гранатъ, кощорыя лопались на воздухъ, не причиняя намъ вреда. Мы благополучно перешли ручей и спали въ общую позицію армін на правый флангъ; оставивъ за собою передъ городомъ одну легкую кавалерію.

Наполеонъ въ Маломъ-Ярославцѣ могъ видѣть ужасные слѣды упорной битвы, показавшей ему опличную храбрость Импальицевъ и мужество Рускихъ. Съ вышины уцѣлѣвшей колокольни, онъ могъ размошрѣть нашу армію, построенную въ боевомъ порядкѣ. Конечно съ изумленіемъ замѣнилъ онъ, что намѣреніе его, пройдши

спорного къ Смоленску, было проникнуто нашимъ Фельдмаршаломъ. Чшдъ ему оспалалось предпринять? Пройдши къ Калугѣ не иначе возможно было, какъ черезъ нашу армію. Для этого надлежало дать генеральное сраженіе; но онъ сверхъ чаянія увидѣлъ Русскую армію столь многочисленную, готовую вспрѣчь ему, что не могъ рѣшиться на битву, имѣя при себѣ не болѣе 70,000 войска голоднаго, и изнуренную кавалерію; сраженіе могло-бъ быть проиграно, и тогда, разбитый открытою силою, онъ погубилъ-бы свою славу. И такъ невозможность выиграть сраженіе заставила его предпринять, по необходимости, рѣшираду, черезъ Боровскъ и Верю, на большую Можайскую дорогу, къ Вязьмѣ и Смоленску, чшобы предупредить Рускую армію, которая могла крапчайшимъ путемъ придти прежде него, къ Вязьмѣ черезъ Мядель и Юхновъ, а въ Смоленскъ черезъ Ельню. Большая Можайская дорога была ужасно опустошена; рѣширада по ней предполагала всѣ бѣдствія и несмѣшныя поперя, однако Наполеонъ рѣшился идти по ней; онъ находился въ великой крайности, и могъ-бъ быть слишкомъ увеличилъ необходимость гибельной своей рѣширады по опустощенной дорогѣ. Если-бы, проникнувъ наше намѣреніе защищать Калужскую до-

рогу, онъ, поспѣвая, не смотря на грозный видъ всей нашей арміи за Малымъ-Ярославцемъ, приказалъ своимъ войскамъ опъ Верей и опъ Можайской дороги сворошиться въѣво и пробираться черезъ Юкновъ, копорый оспавался еще безъ защиты, по и самъ съ 70,000 войска могъ бы фланговымъ маршемъ, черезъ сел. Болдаково и Кремешское, пройти въ Мядынъ, а потомъ въ Юкновъ, выдерживая шапокъ нашей арміи, копорая не преминула бы его преслѣдовать. Эпощъ пушь не произвелъ бы оного ужаснаго распройсша, потерь и гибели его войску, какия послѣдовали вскорѣ на ренширадъ его по опусшоненной дорогѣ. Опъ Юкнова, Наполеонъ могъ бы безопасно слѣдовать по хлѣбородной и свѣжей для него спранъ, черезъ Масальскъ и Ельню, ведя за собою Русскую армію, и не подвергался фланговымъ нападѣніямъ. Прасму опемупленіе на Боровскъ, Можайскъ и Вазму, для шакого полководца какъ Наполеонъ, нажепся, непроспичельно; ежели надобно было ему изъ двухъ зомъ выбирать одно, по надлежало избрать менѣ вредное, а онъ поштупилъ напрошивъ.

По всѣмъ соображеніямъ, Малый-Ярославецъ рѣшилъ перевѣсь нашей арміи надъ неприятельскою. Довольно спранно, чиво въ одну и шу же ночь, съ 13-го на 14-е

Октября, оба арміи опшсупили опть города. Казалось, оба полководца были въ недоумѣніи одинъ къ другому, и оба не довѣрили своимъ силамъ. Наполеонъ пошянулъ войски къ Боровску, оставивъ только Корпусъ Даву и кавалерійскую дивизію въ Мало-Ярославцѣ, для замаскированія своего опшсупленія. Князь Кушуровъ, также со всею арміею, опшсупилъ къ с. Гончарову, и даже, говорящъ, намѣренъ былъ идти за Оку, если-бы Наполеонъ пошелъ за нимъ. Пронивъ Мало-Ярославца опшсая только авангардъ, соспоавшій изъ двухъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ корпусовъ, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича.

14-го Октября, по упру, непріятельскіе фланкёры начали задирашъ Казаковъ, шопорые опшсупали; видя это, и пѣхота наша поднялась съ мѣста. Мы опшсали наездъ 16 вершъ, и никакъ не полагали избѣгнушъ дѣла, а пошому спали въ боевой порядокъ на избранномъ мѣстѣ. Но Маршалъ Даву, опшсаливши насъ, пошелъ съ своимъ Корпусомъ къ Боровску, и оставилъ передъ нами только одну кавалерію.

Опшсуда начались шѣ ужасныя и небывалыя въ военной Исторіи бѣдствія, шспребившія прекрасную, побѣдоносную армію Французскую. Жизненныхъ припасовъ у насъ вовсе не было; опшѣ недоставка фу-

ража лошади падали сопнями и служили въ пищу шѣмъ, кого на себѣ носили. Непрiятель бросалъ повозки и фуры на дорогу, а зарядные ящики взрывалъ огнѣмъ недоспашка упряжныхъ лошадей. Туча всѣхъ бѣдсвiй: голодъ, холодъ, болѣзни, огнѣ и мечъ обрушились на великую армию Наполеонову; завѣса гибели надъ нею опустилась, и смерть, лютая смерть, являясь въ ужасныхъ видахъ, спала поглощающею своихъ жертвъ. Такъ возлепѣло мщенiе изъ пепла сожженной Москвы.

15-го Октябрия еще продолжали мы опшунаться, и заняли новую позицiю, удивляясь, что не только не видимъ за собою непрiятеля, но даже не слышимъ отдаленнаго выстрѣла, какъ вдругъ получили радостное извѣстiе, что передъ нами нѣтъ ни души Французской; всѣ они улетѣли.... Мы поспѣхъ двинулись впередъ, и къ вечеру заняли Малый-Ярославецъ.

Взврая на обгорѣлыя развалины домовъ и церквей, на обезображенные трупы убитыхъ, на мерзвую шипшину и пущошу, на курящiйся смрадъ, не лъзя было не содрогаться огнѣмъ шакихъ ужасовъ ожесшоченной брани. Одна церковь еще оставалась на площади, до половины съ верха обгорѣвшая; въ каменныхъ сѣнахъ нижней ея части были пробиты ружейныя бойницы; внуш-

Пошомъ, видно, врагъ узналъ о приближеніи Русскаго вождя; пошчасъ поднялась въ городъ тревога, забили въ барабаны, и всѣ нечесшавцы изъ церкви повыскакали вонъ. Тогда спарикъ, собравшись кой-какъ съ силами, улеся въ опдаленный уголокъ, прикрылся доскушьями порванныхъ ризъ, и ни живъ, ни мерщвъ, цворя молишву, ожидалъ чшо будетъ. Вдругъ вбѣжали въ церковь еще бунны, и во всю ночь пробивали дыры въ стѣнахъ. Съ насшупленіемъ для явились для спарика новые ужады: онъ слышалъ, какъ начали спрѣдшь изъ пушекъ и ружей; видѣлъ, какъ загорѣлся надъ его головою храмъ, угрожающій ежечасно подавшъ всѣхъ своимъ горящими развалинами. Не смотря на пламень, церковь нѣсколько разъ наполнялась врагами; прескъ ружейныхъ выспрѣловъ, мѣшалъ съ крикомъ сражающихся внѣ церкви, усиливался, и опашъ опдаллся; пошомъ спарець слышалъ спонѣ раненыхъ, говоръ идущихъ на смерть, и снова прескъ выспрѣловъ приближался и пули разсыпались надъ его головою. Однимъ словомъ, онъ увѣрялъ, чшо на шомъ свѣшъ, въ аду, не можеть бышь спрашше того, чшо онъ видѣлъ на яву. Для при спарець ничего не вѣлъ, и въ немъ едва оспавался духъ жизни. Солдашмъ съ священ-

нымъ изумленіемъ смотрѣли на него, какъ на святого, удивлялись его спасенію, и кто чпо имѣлъ отдавалъ *сердешному* изъ послѣдняго: грошь или сухарь. Спарикъ, увидѣвши своихъ, былъ внѣ себя, и какъ будто ожилъ отъ радости; съ напряженіемъ голоса рассказывалъ каждому о своемъ спасеніи и о всѣхъ ужасахъ сраженія. Оспался-ли онъ въ живыхъ, чпобъ пользоваться доспойно всеобщимъ уваженіемъ?... Мы спѣшили за р. Лужу, поднявшись на крутой берегъ, и для ночлега заняли оспавленные непріятелемъ биваки.

16-го Октябрия, авангардъ Генерала Милорадовича пошелъ къ Мядыни, а съ нами за Малымъ Ярославцемъ оспались только два полка, Елецкій и Полоцкій, и мои 8 пушекъ (чешыре находились въ опрядѣ Генерала Дорохова); сверхъ того при Карачин полка. Эшопъ опрядъ, подъ начальствомъ Генерала Карпова, соспавленъ былъ для преслѣдованія непріятеля. Но мы не видѣли Французовъ; они шакъ скоро уходили, чпо Казаки не успѣвали догонять ихъ.

На другой день опрядъ нашъ соединился съ авангардомъ Генерала Милорадовича, при с. Егорьевскомъ; пошомъ пошли мы прямо на Гжашскъ, и у сел. Головина ночевали.

Во время нашихъ переходовъ черезъ селенія, мы не видали въ нихъ ни души крестьянъ, исключая однихъ шарухъ, копоры кой-гдѣ показывались, какъ пуспынными привидѣнія. Войски, для ночлеговъ располагались на биваки близъ самыхъ селеній, гдѣ находили для себя довольно дровъ и соломы, покуда еще не приблизились къ большой опущенной дорогѣ. Тяжело, грустно смотрѣшь, какъ, расположившись близъ деревушки, пойдешь изъ всѣхъ полковъ команды за дровами и соломой: заборы шрепають, крыши распадаются, и цѣлыя домишки мигомъ исчезаютъ. Пономъ всѣ солдапы, какъ муравьи, съ шажками ношами шапаются въ лагерь, и строятъ себѣ—новую деревеньку. Большія селенія доставляли пристанище и офицерамъ; иногда мнѣ съ товарищемъ доставалась крайняя избушка, въ которой мы съ удовольствіемъ валялись на соломѣ, послѣ продолжительной бивачной жизни.

На походѣ встрѣчались намъ воины-мужички, верхомъ на своихъ возовикахъ: иной съ косою, утвержденною на длинномъ древѣ, другой со шпыкомъ, прирученнымъ къ дубинѣ, шрепій съ большимъ гвоздемъ, прирученнымъ къ дрючку, на подобіе пинки, или съ рогатиною за спиною; рядкій являлся съ правильнымъ оружіемъ. Вы-

взжая къ намъ изъ лѣса, гдѣ скрывались ихъ семейства съ имуществомъ, они насъ привѣщивали, поздравляли съ бѣгствомъ врага супоспаша, и, являя грозный видъ вооруженія, рассказывали о своихъ подвигахъ. Мы охотно вступали съ ними въ разговоры, и слышали довольно любопытныя анекдоты о ихъ войнахъ.

« Сперва — говорилъ одинъ воинъ — мучничекъ — мы боялись бытъ Француза, « чтобы насъ за шо не пошлянули въ судъ ; « когда и удавалось въ одиночку загубить « нехристия, шо прятали окавинныхъ въ ко- « лодцы и подъ солому. Ну, ужь какъ « пришелъ приказъ изъ Губернскаго, и « намъ Исправникъ сказалъ: Ребята ! бей « Француза на пропалую ! — тогда-шо мы « развернулись. » —

У такихъ воиновъ были предводителями опытные солдаты, или Казаки; иные сами выбирали изъ своихъ ребятъ въ воеводы дюжого бурмиспра, или удалаго цѣловальника. Съ приближеніемъ непріятельской парши къ селенію, пономари презвонили во всѣ колокола ; тогда вооруженные, кто чѣмъ, со всѣхъ сторонъ спекались на площадь, и если мародеры были по ихъ силамъ, шо на нихъ нападали и одолевали, а иначе разбѣгались въ лѣсъ, куда уже напередъ прятали жемъ, дѣшею и лучшіе пожитки.

обнаженный палашъ; другой не ложился и не скинулъ ни лапъ ни шишака, но сълъ за споль, положилъ передъ собою писполешъ, и, облокопившись, оперся лицомъ на оба кулака. Богашыри, опасаясь креспянь, довольно взяли предоспорожностни, и, казалось, посмѣнно хопѣли опдыхашъ; но какъ они оба были чрезвычайно ушомлены, по, послѣ порядочнаго угощенія, кирасирь, лежавшій на скамьѣ, скоро захрапѣлъ, да и часовой на кулакахъ шо-же прикурнулъ. Тогда парень далъ знашь міру, чпо заснули. Мужики того и ждали; собравшись вновь и перешепшываясь на дворѣ, совѣшовались, какъ присшупишь. Вызвались охощники: одинъ съ шопоромъ, другой съ запяжною пешлею на канашъ. Оба разулись, и, перекреспившись, вошли пихонько въ избу; пошомъ подкравлись, каждый съ своимъ снадобьемъ, къ соннымъ богашырямъ, и, взглянувшись, разомъ, одинъ хвашилъ шопоромъ въ голову лежачаго, а другой накиннулъ пешлю на сидячаго. Первый богашырь шолько чпо вздрогнулъ и прошянулся, а другой вскочилъ, но за концы канаша креспяне уже держались міромъ при дверяхъ, снаружи: онъ не успѣлъ опомнишься и схвашишь писполеша, какъ былъ уже выпашценъ силою канаша за шею вонъ. Эшомъ бога-

шырь спарался полько удержашь давлє-
 нїе пєшли , чшобы не задушили. Слѣдую
 пришняженїю канаша , онь сунулся прамо на
 мужиковъ , но они ухипрились развеспи
 концы канаша въ пропивныя спороны ;
 шогда богашырь спалъ между двумя сила-
 ми: сунєшся-ли къ одной споронѣ , другая
 его шянєшь , бросишся-ли къ эшой , пер-
 вая поправишся. Такимъ образомъ долго они
 съ нимъ возились , какъ съ добрымъ медвѣ-
 демъ ; напослѣдокъ , боровишсь и напрягая
 силы , « великанъ (продолжалъ мужикъ)
 « умаялся , башюшко , и повалился , какъ
 « глыба ; шущь-шо мы его доколопили ,
 « чѣмъ попало. » —

Слыша шакїє рассказы , не лѣзя было не
 содрогашься ожєшшоченїю Русскаго народа
 прошивъ своихъ раззоришєлєй : возбужден-
 ный фанатишзмъ выходилъ за предѣлы че-
 ловѣчєшшва. Такъ въ народной войнѣ исче-
 заюшъ всякїя правила , и непришшєли слѣ-
 дуюшъ единшшвенно побужденїю ожєшшоч-
 чєннаго сердца — испрєбляшъ другъ дру-
 га ушшочєннымъ варваршшвомъ.

20-го Окшшября , авангардъ Генєрала Ми-
 лорадовишча находилъся въ 40-ши вершшпахъ
 ошъ Гжашска. Мы видѣли пламя , пожир-
 равшєє городъ , кошпорый заняшъ былъ Ка-
 заками. Приближаясь къ Можайской доро-
 гѣ , слышали взрывы пороховыхъ ящиковъ.

Большая дорога была у насъ уже передъ глазами; сквозь аллею высокихъ деревъ мы видѣли Французовъ, шедшихъ гуспными колоннами, съ великою поспѣшностію. Солдаты горѣли неперпѣніемъ ударишь на нихъ; уже Генераль Чоглоковъ повелъ свой полкъ и крикнулъ: Ребяна! за мной!... но его ошановили, попому что спало смеркашья, и покуда онъ успѣлъ-бы дойдти до непріятелей, ночь скрыла-бы ихъ. Только кавалерія Генерала Корфа имѣла небольшую сшибку при Царево - Займищѣ. На ночь мы спали въ боевую позицію и расположились биваками; но какъ огни наши могли бытъ замѣчены непріятелемъ, и мы сами, по близости къ нему, подвергались нечаянному нападенію, но въ полночь опять перемѣнили мѣсто, и спали такъ, что насъ не было видно. Холодный вѣперъ съ морозомъ предзнаменовали скорую зиму. Приближаясь къ опущенной дорогѣ, мы сами начали терпѣть нужду, и особенно лошади наши: фуража вовсе не было, и бѣдныя жившныя кормились только гнилою соломою съ крышь. Еще у меня былъ небольшой запасъ овса опѣ Тарушинскаго лагеря; будучи хозяиномъ въ Фигнеровой ротѣ артиллеріи, я весьма экономилъ овсомъ, и только лакомилъ имъ лошадей. День опшо дня спановилось пятгосп-

нѣе; исправность артиллеріи зависѣла отъ лошадей, а попому я старался сберегать ихъ, покрывая попонами; канонеры - же кормили ихъ иногда сухарями.

На другой день войски шли параллельно съ непріятелемъ, верспахъ въ трехъ отъ большой дороги, и не предпринимали ничего до слѣдующаго дня. На биваки, для ночлега, остановились при с. Спасскомъ.

22-го Октября, въ 12-ти верспахъ отъ Вазмы, на разсвѣтъ дня, услышали мы впереди пушечные выстрѣлы. Тамъ кавалерія нашего авангарда уже вснупила въ дѣло; тогда пѣхотѣ велѣно было послѣпшипъ, и всѣ побѣжали впередъ. За дер. Максимовой пѣхота построилась въ колонны; егеря и мои два орудія пошли впередъ. Генераль Чоголковъ приказалъ намъ занять дежачій впереди лѣсъ, примыкавшій къ большой дорогѣ. Между цѣпью стрѣлковъ, я на отвозахъ пошелъ съ двумя заряженными единорогами впередъ. Стрѣлки вошли въ лѣсъ тихо, безъ выстрѣла, и, не доходя большой дороги, остановились. Вскорѣ я увидѣлъ по большой дорогѣ идущую Французскую артиллерію; пошчасъ крикнулъ егерямъ, чшобъ они ударили изъ ружей, а самъ бросилъ изъ единороговъ двѣ гранаты, и, зарядивъ ихъ карпечью, пошелъ къ дорогѣ. Ко мнѣ пошчасъ явились Казаки,

копюрыхъ одинъ Гаврильчъ приманилъ, махая шапкою. Французы выславили прошивъ насъ спръляковъ, опть копюрыхъ я долженъ былъ оббивашься карпечью; за спръляками ихъ, прошивъ моихъ орудій, показались красные гусары; но увидѣвши за мною Казаковъ, они не осмѣлились сдѣлать нападенія. Я со спръляками все подвигался впередъ, по шропинкѣ, между кушарникомъ; Французы не хотя уступали, опть чего завязалась у насъ жаркая переспрълка съ ними. Скоро мы вышли на большую дорогу и, вправо за вею, въ лоцинѣ, увидѣли припавшуюся колонну Французской пѣхоты, въ сѣрыхъ шинелькахъ. Опасаясь, чшобъ они не ударили намъ во флангъ, я оставилъ егерей, велѣлъ единорогамъ приготовившись встрѣпить непріятели, а самъ поскакалъ назадъ, и привелъ рысью еще двѣ свои пушки, копорыя послали вправо на возвышеніи. Только чшо успѣли изъ нихъ пуспиль въ колонну два ядра, какъ вся она изъ лоцины побѣжала черезъ поле; шогда Казаки бросились черезъ дорогу и кололи бѣгущихъ безъ пощады. Послѣ шого, я съ егерями и Казаками совершенно овладѣлъ дорогою; оставшіяся позади насъ непріятельскія войски должны были своропиль вправо и пробираться къ городу черезъ поле. За ними посланъ былъ

Елецкій полкъ съ Маіоромъ Тишинымъ, и 6-ть орудій 2-й легкой роты съ Поручикомъ Дядинымъ, къ копорымъ я велѣлъ примкнушь и своимъ двумъ пушкамъ, а самъ, съ двумя единорогами, оспался на большой дорогѣ; потомъ, вмѣстѣ съ егерями и Казаками, напирая на Французовъ и выдерживая жестокій огонь ихъ, напкнулись мы на обозъ. Тулъ прикрышіе встрѣшило насъ градомъ пуль и ядрами; но моя карпечь, шпыки егерей и пики Казаковъ общимъ ударомъ разспроили защитниковъ: весь обозъ достался намъ въ добычу. Въ эпой схващкѣ увидѣлъ я шрогашельное зрѣлице: спарый Казакъ, съ сѣдою бородою, пробившій въ грудь пулею, шашался на лошади, съ пошупленными взорами; смершная блѣдноспь покрывала лицо его. Онъ былъ поддерживаемъ двумя молодыми Казаками, копорыхъ гореспшныя лица и слезы на глазахъ давали ясно разумѣшь, что эпо былъ ихъ ошець. Но прочіе шоварици ихъ веселились найденною въ обозъ добычею. Я подѣхалъ къ одной опрокинушой фурѣ, изъ копорой высыпалось множеспво книгъ; ихъ никшо не шрогалъ: эпо была моя добыча. Наскоро пересмошрѣвъ кой-какія, я наполнилъ ими оба передка единорожныхъ лафетовъ. Книги большею часпшо были медицинскія; мнѣ достпались сочиненія Боннеша,

Флора Ботаническая, и еще нѣсколько физическихъ. Въ то-же время мой барабанщикъ нашелъ въ кусту Французскаго спирѣлка, копорый, не успѣвъ уйдти съ своими, спардонился; но барабанщикъ, выпавивъ его за шиворопъ, поржесшвенно спросилъ меня : Ваше Благородіе ! что прикажете съ нимъ дѣлать ? — « Опдай Казакамъ ! » — И только что онъ выпустилъ Француза и сказалъ: Ребяша! возьмише его! какъ нѣсколько пикъ успремилось на беззащитнаго, копорый, видя неминуемую гибель, спалъ бѣгашъ и увершывашься, но скоро былъ сбитъ и заколошъ... Я укорялъ себя въ смерши этого несчастнаго, не ожидая такоаго люшаго мщенія опъ ожесшоченныхъ. — Вскорѣ подѣхалъ къ намъ Генераль Милорадовичъ, похвалилъ наше спремленіе, и, подкрѣпивъ еще пѣхопою и драгунами, велѣлъ сильнѣе давишь непріащелъ.

Французскій Корпусъ Вице-Короля, по лѣвую спорону дороги, еще держался на выгодной позиціи; но когда мы, спремясь по дорогъ, спали сбивашъ лѣвый флангъ его и охващывашъ пылъ, шогда онъ началъ опспупашъ къ городу. Съ этой спороны дѣйшвовала на него почши вся наша 44-я дивизія; особенно батальонъ 33-го егерскаго полка, Казаки и мои два едино-

рога не позволяли Французамъ ни минушы держаться на дорогѣ. Послѣ выстрѣловъ каршечью изъ единороговъ, колонна неприятельская распроивалась, егери съ крикомъ: ура! бросались на нее въ шшыки, а Казаки кололи бѣгущихъ; тогда новый градъ пуль всѣхъ насъ оспанавливалъ, и заспаивалъ опять начинашь съ каршечи. Въ эпомъ дѣйствіи у меня ранили одного фейерверкера, шрехъ канонеровъ, и двухъ убили. Генераль Милорадовичъ, замѣшивъ наше удалъство, прислалъ Адъюшанша спросишь, чьей рошы артиллерія? — ошвѣчали: Фигнера! — и Адъюшаншъ записалъ мою фамилію и двухъ фейерверкеревъ.

Въ подкрѣпленіе 11-й дивизіи, по полудни, Генераль Милорадовичъ прислалъ 26-ю дивизію Генерала Паскевича. Тогда войски большою массою спали пѣснишь неприятеля къ городу, передъ кошорымъ Вице-Король и Маршалъ Даву съ своими Корпусами спояли въ швердой позиціи, и вспрѣшили насъ бапареями. Съ нашей спороны выспавили шакже бапарею, и съ обѣихъ споронъ ошкрылась сильная канонада. Тупъ я не былъ въ дѣйствіи; находившись съ самага ушра въ горячемъ дѣлѣ со спрѣлками, мои канонеры измучились и проспрѣлялись зарядами.

Между пѣмъ кавалерія Генерала Уварова,

присланная опъ большой арміи, ударила въ правый флангъ непріятеля; Генераль Платшовъ спалъ съ Казаками обходящъ лѣвый флангъ; тогда Французы принуждены были сойдши съ позиціи, и отступили къ городу. Колонны 44-й и 26-й дивизій двинулись за ними. Генералы Чоглоковъ и Паскевичъ, съ наспуленіемъ вечера, довершили поражение: первый съ Перновскимъ, а второй съ Бѣлозерскимъ полками вошли въ пылающій со всѣхъ сторонъ городъ, и штыками очистиши улицы опъ непріятеля; всѣ оставшіеся въ домахъ для защиты были испреблены или взяты въ плѣнъ. Непріятель, вышѣсненный за городъ, померялъ-бы оспальное, если-бы Маршалъ Ней, расположивъ Корпусъ свой по Дорогобужской дорогѣ, не прикрылъ спасавшихся.

Въ этомъ сраженіи участвовала большая часть Наполеоновой арміи противъ авангарда Генерала Милорадовича. Смѣлоспъ, съ кошорою ученикъ Суворова напалъ на превосходнаго въ силахъ непріятеля, показывала въ немъ увѣренноспъ въ мспишельной храброспи Рускихъ. Преимущеспво нашего оружія было очевидно: непріятель почти вовсе не имѣлъ кавалеріи, и артиллерія его противу прежняго дѣйствовала слабо и неудачно.

Къ ночи я собралъ свою ропу артилле-

рин , сдѣлалъ счесть убишымъ и раненымъ при 4-хъ орудіяхъ , находившихся въ дѣйствіи , и пошомъ расположился близъ самаго города , при чемъ занялъ для себя съ артиллерисшами мѣсто у стѣны большого каменнаго дома , споявшаго при вѣздѣ , на краю улицы ; шущъ приладились мы безъ балагановъ , развели веселые огни , и заварили кашицу . Пламень распроспранялся по всему городу , при чемъ слышны были иногда взрывы и выспрѣлы . Около насъ валялись убишые и полумершвые Французы . Передъ нами , по дорогѣ взадъ и впередъ , безпреспанно ѣздили и ходили . Опъ пожараго и бивачнаго огня было пакъ свѣшло , какъ въ шоржеспвенные дни опъ иллюминаціи . Мы шочно шоржеспвовали славную для насъ побѣду , при чемъ уже видѣли свое превосходство надъ спрашнымъ непріашелемъ , и надѣялись вскорѣ увидѣшь послѣднее его испребленіе . Къ нашему огоньку подѣзжали офицеры погрѣшья , или выпишь спаканъ чаю съ черспвыми сухарями , кошорые оспавались у насъ единспвенными кормильцами ; но удовольшвіе , чшо гонимъ непріашеля изъ опечесшва , замѣняло всѣ лакомшва .

Между многими госпями , къ нашему огоньку подсѣлъ одинъ мушкешеръ Перновскаго полка , раненый въ руку , и держав-

шій въ другой рукѣ золошой шпабъ-офицерскій эполетъ. Эполетъ солдакъ съ энтузіазмомъ разсказывалъ, какъ полкъ ихъ, предводимый Генераломъ Чоглоковымъ, распусшивъ знамена, съ барабаннымъ боемъ бросился первый въ шпыки на Французовъ, чрезъ ихъ пули; какъ Французы, успрашась споль смѣлаго нападенія, давили и гнали другъ друга, а Перновцы любаго кололи и мигомъ очиспили улицу; какъ изъ домовъ, сквозь окна, много вредили имъ Французскіе спрѣлки, кошорыхъ однако они выгнали, и половину перекололи, а оспальныхъ, спардонившихся, полонили. Самъ мушкешеръ въ первой спычкѣ пырнулъ шпыкомъ во Французскаго Полковника, и сорвалъ съ него эполетъ; но будучи раненъ шпыкомъ Французскаго гренадера, упалъ, и оспался для перевязки раны, не позволяя никому взять у себя эполета. Онъ гордился этимъ професемъ. За такой подвигъ не лзя было не дать молодцу спакана чаю.

Занимательнѣе всего была одна Русская женщина, Московская мѣщанка, довольно хорошо одѣшая. Она пришла къ нашему огоньку съ воплемъ и слезами, укушывая на рукахъ груднаго младенца. « Ахъ! бапьюшки, родимые! спасише! » кричала она. Я подозвалъ ее, и, посадивъ подлѣ себя, спалъ

ушѣшай, попомъ даль чаю, и распрашивалъ откуда она и какъ зашла сюда? Ободрившись, женщина объявила, что взята изъ Москвы въ услуги къ одному женатому Французскому Полковнику, котораго въ нынѣшнемъ сраженіи убишъ, а жена его съ обозомъ попалась за городомъ Казакамъ; она же, кормилица, успѣла уйдти и спряшашься въ одномъ домѣ, но среди пожара и всѣхъ ужасовъ шеперь не знаешъ, куда приклонить голову, чшобы спасши, не сполько себя, какъ бѣднаго сиротку. Она безпрестанно его нянчила, давала груди, и обливала горькими слезами.—« Да вѣдь онъ « Французенокъ? » сказалъ я: « чшо тебѣ жалѣшь его? » — « Ахъ, если-бъ вы знали, « говорила она, какъ были добры и ласковы эти господа! Я жила у нихъ, какъ « у родныхъ своихъ. Можно-ли мнѣ не любить ихъ бѣднаго сиротки? Онъ со мной « не разстанешся: развѣ шолько одна смерть « разлучитъ насъ! » — Добрая женщина заливалась слезами, и прижимая къ груди спокойнаго малютку, нянчила его, повсюду говоря: « О, бѣдный, бѣдный сиротка! »—Это явленіе было для всѣхъ очень прогашельно. Любопытные собирались вокругъ женщины, которая, желая укрышься отъ нескромныхъ взоровъ глазѣющихъ солдатъ, и будучи уже нѣсколько успокоена, поблагодарила меня

за пріемъ, и попомъ опходя сказала, что пойдешь искашь себѣ безопаснаго приспа- нища, покуда можно будешь добрашься до Москвы.

Военный шумъ началъ мало по малу ути- хать; настала полночь, огни угасли. Подъ опкрытымъ небомъ, зарывшись въ солому и накрываясь пулупами и бурками, засы- пали мы въ различныхъ мечшахъ вообра- жения, полнаго сильными впечатлѣніями цѣ- лаго дня.

Такъ, на военномъ поприщѣ не рѣдко встрѣчающіяся явленія, какихъ не бываетъ въ мирной жизни. Война представляеть всѣ ужасы и бѣдствія человѣческіе, по- трясающіе душу; они возвышають насъ среди всякихъ опасностей. Кто не бывалъ на войнѣ, тотъ не научился презираеть смерть. Обыкновенныя несчастія въ мир- ной жизни ничтожны предъ военными бѣд- ствіями. Здѣсь не доспаешь ни вздохомъ, ни слезъ: испочникъ ихъ изсякаетъ, и сердце война швердѣеть, подобно шой спа- ли, копорою онъ наносить смерть врагу опечесства.

ГЛАВА IX.

ОТЪ ВЯЗЬМЫ ДО КРАСНАГО.

Видъ Вязьмы послѣ сраженія. — Следы вѣдствій непріятели. — Состояніе нашихъ войскъ. — Ночлегъ въ Дорогобужѣ. — Встрѣча съ Фигнеромъ. — Дѣйствіе наблюдательнаго корпуса. — Квартированіе въ с. Ковызевѣ. — Приказъ Фельдмаршала. — Военное замѣчаніе.

23-го Октября кавалерія нашего авангарда продолжала преслѣдовать непріятели, а мы съ пѣхотою осматривали дневали. За ночь выпалъ снѣжекъ, прикрывшій слегка обгорѣлыя развалины города и трупы убитыхъ. Городъ представлялъ ужасную картину опустошенія. — Артиллеріи моей вѣрно было спастись по другую сторону города. Проходя съ орудіями черезъ улицы, я не могъ безъ содроганія смотрѣть на предстоящее. По всему пространству города почти ни одного дома не было уцѣлѣваго: стояли однѣ обгорѣлыя стѣны, изъ коихъ многія, рассыпавшись по улицамъ, заграждали путь. Весь городъ превращенъ былъ въ развалины и кладбище;

по всѣмъ улицамъ лежали разбросанные трупы убитыхъ Французовъ, прикрытые снѣгомъ; вездѣ валялись обломки разнаго оружія, опрокинутыя фуры, погорѣлые оспашки взорванныхъ зарядныхъ ящиковъ, кой-гдѣ стояли пушки. Непріятность зрѣлища увеличивалась смрадомъ отъ вчерашняго пожара: въ развалинахъ повсюду курилось. Въ самой срединѣ города новое явленіе: тушъ были собраны всѣ плѣнные Французы, пылячъ до двухъ, оборванные, обгорѣлые, почернѣвшіе, съ искаженными лицами — и чѣмъ они занимались? Дѣлежемъ мяса издохшихъ лошадей. Одни усердно рѣзали себѣ большіе куски изъ окороковъ, другіе съ жадностію дѣлили печенку и легкое, какъ нѣжнѣйшія частіи; иные, получивъ желаемое, съ удовольствіемъ держали мясо за плечами на шомполахъ и занимались шумною бесѣдою; нѣкоторые тушъ-же, въ споронѣ, надъ огнемъ развалинъ зданія, жарили свои порціи, посыпая ихъ, вмѣсто соли, порохомъ. Споявшіе вокругъ конвойные солдаты наши смошрѣли на шрудящихся съ отвращеніемъ, и конечно, признавая внутренно всю мѣру ихъ бѣдствія, чувствовали себя счастливейшими при однихъ сахарахъ, не будучи доведены до подобной крайности. Въ толпѣ этихъ несчастныхъ

я не замѣшилъ ни одного офицера; ихъ участіе была лучше. Здѣсь плѣнныхъ раздѣляли на паршіи, и каждую особо ошсылали, подѣ прикрытіемъ Казаковъ, далѣе внутрь Россіи.

Проѣзжая Вязьму, я нечаянно увидѣлся съ паршизаномъ Фигнеромъ, копорый ѣхалъ вмѣспѣ съ собратомъ своимъ Полковникомъ Сеславинымъ; онъ пакъ спѣшилъ, что успѣлъ шолько поздороваться со мною. Паршизаны казались друзьями; Сеславинъ, въ гусарскомъ мундирѣ, обнаруживалъ въ лицѣ своемъ не гусарское удалѣство, но поспоянное мужество; Фигнеръ, въ скромномъ аршиллерійскомъ мундирѣ, былъ и моложе его годами, но увлекался живостію и быспрошою своего характера. Во вчерашнемъ сраженіи они оба съ своими паршіями приняли большое участіе, противъ праваго фланга непріятелей.

На другой день, вслѣдъ за Французами, шли мы большою Смоленскою дорогою, и съ ужасомъ видѣли по ней безпрерывное кладбище, или какъ-бы дѣйствіе опустошительной чумы: на каждой верствѣ валялись по нѣскольку десятковъ упалыхъ лошадей и шрупы погибшихъ Французовъ; между ними опрокинутыя фуры, или взорванные пороховые ящики. Видѣли, какъ у многихъ околѣвшихъ лошадей были вырѣ-

заны мягкія часпи ; видѣли, о ужась ! въ упробѣ одной пакой лошади, Француза , схвапившагося обѣими руками за печенку, и видно хопѣвшаго ѣспѣ ее ; но люпый морозъ окаменилъ его въ эпомѣ положеніи, чшобы явишь намъ высочайшую степень чловѣческаго бѣдспвіа.—Иные несчастные войны, оспавшіеся на дорогѣ, хопя были живы, но опѣ сильного изнуренія и голода поперяли употребленіе языка , и шолько слабымъ движеніемъ рукъ обнаруживали въ себѣ оспашокъ жизненности. Въ пакомъ положеніи нашли мы на дорогѣ, подѣ деревомъ, сидѣвшаго бѣлокураго , въ понкомѣ синемъ мундирѣ , подѣ шреугольною шляпою, офицера: глаза его были полуопкрыты, голова склонилась на спорону, смерпная блѣдность покрывала прекрасное лицо ; онѣ не внималѣ нашимъ вопросамъ ; правая рука его еще двигалась къ сердцу, но свѣпѣ дня , казалось , для него мрачилось; глаза вдругѣ спали неподвижны, и онѣ угась передѣ нами . . . . духъ его взлеспѣлъ изъ бѣдной оболочки земной въ высоту небесную.

Такіе ужасы, являвшіеся въ продолженіе нашего пупи опѣ Вязьмы, производили въ насъ непріятныя впечатлѣнія. Не смопря на шо, что Французы были нашими врагами и раззорителями, чувспво чловѣче-

спва не могло въ насъ заглушишься мщеніемъ до такой степени, чшобъ мы не соспрадали ихъ бѣдспвіямъ; многіе солдашы опшходили опъ эпихъ предметовъ ужаса съ сожалніемъ, и, будучи до глубины сердца шпрунушы свирѣпосшію войны, проклинали виновника оной, Наполеона, какъ испребителю рода челоувѣческаго, благодаря Провидніе и попечительное Начальство, чшо сами еще не доведены до такой крайности.

Впрочемъ и у нашихъ войскъ не было избылія; солдашамъ едва доспавало съ экономіею сухарей, а кашица ихъ, копорую рѣдко варили, была шакъ жидка и поспна, чшо, подлинно, крупинка за крупинкой гонялась съ дубинкой. Пропивъ холода мы были довольно обезопасены: еще въ Тарушинскомъ лагерѣ роздали въ полки и артиллерійскія рошы на большую часть солдашъ шулупы и валенки; сверхъ шого у насъ была кой-какая своя теплая одежда, и мы безъ крайней нужды еще не выходили изъ обыкновенной формы одежды. Опъ Вязьмы до Дорогобужа зима шолько начинала ушпановляться, но по ночамъ бывали морозы болѣе 10 градусовъ. Ночью, мы обогрѣвались передъ огнями и спали около горящихъ головешекъ, поджигая себѣ бока, а днемъ, будучи въ движеніи, не чувспвовали холода. Лошади болѣе шерпѣли

опть спужи и голода ; сѣна вовсе и давно не было, а запасъ овса испощился. Мы радовались , ежели, спановясь на спарые биваки, находили кой-гдѣ солому и клочки сѣна, для поддержанія своихъ изнуренныхъ лошадей. Опть Вязмы, съ половины каждаго перехода, я посылалъ фуражировъ съ вьюками впередъ на кавалерійскіе биваки, для собиранія кой-какихъ осшашковъ ; но какъ и полковые спали по-же дѣлашь, по мои пощія , изнуренныя лошадки едва шацились съ пушками. Въ полкахъ и въ аршиллеріи убыль людей была весьма примѣшна. Не смошря на шо, что мы въ Тарупинскомъ лагерѣ почти укомплектовались, и не пошерпѣли ни гдѣ сильной пошери въ людяхъ, усшальные и больные уменьшили ряды шакъ, что всю дивизию пѣхошы, сосшоящую изъ чешырехъ полковъ, можно было окинушь глазомъ на полвершы, а при пушкахъ вершѣлось человѣка по два и по шри канонеровъ. За шо всѣ шли бодро, не замѣчая ни убыли, ни нужды ; съ каждымъ переходомъ ушѣшались нѣмъ, что бивакировали на опшняшой у неприяшеля своей землѣ.

Такимъ образомъ прошли мы съ авангардомъ Генерала Милорадовича до Дорогобужа, по большой опущошенной дорогѣ; глав-

ная армія шла спороною, и, кажется, не щерпѣла никакой нужды.

Никогда я не забуду того ночлега, копорый имѣлъ въ Дорогобужѣ съ 26-го на 27-е Октябля. Мы вошли въ городъ уже съ наспуленіемъ вечера. Аршиллерію я поставилъ у дороги въ споронѣ, а для себя занялъ крайній дворъ. О домахъ говоришь нечего: они, поспроенные изъ дерева, были всѣ выжжены, и обгорѣлыми развалинами своими ограждали дворы, изъ копорыхъ лучшіе были занимаемы спаршими офицерами. Биваковъ шушь не изъ-чего было спроишь; армейскіе солдапы ночевали, съ большою нуждою жарясь около огня, подъ ошкрытымъ небомъ, безъ палашокъ; аршиллериспы-же мои, нагрѣвшись около аршельныхъ огней, забивались спашь около лошадей и подъ лафеты. Я имѣлъ у себя солдашскую палашку, копорую здѣсь велѣлъ разбишь въ заняшомъ дворѣ; со мною оспавался шоварищемъ одинъ Подпоручикъ Баронъ Унгернишпернбергъ, а прочіе находились, шо за болѣзнію, шо въ командировкѣ, не при ропѣ.

Когда мы успроились на мерзлой землѣ, покрышой снѣгомъ, и передъ палашкою развели благодѣшельный огонекъ, я осмошрѣлся и увидѣлъ вокругъ палашки лежащіе шрупы людей и лошадей, слабо освѣщае-

мые бивачнымъ огнемъ. Но какъ мы уже привыкли сморъпшь на эпо , и не разъ наслаждались крѣпкимъ сномъ среди подобнаго кладбища, забывая всѣ предразсудки младенческаго , по окружающее не долго насъ занимало ; морозъ скрючивалъ наши члены, и мы спарались опогрѣваться. — Между шѣмъ огонекъ и палашка, въ опдаденіи опъ прочихъ, спали привлекашь къ себѣ раненыхъ и изнуренныхъ Французовъ, шапавшихся, во мракъ ночи, среди развалинъ , подобно привидѣніямъ. Сперва пришелъ къ намъ длинный , пощій Нѣмецъ , видно кавалеристъ : одежды на немъ не лъзя было различить. Мы замѣнили только, что ноги его, по недоспашку въ обуви, были укушаны въ мѣшокъ , копорый хитрый Нѣмецъ привязалъ къ своимъ колѣнамъ, и съ нимъ медленно къ намъ подвигался, какъ чучела. Лицо его было сполько-же черно, какъ одежда, голова укушана лоскушками , рукъ не было видно : онъ прижался сплошно къ шуловищу. Первое слово его было сказано слабымъ, спраждающимъ голосомъ : *Erbarmet euch, gebt mir Brod!* — Онъ сълъ подлѣ огня. Искаженное лицо его приняло радостный видъ опъ благошворной пеплошпы пламени, и еще болѣе , когда мы дали ему черспвый сухарь , омоченный въ горячую воду. Съ большимъ усердіемъ ломалъ

онъ надъ нимъ свои зубы , воздавая намъ непрерывное благодареніе. Мы заговорили о Наполеонѣ. Едва имя эшо коснулось его слуха , какъ тысячи прокляшій : *Seu er verdammt und verflucht in Ewigkeit!*—спали изливаясь изъ устъ несчастнаго спрадальца на виновника всѣхъ бѣдспвій. — Вскорѣ за нимъ явился другой , наспоящій Французъ , въ шинелькѣ и въ киверѣ , подпираясь коспылемъ ; онъ былъ раненъ въ ногу. Эшопъ казался бодрѣ , хопя шакже весьма изнуренъ и слабъ. Первое слово его было : *Messieurs! du pain!* — Тогда длинный Нѣмецъ переспалъ бранишь Наполеона , и , видно опъ ненависти къ Французамъ , усшупилъ свое мѣспо пришедшему , а самъ , поблагодаривши насъ , пошелъ искашь инаго приспанища. Французъ говорилъ немного , и жаловался шолько на холодъ. Мы , уже опшпивши чай , дали ему сухарь неразмоченный , но онъ не въ соспоянніи былъ грызшь его. Видя шщепныя усилія Француза надъ Русскимъ сухаремъ , я спросилъ его : спалъ-ли-бы онъ ѣспъ лошадиное мясо ? — « Почему не шакъ ? въ нуждѣ нѣшъ закона ! » сказалъ онъ. Указавши ему на близъ-лежащую лошадь , я предложилъ , чшо онъ можешъ шущъ-же удовлетшворить свой аппешитъ. — « Если-бъ шолько у меня было чѣмъ опрѣзашъ часпъ , »

говори́лъ онъ. Ему подали попоръ , и я хошълъ видѣшь операцію. Французъ съ попоромъ поплелся къ лошади и, павъ на несколѣнами, спалъ шюкашь, сколько въ немъ было силы; но морозъ окаменилъ ее. Видя невозможность добышь себѣ мяса, бѣднякъ возвратился къ огню и, положивъ попоръ, сказалъ весьма равнодушно : *Que faire ! il faut mourir !* — Онъ шущъ-же легъ. Последнія слова его сдѣлали во мнѣ сильное впечатлѣніе. Какъ въ споль жеспокой крайности имѣшь такую пвердоспъ духа, и съ такимъ равнодушіемъ ожидашь смерти ! при шомъ безъ малѣйшаго вопля и шпенанія, безъ малѣйшей жалобы на виновника своихъ бѣдшвій ! Тронутый его положеніемъ до глубины сердца, я давалъ ему сухарей, какіе у меня еще оспавались, но Французъ не принималъ ихъ, говоря, что не въ сосшояніи пользоваться моимъ благодѣяніемъ . . . . Я скрылся въ палашку подъ шулупъ—огонь угасъ—сильный морозъ заспавилъ меня въ собшвенной пеплспѣ своей погрузишь въ безчувшвенность сурка, оставивъ Француза его бѣдшвенной участи . . . .

27-го Окшября Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ пошелъ спороною влѣво, проселочными дорогами, оспавивъ прелѣдованіе вепрлшела по большой дорогѣ Гене-

ралу Юрковскому съ Казаками и драгунами.

Мы подходили къ с. Ляхову , когда попались намъ на встрѣчу плѣнные Французы разбитой бригады Генерала Ожеро. Изъ всѣхъ непріятельскихъ войскъ эпо былъ одинъ опрядъ , сдавшійся Рускимъ почти безъ драки, и не испытавшій ни мало шѣхъ бѣдспвій , кошорыми поспигнушы были спарыя войски. Плѣнные казались довольно сыпыми, въ новыхъ синихъ мундирахъ съ желпыми опворопами; шолько многіе шли безъ сапоговъ, въ онучахъ и поршняхъ, жалуюсь на Казаковъ , кошорые ихъ разули. Передъ селеніемъ увидѣли мы нѣсколько изрубленныхъ кавалерисповъ, сопровивлявшихся нашимъ паршизанамъ ; опсѣченныя руки валялись около обнаженныхъ шруповъ; кой-гдѣ, измяшые шишаки съ шигровою шкурою показывали, что они принадлежали драгунамъ или кирасирамъ.

Я особенно обрадовался, увидѣвши Капшана Фигнера, кошорый препровождалъ всю двухшысячную полпу плѣнныхъ. Въ коропкихъ словахъ рассказалъ онъ, что эпо опшкормленные шруссы сдались, почти безъ высшрѣла , при первомъ появленіи Казаковъ. — Необыкновеннымъ казалось видѣше Фигнера, препровождающаго плѣнныхъ, въ опшдаленіи опгъ шесашра военныхъ дѣйспвій;

но онъ объявилъ намъ, что имѣеть порученіе отъ Фельдмаршала ѣхать въ С. Петербургъ, съ донесеніями къ Государю Императору. Эпокою командировкою Фельдмаршалъ хотѣлъ наградишь Фигнера за его отличные подвиги. Славный партизанъ дѣйствительно имѣлъ счастье воспользоваться милостию Монарха. По приѣздѣ въ С. Петербургъ онъ былъ произведенъ въ Подполковники, переведенъ въ гвардейскую артиллерію, а шесть его былъ освобожденъ отъ казеннаго взысканія на 30,000 рублей.

30-го Октября, нашъ 4-й Корпусъ присоединился къ большой арміи, и вмѣстѣ съ 8-мъ пѣхотнымъ и 2-мъ кавалерійскимъ составилъ наблюдательный отрядъ подъ начальствомъ Графа Оспермана-Толстаго.

Въ слѣдующій день наблюдательный отрядъ нашъ перешелъ къ с. Лучинки, составляя почти арріергардъ большой арміи, попянувшейся къ гор. Красному.

4-го Ноября, 44-я дивизія, въ которой я находился съ артиллерією, заняла сел. Червонное, а 2-го Ноября Кобызево.

Когда 4-го числа, на пути изъ Смоленска, былъ разбишь Корпусъ Вице-Короля Испальянскаго, 44-я дивизія наша подбирала по лѣсамъ разсыянныхъ Французовъ. Въ одинъ вечеръ, Перновскаго полка Капи-

панъ Семчевскій, посланный съ ропшою въ ближайшій лѣсъ, привелъ, послѣ нѣсколькихъ выспрѣловъ, человекъ 50 плѣнныхъ. Въ пѣхошныхъ ропшахъ тогда у насъ было не болѣе какъ по 80 человекъ; въ иныхъ полкахъ считалось отъ 300 до 500 на лицо; бригада пѣхошы казалась баталіономъ, а цѣлая дивизія какъ одинъ полкъ. По этой причинѣ, можешь бышь, взяли нашъ 4-й Корпусъ изъ авангарда, и мы не приняли никакого участія въ пораженіи Корпусовъ Вице-Короля, Маршаловъ Даву и Нея; только подбирали въ плѣнъ разбитыхъ и разсѣянныхъ. Такимъ образомъ, 4-й Корпусъ, въ продолженіе шрехъ дней, собралъ безъ драки плѣнныхъ штысячь до чешырехъ; это обстоятельство весьма замѣчательно въ лѣтописяхъ Военнаго Искусства, и оправдываетъ дальновидность Фельдмаршала. Плѣнные — изнуренные, обгорѣлые, въ оборванныхъ шинелькахъ, подъ измятыми киверами, съ подвязанными ушами, и въ безобразной обуви — являли намъ плачевные оспашки великой и нѣкогда спрашной арміи завоевателя Европы. Они чрезвычайно были напуганы Казаками, копорые не давали имъ покоя ни днемъ ни ночью.

Между штымъ произошла перемѣна въ артиллеріи нашего Корпуса. Капшанъ Фи-

гверъ, прославившійся партизанскими набѣгами, и посланный въ С. Пешербургъ для награды, былъ переведенъ въ гвардію ; тогда 3-я легкая рота , носившая его имя, поступила подъ начальство Подполковника Тимоѣева, а-же, въ продолженіе опечесивенной войны командуя ротою, оспался въ ней шеперь спаршимъ офицеромъ.

Нѣсколько дней кваршировали мы въ сел. Кобызевъ, занимая шеплыя избы, въ кошорыхъ кой-гдѣ оспавались мужички для присмотра. Они рассказывали намъ анекдоты о Французахъ , кошорые и для нихъ казались жалкими : шалпаясь изъ двора во дворъ, безъ оружія, какъ нищіе, воины Наполеона просили куска хлѣба для продолженія своего гореспнаго сущеспвованія. Тушь ихъ уже не губили шакъ, какъ подъ Москвою, въ пылу шпенія. Хозяинъ нашего дома , мужикъ, рассказывалъ, что до прихода Рускихъ кваршировали у него Французскій Полковникъ съ шрема офицерами. « Съ какимъ смиреніемъ — говорилъ « онъ — сердечные , изъ кошорыхъ одинъ « зналъ по-Русски , выпрашивали у меня « хлѣба и всякихъ припасовъ , опдавая за « шо всѣ свои деньги , и умоляя , чтобы « пощадили ихъ. Не лъзя было не сжалишь- « ся надъ ними ; они казались шакъ смир- « ны, добры, и шакъ бѣдны , что нехопя

« подѣлишься, чѣмъ Богъ послалъ. Бѣдняжки
 « увѣряли, что не они виною шѣхъ бѣдъ,
 « какія дѣлаются въ Россіи, но Бонапарть,
 « заведшій ихъ прошивъ воли шуда, куда
 « они вовсе иди не желали. Чпо-де за
 « корысть для насъ въ Россіи? чего мы въ
 « ней не видали? Вошъ въ нашей-по спо-
 « ронъ пожизъ, да посмопрѣшь!... » Такіе
 рассказы удосповѣряли насъ, что въ эпои
 споронъ, около Смоленска, креспьяне, не
 будучи до крайности раззорены кварширо-
 вавшими у нихъ Французами, не имѣли къ
 нимъ шой жеспокон ненависпи, и не яв-
 ляли шоль ужасныхъ примѣровъ мценія,
 какими ознаменовали себя жипели городовъ
 и сель, раззоренныхъ въ окрешностяхъ
 Москвы, Можайска и Вязьмы.

Какъ Французы спрашились шогда Ру-
 скихъ, можно видѣшь изъ слѣдующаго при-
 мѣра. Подполковникъ Тимоеевъ, новый
 командиръ нашей аршиллеріи, кварширо-
 валъ особо въ небольшой, шеплой избѣ, ку-
 да мы ежедневно собирались къ нему пипъ
 чай и для бесѣды. Въ избѣ его, по обык-
 новенію, была огромная печь съ подпечни-
 комъ. Люди его замѣшили, что оспав-
 ляемая на ночь въ избѣ хлѣбныя корки и
 куски бишка опъ ужина, къ ушпру исчеза-
 ли, между шѣмъ какъ изба снушри запи-
 ралась на крючекъ, и спавшій у дверей

деньщикъ увѣрялъ по совѣспи, что онъ въ продолженіе ночи ничѣмъ не занимался, и спалъ, какъ убитый. Однажды мы, собравшись къ Подполковнику, на счесть эпюго шутили, говоря, что видно пѣни погибшихъ опъ голода Французовъ, пробираясь сквозь щели въ избу, поѣдали по ночамъ шо, въ чемъ они крайне нуждались въ послѣдніе дни жизни. Случилось одному изъ офицеровъ закуривать прубку передъ попившеюся печкою; бумажка упала на полъ, офицеръ нагнулся, чтобы поднять ее, и замѣпилъ подъ печкою что-то движущееся. Послали туда деньщика, копорый, къ удивленію присутствующихъ, вытащилъ изъ подъ печки— блѣднаго, изуреннаго, въ оборванной шинелькѣ Француза. Испуганный до смерти, непріятель нашъ бросился на колѣни, и со слезами, шрепещущимъ голосомъ просилъ себѣ пощады. Мы сожалѣли о немъ и смѣялись. Видя наше снисхожденіе, Французъ успокоился, попомъ признался, что необходимость заставляла его покидать по ночамъ оставляемую пищу, что онъ, живучи болѣе недѣли въ своей пещерѣ, довольно привыкъ къ ней: днемъ спалъ, а по ночамъ искалъ добычи, всюду обшаривая; иногда, пользуясь глубокимъ мракомъ ночи и крѣпоспію свахрапающихъ, онъ тихо отворялъ двери, и

выходилъ освѣжашься чистымъ воздухомъ. Съ самаго начала, будучи успрашенъ Русскими, и опасаясь мщенія крестьянъ, онъ тайно пробрался въ эту пустую избу, и избралъ себѣ жилищемъ — теплое мѣспечко. Этого новаго Діогена пошчасъ оправили въ дежурство, гдѣ, присоединясь къ поварищамъ, онъ могъ рассказывать имъ о своей теплой кантонирь-квартирѣ. Безъ сомнѣнія эти несчастные имѣли много чего другъ другу сообщать о подобныхъ спранныхяхъ, если только языкъ у нихъ еще могъ ворочаться опъ спужи и голода.

Здѣсь получили мы опъ Фельдмаршала приказъ, возвѣспившій намъ блистательную побѣду Генерала Плахова, разбившаго непріятельскій корпусъ, шедшій опъ Дорогобужа къ Духовщинѣ. Между прочимъ сказано было въ томъ приказѣ: «Послѣ
«чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ
«нами ежедневно и повсюду надъ непріа-
«шелемъ, оспаешся только быспро его
«преслѣдовашь; шогда, можешъ бышь, зем-
«ля Русская, кошорую мечшалъ онъ по-
«рабошишь, ушешся кошьми его. И шакъ
«мы будемъ преслѣдовашь неушомимо. На-
«спаюпъ зима, вьюга и морозы; но вамъ-
«ли бояшься ихъ, дѣши Сѣвера! Желѣзная
«грудъ ваша не спрашипся ни суровоспи
«погодъ, ни злоспи враговъ; она ешь на-

« дежная спѣна опечеспва, о копорую все,
 « сокрушается. Пусшь всякой вспомянешть
 « Суворова : онъ научаль сносишь голодь и
 « холодь, когда дѣло шло о побѣдѣ, о славѣ
 « Русскаго народа. Идемъ впередъ ! съ нами
 « Богъ ! передъ нами разбишый непріяшель !
 « Да будешть за нами шипина и спокой-
 « спвіе ! »

Эпошть приказъ имѣль свое дѣйспвіе. Офицеры и солдашы повпоряли весело: Мы дѣши Сѣвера ! У насъ желѣзныя груди и каменные кулаки ! намъ-ли бояшья морозовъ ! пойдешть впередъ доколачивашть Французовъ ! — Изъ эпого видно, какъ полководцу необходимо имѣшь при себѣ военно-краснорѣчиваго орапора ; а еще лучше, ежели онъ самъ можешть излишь свои геройскія чувспва въ сильныхъ выраженіяхъ ! Слова его какъ небесная манна подкрѣпляютъ бодрость духа воиновъ, ослабѣвающихъ опъ изнуренія, и, оживляя ихъ мужеспвомъ военачальника, производяшь чудеса, непоспжимыя для обыкновенныхъ людей.

Всѣ дѣянія Князя Кушужева показывали его мудрость, глубокое знаніе Военнаго Искусства, предусмопрительность ; все эпо подшверждалось многократными успѣхами ; а пошому никшо не спанешть обвиняшь его, почему онъ, имѣя равныя съ непріяшелемъ

силы и превосходство оружія, не нанесъ ему рѣшительнаго удара, окруживъ его подѣ Краснымъ. Могло спастись, что Фельдмаршалъ нашъ не почипалъ арміи Наполеона въ такомъ ужасномъ разспройствѣ, въ какомъ она дѣйствительно находилась при выпуленіи изъ Смоленска, о чемъ мы послѣ узнали; напрошивъ шого, въ первыхъ сшибкахъ подѣ Краснымъ, Французы оказали еще упорное сопротивленіе и ошчаянное мужество, кошорое на краю гибели ихъ, безъ надежды спасенія, могло-бы усилихся до высочайшей степени, и шогда, умирая съ оружіемъ въ рукахъ, они пролили-бы довольно крови Русскихъ воиновъ, кошорая была въ шогдашнее время драгоценна шѣмъ болѣе, что взглядъ на будущее предспавлялъ еще много усилийъ для совершеннаго окончанія съ успѣхомъ начашаго. Фельдмаршалъ, конечно, не хошѣлъ въвряшъ судьбу опечеспва случайности генеральнаго сраженія. Наши войски шакже были не въ завидномъ положеніи; они шакже терпѣли нужду, хоша безъ сравненія въ меньшей степени противъ непріателя; имѣли шакже значительную убыль опѣ успалыхъ и заболѣвшихъ среди военныхъ шрудовъ и опѣ скудной пищи; шолько любовь къ опечеспву и шоржеспво объ изгнаніи врага - раззоришела, подкрѣпляли

бодрости и веселіе духа Русскихъ воиновъ. Избѣжавъ генеральнаго сраженія подъ Краснымъ, наша армія не имѣла значительной пошери, чрезъ что сохранила грозную и важную осанку, съ копорою попомъ вспушила въ нѣдра Германіи, и увлекла полипику Европейскихъ кабинетовъ въ пользу Россіи. Соображая общошпельства будущаго, по видимому, Фельдмаршалъ не намѣренъ былъ дѣлать важныхъ усилій для окончательнаго испребленія Наполеоновой арміи опкрышою силою; изъ любви къ Россіи онъ, можетъ быть, пренебрегъ эшой славою. Великое дѣло было и шо, съ какимъ искусствомъ онъ умѣлъ, дополь ужасную для всей Европы, армію великаго завоешателя довести до послѣдней крайности. Должно замѣшншь, что всѣ военныя дѣйствія Фельдмаршала Князя Кутузова, опъ Москвы и до Краснаго, опличались высшимъ искусствомъ въ спрашегическихъ соображеніяхъ, прошивъ всѣхъ военныхъ дѣйствій, нашими арміями до того производимыхъ.

ГЛАВА X.

ОТЪ КРАСНАГО ДО ГРОДНО.

Движеніе арміи къ мѣст. Копысь. — Жиды. — Переходъ чрезъ Березину. — Военныя извѣстія. — Слѣды вѣдствій непріятеля. — Жестокость зимы. — Опшьяны. — Квартірованіе около Вильны. — Походъ въ Гродно. — Поляки. — Квартірованіе въ Гродно. —
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Опгъ Краснаго армія Фельдмаршала Князя Кушужева шла медленно, небольшими переходами, и располагалась въ квартирахъ по селеніямъ, менѣе раззореннымъ. 4-й Корпусъ Графа Осшермана-Толстаго шелъ особо колонною; въ обѣихъ дивизіяхъ его считалось войска не болѣе 3000, и 18 орудій артиллеріи. Если прочіе Корпусы были также не велики, то наша армія, приближаясь къ Березинѣ, была не значительна; но кажешя нѣкошорые полки и артиллерійскія роты оставлены были въ депо для формированія.

Авангардъ арміи, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, переправился черезъ р. Днѣпръ въ мѣст. Копысь, 11-го Ноября; мы

за нимъ шуда-же пришли 12-го числа и передневали.

Здѣсь въ первый разъ, послѣ пяпи-мѣсячной репиралды и преслѣдованія, увидѣли мы, хоша въ раззоренномъ, но не выжженномъ мѣспечкѣ, жипелей — Жидовъ. Не смопря на опшрапипельныя фигуры эспихъ обманщиковъ, мы доволно обрадовались найдя живыя сущесшва человѣческія, въ шеплыхъ жилищахъ, съ семейспвами; а какъ они въ самой скудоспи чѣмъ нибудъ да пишались, шо и мы, кромѣ сухарей, могли доспашъ опъ нихъ за деньги кой какихъ припасовъ. Сначала показывались шолько одиъ спарыя Жидовки; попомъ, видя наше смѣреніе и деньги, явились Жидаы. Обласканные, они разговорились о пресперпѣнномъ ими раззореніи опъ Французовъ, кошорымъ принуждены были угождашь. — « Но мы-же знали—говорилъ одиъ Жидъ— « что намъ худо будешъ; у нашего Государя сила войска, сила народа—шакъ и сбывлось. Якъ услыхали мы, же Французи « заграбили и сожгли Москву, шо-шо спугались! Наши Равнины на всихъ Евревь « валожили поспъ: двѣнадцашъ дней мы ни « чего ни пили, ни ѣли, и не выходили изъ « школы; все моились Богу, жешъ Москали « звернулись—шакъ и сбывлось. Теперь по « могай Богъ вашимъ и нашимъ; Французи

« бѣжашъ, и ужъ не звернушя. » — Другой Жидъ признавался, что Французы иныхъ Евреевъ посылали въ нашу армію шпионами, и давали имъ золото. — « Але, николю « не хотѣлъ брашь ихъ поганыхъ грошей! » — говорилъ Жидъ сморщившись. — « У насъ « были шакіе, же ходили къ Москалямъ въ « армію до Генераловъ, и даромъ сказывали « имъ, что у Французовъ дѣшся. . . . » За жилища Жидовъ и они сами уцѣлѣли ошъ пріятелей и непріятелей, между шѣмъ какъ Русскія избенки были выжжены, или распасканы на биваки, а крешьяне, разсыянные по лѣсамъ, шерпѣли голодъ и холодъ.

Въ Копысѣ успѣли подвезши для нашей арміи разныхъ припасовъ изъ подвижныхъ магазиновъ. Тупшъ выдали намъ жалованье, свѣжихъ сухарей, для лошадей овса, и прочее; шупшъ мы запаслись сахаромъ, чаемъ, водкой, и всякою всячиною, чшд могли доспашъ у подѣхавшихъ маркишаншовъ и Жидовъ. Такимъ образомъ, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Фельдмаршала, войски подкрѣпились; каждый изъ насъ, освѣженный удолешвореніемъ первыхъ нуждъ для сущеспвованія, приносилъ ошъ искренности сердца благодареніе своему попечителю.

Въ Копысѣ Фельдмаршалъ приказалъ

оставивъ орудія опть двѣдцати аршиллерійскихъ ротъ, изъ копорыхъ люди и лошади поспутили въ дѣйствующія роты ; въ число эшихъ назначили и нашу роту , пошому-ли, что она была у Фигнера, или за то, что находилась большею часію въ авангардѣ и перенесла много военныхъ тягоспей ; шолько для меня весьма пріятно было оставаться въ числѣ дѣйствующихъ.

14-го Ноября мы оставили Копысь и продолжали идти спороною опть ной дороги, по копорой шли Французы; ихъ преслѣдоваль особеннымъ опрядомъ Генераль Ермоловъ.

Опть Копыса аршиллерія 4-го Корпуса, всего 18-шь орудій, подъ начальствомъ Подполковника Тимоеева, шла опдѣльно опть пѣхоты, занимая для поспоя цѣлыя деревни. Жипелей мы ни гдѣ не находили ; селенія были пусты : какъ говорилса , ни кошки, ни собаки. Въ амбарахъ и сараяхъ все было пусто: ни зерна, ни крупинки, и ни клока сѣна. По крайней мѣрѣ были цѣлы избы, въ копорыхъ мы согрѣвались на соломѣ ; еко-же кормили и лошадей.

Зима еще не была жестока. Мы проходили чрезъ глухіе , обширные сосновые лѣса, копорые защищали насъ опть спужи. Наконецъ перешли мы рѣку Березину по бревенчатому мосту, ушвержденному про-

пѣвъ печенія воды канашомъ къ берегамъ, кошорые были плоски и покрышы лѣсомъ; вода неслась съ великою быспрошою, грязная и гуспая опъ снѣга. Рѣка шириною не болѣе 30-ши сажень; она-шо поглотила нѣскольго пысячь бѣглецовъ, мнимыхъ завоеващелей Россіи.

Еще не переходя Днѣпра, въ Копысь узнали мы о побѣдахъ Графа Вишгеншпейна, выгнавшаго Французовъ изъ Полоцка, кошорый взялъ онъ шшурмомъ, и попомъ погналъ Корпусъ Маршала Удино къ Березинѣ. Узнали, что Генераль Шпейнгель, за Полоцкомъ, разбилъ Баварцевъ, опнялъ у нихъ казну и въ обозъ знамена. Соображая къ шому побѣды нашей главной арміи, удосповѣрялись, что Фельдмаршалъ не напрасно обѣщаль усяшь Россію коспями неприящелей. Теперь, на походѣ къ Минску, съ удовольспвіемъ узнали еще, какъ эпомъ городъ дешево досшался нашимъ, въ возвращѣннѣ со всѣми магазинами военныхъ и провіаншскихъ запасовъ; но какъ въ городѣ было много больныхъ и раненыхъ, шо мы прошли мимо его.

По слухамъ, армія Адмирала Чичагова долженспвовала совершенно заградить бѣгспво Французамъ при Березинѣ, и мы уже полагаали скоро увидѣшь самого Наполеона въ рукахъ нашихъ; но какъ сильно всѣ были

опечалены, когда узнали, что онъ съ часпю своихъ войскъ пробился, скрывши опъ Адмирала мѣсто своей переправы. Говорили, что рѣка была запружена Французскими обозами, и даже изъ самыхъ пруповъ ихъ соспавился моспъ. Такой ужасной переправы конечно не бывало въ Военной Исторіи. — Разсказывали, что Фельдмаршалъ нашъ, извѣспившись о прорывѣ Наполеона съ войскомъ, былъ крайне опечаленъ, и самъ поѣхалъ въ армію Адмирала, копорая гналась за Французами; главную-же армію оспавилъ въ с. Ушь, подъ начальспвомъ Генерала Тормасова.

Когда мы вышли на большую дорогу, идущую опъ Мниска къ Вильнѣ, или на пошь пушь, по копорому бѣжали несчастные неприятели наши, по опашъ увидѣли опрокинушыя фуры, убишыхъ или замерзлыхъ людей и лошадей, разбросанныхъ по снѣгу и подъ снѣгомъ, черезъ копорые надлежало проѣзжашъ аршиллеріи. Однажды, моя пушка увязла колесомъ въ ухабъ, и чуть не опрокинулась. Я подбѣжалъ съ канонерами, чшобы поддержашъ ее, и увидѣлъ колесо засѣвшимъ между коспями размозженнаго, замерзлаго шрупа, копорый занесенъ былъ снѣгомъ. — Часпо видѣли мы, какъ по два и по шри черныхъ, обгорѣлыхъ Француза, иные даже съ

ружьями, шапались, подобно привидѣнiямъ, между снѣжными сугробами, въ споронѣ опъ дороги — и никшо ими не занимался. Однажды встрѣшили мы двухъ Русскихъ бабъ, кошорыя гнали дубинами, одна впереди, а другая позади, десяшка при оборванныхъ, полумерзлыхъ Французовъ. Смотри на шоржесство бабъ, съ какимъ онѣ вели своихъ плѣнныхъ непрiятелей, мы не могли не смѣяться; а съ другой спороны не лзя было не пожалѣть объ униженномъ сосшоенiи, до какого доведены эши, нѣкогда гордые завоевашели Европы. — Не рѣдко попадались намъ опшпалые, едва движущiеся Французы, укушанные и скорчившiеся, какъ безобразныя чучелы, кошорые продолжали съ нами свою решираду къ Вильнѣ. Видя офицеровъ, они слабымъ голосомъ зывали: *Monsieur! du pain!* — и когда ихъ опшавляли безъ вниманiя, шо испушивъ шажкiй вздохъ, несчастныя вскрикивали: *O mon Dieu! mon Dieu!* — Одинъ бѣднякъ, изъ числа ихъ, привелъ насъ въ особенную жалосъ и удивленiе. Онъ, подобно другимъ, едва передвигалъ ноги, но какiя ноги? — обнаженныя, съ примерзлою къ нимъ соломою; спупени его, почернѣвшiя опъ грязи, покрылись ледяною корою, подъ кошорою еще видны были ножныя пальцы, между соломою. Ноги до ко-

лѣтъ были вовсе опморожены , однако несчастный двигался на нихъ , какъ на колодкахъ , и еще могъ сказать: *дайте хлѣба!*... Солдаты оспанавливались смолпрѣшь на него , и съ содроганіемъ подавали ему сухарей.

Случалось намъ по дорогѣ заходить въ корчму , и что-же въ ней ? — ужасное зрѣлище ! — Посрединѣ курился огонекъ , а около него , вокругъ по всему полу , лежали одинъ на другомъ замерзлые Французы ; ближайшіе къ огоньку еще шевелились , а прочіе всѣ , въ искривленномъ положеніи , съ обезображенными лицами , оспавались какъ окаменѣлые.

Таковы были бѣдспвія , постигшія великую армію Наполеона ; бѣдспвія , превосходящія самое вѣрояніе !

И мы въ исходѣ Ноября спали чувспвовашь жестокость зимы , на пупи опѣ Минска къ Вильнѣ . Солдаты наши спакже были почернѣлы и укушаны въ тряпки ; иные одѣшы въ полушубки , или въ шулуны ; кшо въ кенгахъ , кшо въ валенкахъ и въ мѣховыхъ шапкахъ , спакъ , что , опложивъ оружіе , не походили на солдатъ . Офицеры не лучше были одѣшы . Я самъ едва могъ уцѣлѣшь опѣ мороза подѣ нагольнымъ шулупомъ и въ двойныхъ валенкахъ , укушавши голову большимъ плаш-

комъ; опть шпжеспи одежды не лъзя было долго идпи пѣшкомъ , но и сидѣпь невозможно опть сильнаго мороза. У нашего Подполковника, передъ аршиллеріею, ѣхали всегда саночки , въ кошорыхъ онъ сидѣлъ, укушанный въ медвѣжью шубу; дежурный изъ офицеровъ обязанъ былъ всегда препровождать ропу сзади, а прочіе находились впереди , и могли пользоваться саночками Подполковника. Но кпо сядлся , шопть долженъ былъ опяшь скоро соскакнвать и нѣсколко верспъ бѣжашъ , чшобы согрѣпъся; въ шакомъ случаѣ подавалъ намъ не малую опраду драгоцѣнный боченокъ съ Кизлярскою водкою , хранившійся въ саночкахъ, подъ ногами у Подполковника. Не будучи пьяницею и не пивши прежде ни по рюмкѣ водки, я, въ продолженіе эшого зимняго похода, выпивалъ спаканчика по два въ сущки, безъ всякой закуски , шакъ чшо, по окончаніи перехода, всшупая въ шеплую кварширу, послѣ мороза горѣлъ , какъ въ огнѣ; голова кружилась, и я, почпи пьяный, едва держался на ногахъ. Опть шакой напряженной жизни многіе изъ офицеровъ и солдапъ сильно заболѣвали , или опморазивали себѣ члены : почпи у каждаго чшо нибудь было пронушо морозомъ, и мои пяпки не спаслись опть него. Будучи въ шакомъ сосшояніи, мы не могли

довольно надивисься, какъ еще существовали Французы, лишенные всѣхъ способовъ пропитанія и защиты отъ спужа. Точно, надобно почешъ чудомъ, если еще нѣсколько сохенъ несчастныхъ воиновъ могли перенести шоль небывалая въ Военной Исторіи, даже невѣроятныя бѣдствія, въ продолженіе ихъ бѣгства отъ Москвы за границу, и если сохранили еще жизнь въ нѣдрахъ своего опдаленнаго опечества!

Лошади наши шерпѣли крайнюю нужду; кромѣ скудной дачи овса, возимаго на пушкахъ, онѣ не имѣли сѣна и питались шолько безсочною соломою. Всѣ селенія были пусты до самой Вильны; Поляки, обнаруживъ свою приверженность къ Французамъ, опасались мщенія отъ Рускихъ. Аршиллерія наша шацилась медленно, и, при безпрестанной убыли людей и лошадей, едвали въ соспоянніи была шогда дѣйствовать противъ непріятеля. Лошадей надобно было часшо перековывать, и, не смошря на то, при всякой горкѣ предшояло много затрудненія вспаскивать пушки: къ каждому орудію прицѣпляли вторую упряжку лошадей, пошомъ всѣми силами, съ большимъ крикомъ, хлещомъ и нуканьемъ, взвозили шяжешъ. Имѣя довольно заводныхъ лошадей, мы не мало бросили ихъ по дорогѣ упалыми. Такимъ образомъ и для

насъ самихъ , дѣшей Сѣвера съ желѣзными грудями , преслѣдованіе непріятеля сполно большихъ шрудовъ , шерпѣнія и пошери .

Главная армія Фельдмаршала Князя Кушпузова медленно приближалась къ Вильнѣ за войсками Адмирала Чичагова . Въ первыхъ числахъ Декабря мы пришли въ м. Богданово , гдѣ опдыхали и обогрѣвались въ кварширахъ съ недѣлю времени . 8-го Декабря пришли въ гор. Ошмяны . Тупъ видѣли шѣ-же слѣды пораженнаго въ бѣг-спвѣ непріятеля : шрупы погибшихъ , раскиданныя пушки и ящики . Говорили , что здѣсь была испреблена цѣлая дивизія Ипальянцевъ опрядомъ парпизана Сеславина .

Въ споронѣ опъ большой дороги , при городѣ , навалено было въ снѣгу нѣсколько сопенъ обнаженныхъ шруповъ . Это была для насъ послѣдняя каршина бѣдспвій , поспигшихъ непріятеля : различное положеніе скорченныхъ шѣлъ , искривленныя лица , сжашые кулаки , иногда оскаленные зубы , выпуклые , блестящіе глаза , все это рѣзкою печашію выражало ужасныя спраданія и послѣднія муки погибшихъ . Тѣла были навалены одно на другое въ шакомъ положеніи , какъ люди въ борьбѣ съ смершю замерзали : иной сидѣлъ оскаливъ зубы , другой споялъ съ поднашымъ кулакомъ ,

прешій съ распроспершими руками глядѣль выпуча глаза, иной лежалъ на спинѣ поднявши ноги, а иной споялъ на головѣ вверхъ ногами. . . . Издали эша группа нагихъ пруповъ въ снѣгу предспавляла чшо-по необычайное, и привлекала любопытныхъ; но видѣ человѣческихъ шѣлъ, превращенныхъ въ споль искаженные испуканы люлымъ морозомъ, приводилъ въ содроганіе сердце каждаго зришеля, и заспавлялъ съ ужасомъ опсходилъ опъ эшого живаго кладбища.

40-го Декабря, наша аршиллерія оспановилась въ м. Парадомино, въ 45 верспахъ опъ Вильны. Между шѣмъ какъ войски Адмирала Чичагова и Графа Вишгеншпейна, съ прочими лепучими опрядами выгнавъ непріашеля изъ предѣловъ Россіи, преслѣдовали оспашки его до самой Вислы, главная армія Фельдмаршала расположилась на канпониръ - кварширы около Вильны, Ошмяяъ и Вилькомира.

Сего числа Императоръ нашъ изволилъ пріѣхашъ въ Вильну. Слухи были, чшо для приняшя Его Величества, Фельдмаршалъ пригошовилъ приличную вспрѣчу: повергнулъ къ спонамъ Монарха опняшые у непріашеля профеш: орлы, знамена. Городъ былъ очищенъ опъ пруповъ и великолѣпно иллюмишованъ; казалось, всѣ чело-

вѣческія бѣдшвія исчезали опть одного присущшвія добраго Государя. — Не взираа на двусмысленную приверженность Дашовскаго дворянства и народа, Императоръ извоилъ милосшиво принять депушашовъ , и 12-го Декабря издалъ доспопамятный манифесшъ всепрощенія , по кошорому всѣ жишели снова возвратились въ дома свои, и, чувствуа благодѣянія законнаго Монарха, раскаялись въ минушномъ заблужденія , позволивши Наполеону обольспити себя. Фельдмаршалъ Князь Кушуровъ-Смоленскій, за доспославный подвигъ спасенія Россіи, получилъ опть Императора знаки перваго государшвеннаго военнаго ордена Св. Георгія 4-й степени.

Такимъ образомъ снова водворился порядокъ , и Россія возспала опть болѣзненнаго одра. Хошя розореніе было ошущишельно для многихъ , особенно для бѣдныхъ поселанъ, однако мало по малу изцѣлялись раны: шрудолюбіе, при пособіяхъ опть Правительшства, вознаградило пошерянное.

Такъ погибла пшисопш-штысячная армія Наполеонова, съ кошорою онъ мнилъ завоевашь Россію. 50 Генераловъ и 400,000 солдатъ оспались въ ней военноплѣнными, какъ будшо въ залогъ шого, чшо впредь ни одна Европейская нація, хошя-бы въ союзѣ съ прочими, не осмѣлишся никогда

предпринимають подобнаго вѣпорженія. Изъ 900 мѣдныхъ орудій , оставленныхъ Наполеономъ по пути своего бѣгства отъ Москвы до Вильны , попомѣство наше соорудить великолѣпный памятникъ событія , необычайнаго въ лѣтописяхъ міра , для славы великой и сильной Имперіи Россійской.

12-го Декабря артиллерія наша выступила изъ Парадомино , по направленію къ Гродно , гдѣ назначены были намъ кантонирь-квартиры.

На другой день пришли въ мѣст. Ойшишки. Тутъ услышали отъ Жидовъ рассказы о вѣроломствѣ Липовскихъ жидаевъ , какъ они въ началѣ кампаніи , при появленіи Французовъ , нападали на наши обозы , оставляемые съ слабыми прикрытіями , истребляли больныхъ , и въ самомъ мѣст. Ойшишкахъ захватили въ плѣнъ команду егерей съ офицеромъ.

Помѣщики и Шляхта были особенно наэлектризованы прокламаціями Герцогства Варшавскаго; они думали видѣть въ Наполеонѣ возстановителя полишскаго бытія древней Польши. Великіе подвиги Наполеона , котораго прещесала вся Европа , выключая Россіи и Англіи , его предприимчивый духъ и непреодолимое счастье , представляли все возможнымъ. Одышъ показы-

ваешь, что всѣ великія предпріятія тогда только кажутся смѣшными и нелѣпыми когда выйдетъ неудача въ ихъ исполненіи; напрошивъ того самая безразсудныя дерзоспи при успѣхѣ прославляюшся, какъ плоды генія, а люди, произведшіе ихъ, именующіяся великими.

На походъ случалось намъ оспанавли-
вашься для кваршированія въ фольваркахъ,
у помѣщиковъ. Они принимали насъ, какъ
виновашые, съ боязнію и опасеніемъ на-
шей мнимой ненависти. Но какъ благо-
родный воинъ обыкновенно дѣйствуетъ
непріязненно только въ рядахъ, по данному
побужденію, то мы скоро ихъ разувѣрили
и миролюбіемъ своимъ заславили бытъ
опкровеніемъ. Прекрасныя Польки встрѣчали
насъ также съ робостію, но милыми улыб-
ками и восхищительными глазками могли
обезоруживашь самаго ревностнаго Мо-
сквишанина. Эти *цуретки* (дочки), подъ
пакшъ своимъ Добродеемъ, изъявляли предъ
нами скорбь о томъ только, что война
пробовала великихъ пожертвованій, при-
водившихъ въ крайнее раззореніе обываше-
лей; что онѣ не желали бы и воспановле-
нія опчизны—чѣмъ споль мило ихъ поль-
спили—только бы оспавашься въ покоѣ и
не бытъ нищими. Такое краснорѣчіе изъ
успѣ прелестныхъ насъ увлекало, и мы

имъ вѣрши. Почти въ каждомъ домѣ были портреты Наполеона. Въ такомъ случаѣ *Панька*, хозяйка, сама же намъ вниманіе къ портрету, рассказывала, что Наполеонъ *великій* самъ себя называлъ *незработнымъ* (не красивымъ) Французомъ — *слово его, Мосце Добродзето* и.... прибавляла она значительнымъ шепотомъ, качая своею головою, и давая чрезъ это уразумѣнныя оспальное,

Ежели языкъ и вѣра составляютъ главнѣйшее различіе между народами, отъ чего они не могутъ сродниться и пишавать взаимную независимость, не разумѣя другъ друга, чуждаясь въ обрядахъ вѣры, то Поляки по необходимости должны сродниться съ Русскими въ одно великое племя народа Славянскаго, подъ одну державу, подъ одни законы и вѣру. Языкъ Польскій весьма немногимъ разнится отъ Русскаго; корень ихъ одинаковый; въ искреннемъ союзѣ братскія отъ могъ-бы составили одно общее нарѣчіе; Вѣра также Христіанская, съ немногорымъ различіемъ въ обрядахъ; нужна только любовь, чинить бытъ безъ ненависти братьями одного племени. Сообразивъ это, безприсрашнымъ сужденіемъ, очевидно, что Поляки тогда только будутъ счастливыми, когда пошущать въ сердцахъ своихъ ненависть

къ Рускииъ , безвиннымъ соплеменникамъ своимъ , и соединялся съ ними брацкимъ союзомъ подъ одну державу. По географическому положенію въ Европѣ , Польша не можетъ существовать отдѣльно отъ Россіи , ибо она никогда не можетъ быть сильнѣе этой обширной Имперіи для избавленія отъ вліянія ея могущества; и пакъ надлежитъ смиришься , надлежитъ принять мечу національной свободы прѣпятствіе на существованіе необходимой зависимости , и наслаждаться щемъ спокойствіемъ , которое нынѣ Россія даритъ Польшѣ , охраняя ее подъ могущественнымъ крыломъ своимъ.

18-го Декабря всгнупили мы въ Гродно. Послѣдній переходъ былъ несносенъ: вѣтеръ и дождь вспрѣчали насъ , заслѣпая глаза. Русская зима смягчилась , совершивъ свой подвигъ для пораженія врага нужеземнаго.

Городъ казался довольно значительнымъ; въ немъ были хорошія каменные зданія , отъ древности однако законшѣлыя и приходившія въ ветхость. На площади замѣненъ былъ великолѣпный костелъ Фаро ; въ числѣ частныхъ строеній лучшія были синарая обержа , и домъ , гдѣ кваршировалъ Генераль Милорадовичъ. Жишели города , шлякша , или всѣ дворяне , и праздные Французы , съ приближеніемъ Рускихъ у-

шли въ Варшаву; опть того многие дома были пусшы. Хотя городъ , уже дней семь назадъ , былъ занятъ паршизаномъ Давыдовымъ , однако все еще оспавались въ немъ слѣды проходящей военной шучи. Въспю обывашелей встрѣчались большею частію свои солдаты, и вышедшіе изъ госпиталля Авспрійцы или Венгерцы. Больныхъ непріятелей оспавлено въ городѣ множешво ; по крайней мѣрѣ не видно было на улицахъ шруповъ , обгорѣлыхъ развалинъ домовъ , и вообще признаковъ шѣхъ бѣдспвій, какихъ до того мы были свидѣтелями. Старый дворець съ конюшнями , превращенный въ госпиталь , вмѣщаль въ себя нѣсколько тысячъ больныхъ и раненыхъ Авспрійцевъ и Французовъ. Одна Русская церковь была превращена въ фуражный магазинъ ; смиренные лики Святыхъ , съ благословляющими десницами , являлись на стѣнахъ храма изъ-за насыпей овса и пучковъ сѣна. Солдаты наши, видя это, въ негодованіи говорили, что по дѣломъ Чудопворцы наказали нечесшивцевъ. Въ провіаншскомъ магазинѣ было оспавлено Французами нѣсколько тысячъ порцій бѣлыхъ сухарей , кошорыхъ роздали нашимъ солдатамъ. Эти сухари, на подобіе бѣлыхъ кирпичиковъ , были прѣсны , и пошому не нравились Рускимъ: чернаго, ки-

слаго земляка своего они предпочитали бѣлому и прѣсному инорспраицу.

Къ нашей опрадѣ находилось въ городѣ нѣсколько обержей, или респораций, гдѣ за умѣренную плату могли мы, послѣ черспвыхъ сухарей, повѣжись вкусъ свой Польскими посправами, изразами, гульшайскимъ бикосомъ, и выпишь филижанку густой кавы съ жирною смѣшанкою изъ рукъ миловидной каси; — извѣсно, что въ цѣлой Европѣ нигдѣ не пригошпвляющъ споль хорошо кофе, какъ въ Польшѣ. По обычаю всѣхъ Польскихъ городовъ, и здѣсь содержались въ обержахъ прелеспныя магнисиэрки, кошорыя прищягивали къ себѣ нашу братью съ раціонами; онѣ бывающъ душею веселой компаніи офицеровъ, и своєю любезностію часло приправляющъ пересоль или недоваръ неискусной поварики.

Прекрасный полъ въ Польшѣ сполько опличень, что даже изъ проспыхъ шляхшянокъ много еспъ очень прелеспныхъ. Русскіе офицеры могушь похваляшья особеннымъ къ нимъ расположеніемъ милыхъ Полекъ: онѣ признающъ въ нихъ мужеспво и силу, какъ деспонспсва, въ нѣкошпоромъ опношеніи, преимущеспвенныя.

Но кто болѣе всѣхъ обрадовался возвращенію Рускихъ? конечно Жидаы. И по-

длинно: жить ли по жизни съ Москалями! Офицеры щедро награждаютъ ихъ за факторство.... а у прессыхъ солдатъ Жиды покунають сходно разныя вещицы. Не смотря на военное время, лавки въ городѣ были открыты, и Жидовки, сидя въ нихъ надъ жаровнями, какъ древніа Писии, торговали всякой всячиною.

Мы занимали лучшія квартиры не по гостепріимству, а пошому, что большая часть домовъ были пустаы; въ городѣ оспавались только Жиды и мѣлая шлякша. Въ энпузіасты-патріоты, спрашась мщенія Рускихъ, удалились вмѣстѣ съ мнимыми своими избавителями, покуда Всемилоспивѣйшій манифестъ 42-го Декабря о всепрощеніи не разуверилъ ихъ въ пушомъ спрахѣ, и не засшавилъ возвращенія въ свои жилища, признавая великодушіе сильнаго Монарха Россіи.

Такъ кончилась знаменитая война Россійская! Приготовленія къ ней были сильны, дѣйствіе ея ужасно, послѣдствія чрезвычайны. Какъ спрашный ураганъ убійственнѣмъ вихремъ ниспровергаетъ все на пуши своемъ, или какъ пламенная лава пожираетъ все сущесшвующее на землѣ, такъ Наполеонъ пробѣжалъ съ своею ра-

пнїю просиранснво штысячи верстѣ, отъ Нѣмана до Москвы и обратно, со всѣми ужасами гибельной войны, со всѣми бѣдствїями челоуѣчества, испребиавшими великія силы Франціи, вооруженіе цѣлой Европы, и положившими начало сокрученію его колоссальнаго могущества. Въ шесть мѣсяцевъ исчезли всѣ его обширныя предпрїятїя, грозившія ниспроверженіемъ Россійской Монархіи, неприкосновенной шесть вѣковъ въ своей самобытности — и только слѣды пораженій, слѣды пламени и гибели указали путь на всемъ просиранствѣ, по кошорому пробѣжалъ эпошѣ гениі, испребишеть челоуѣчества.

Двѣ державы еще могли ослоривать могущество Наполеоново, и только на Россіи могъ онъ сокрушиться, какъ бурное море разбивается о граншнюю скалу; ея возвышенная глава, швердая въ своемъ основаніи, презрѣла всѣ усидїя ярой спнхнн. Ежели Европа спонала подъ шяжкимъ игомъ власпи своего завоешателя, и ежели нынѣ она наслаждается бышіемъ своимъ въ прежнемъ шорядкѣ вещей, шо эшнмъ обязана, конечно, Россіи: пожаръ Москвы, эша безпримѣрная жершва любви народа къ опечеству, освѣшила надежду спасенія въ спонающей узницѣ. Гиганшъ былъ пошпрасень въ своемъ могуществѣ: сошни шы-

саячъ бездушныхъ шруповъ покрыли пущь, и онъ спалъ — обезоруженъ.

Тщепны были послѣдующія усилія Наполеона производить магически новыя арміи; онъ шворилъ уже не воиновъ, окрѣпыхъ въ мужествѣ побѣдами, но слабыхъ юношей, изнемогавшихъ подъ шажескію оружія.

Европейскія державы, поспигнувъ безсиліе завоевателя, попиравшаго до полъ права ихъ, и обезоруженнаго Россіею, пробудились: онъ уразумѣли возможность сбросить шягостное иго для пріобрѣтенія національной независимости, и тогда полько, съ оружіемъ поднятымъ проливъ Россіи — приспали подъ ея згиду: грозный видъ и силы великой державы Русской невольню увлекли ихъ въ союзъ съ нею. Поразивъ врага, посягнувшаго на ея собственную свободу, она пошла сокрушать оковы рабства, наложенныя имъ на Европу.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ГЛАВА I. До открытія военныхъ дѣйствій. —	
Нѣчто о Наполеонѣ. — Предвѣща-	
пель. — Шпіоны. — Несвижъ. —	
Начало движенія войскъ. — Батъ въ	
Слонимѣ. — Смотри и походъ. —	
Способъ фуражированія. — Провздъ	
ИМПЕРАТОРА. — Смотри. —	
Командировка въ Бобруйскъ. — Нѣ-	
что о Фигнерѣ. — Движеніе къ гра-	
ницѣ.....	13

ГЛАВА II. Отъ Вильны до Двини. — Объяв-	
леніе войны. — Разсужденіе о кам-	
панин. — Лагерь предъ Вильною. —	

Начало ретирады. — Вспрѣча съ не-
 пріятелемъ. — Открытіе сообщенія
 между корпусами. — Лагерь при Дви-
 нѣ. — Молесшвія о побѣдахъ. —
 Состояніе войскъ непріятельскихъ и
 нашихъ..... 34

Глава III. Отъ Двинъ до Смоленска. — Пе-
 реправа черезъ Двину. — Переходъ
 черезъ Полоцкъ. — Ночлегъ въ корч-
 мѣ. — Армія при Вишескѣ. — Сра-
 женіе при Оспровно. — Операція
 надъ раценымъ. — Отступленіе отъ
 Вишеска. — Биваки у Порѣчья. —
 Армія у Смоленска. — Разныя извѣ-
 стія. — Военное замѣчаніе..... 65

Глава IV. Отъ Смоленска до Бородинъ. —
 Движеніе войскъ передъ Смолен-
 скомъ. — Нападеніе Франгузовъ. —
 Карпина Смоленской битвы. — От-
 ступленіе. — Сраженіе на р. Спра-
 гані. — Подвигъ Фигнера. — Дви-
 женіе къ Дорогобужу. — Переходъ
 чрезъ Вязму. — Прибытіе къ ар-

III

Справа.

винъ Князя Кунгузода. — Ошсупленіе къ Бородину..... 104

ГЛАВА V. *Отъ Бородина до Москвы.* — Расположеніе войскъ при Бородинѣ. — Предварительная сшибка. — Приготовленіе къ бою. — Картины Бородинской битвы. — Конфузия. — Разные случаи. — Продолженіе репериды къ Москвѣ..... 135

ГЛАВА VI. *Отъ Москвы до Тарутина.* — Приближеніе къ Москвѣ. — Энгузіазмъ Фигнера. — Переходъ черезъ Москву. — Ошсупленіе по Рязанской дорогѣ. — Поворотъ къ Подольску. — Важность сожженія Москвы. — Рѣчь къ войску Генерала Барклая-де-Толли. — Военное замѣчаніе. — Первые успѣхи. — Движеніе отряда Графа Остермана-Толстаго. — Пожаръ въ Вороновѣ. — Сшибка при Спасѣ-Кульѣ..... 163

ГЛАВА VII. *Отъ Тарутина до Малаго-Ярослава.* — Лагерь при Тарутинѣ. —

Вонизія хипросна Фельдмаршала. —	
Партизаны. — Подвиги Фигнера. —	
Худое состояніе непріятельской ар-	
мін. — Предложеніе о мирѣ. — На-	
паденіе на Французовъ при р. Чер-	
вишиѣ. — Движеніе войскъ къ Ма-	
лому-Ярославцу.....	196

ГЛАВА VIII. <i>Отъ Малаго-Ярославца до Вязь-</i>	
<i>мы.</i> — Ночная картина Малаго-Яро-	
славца. — Движеніе авангарда. —	
Военное замѣчаніе. — Опступленіе	
обѣихъ армій. — Занятіе нами Ма-	
лаго-Ярославца. — Церковный спа-	
росна. — Преслѣдованіе. — Анекдо-	
ты о народной войнѣ. — Сближеніе	
съ непріятелемъ. — Сраженіе при	
Вязмѣ. — Ночныя явленія.....	227

ГЛАВА IX. <i>Отъ Вязьмы до Краснаго.</i> —	
Видъ Вязьмы послѣ сраженія. — Слѣ-	
ды бѣдшвій непріятеля. — Состоя-	
ніе нашихъ войскъ. — Ночлеги въ	
Дорогобужѣ. — Встрѣча съ Фигне-	
ромъ. — Дѣйствіе наблюдательнаго	

корпуса. — Кваршированіе въ с. Кобызевъ. — Приказъ Фельдмаршала. — Военное замѣчаніе..... 255

Глава X. *Отъ Краснаго до Гродно.* — Движеніе арміи къ мѣсп. Копысь, — Жиды. — Переходъ чрезъ Березину. — Военныя извѣстія. — Слѣды бѣдствій непріятели. — Жестокость зимы. — Ошмяны. — Кваршированіе около Вильны. — Походъ въ Гродно. — Поляки. — Кваршированіе въ Гродно. — Заключеніе..... 275

Stanford University Libraries

3 6105 005 923 896

250 98
153570/272

DK53

R3
V.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

STANFORD LIBRARIES

JUL 29 1986

I. L. L.

APR 8 - 1987

